Философский боевик

НФ Техно-экшн

Киберпанк

МОРИС
Ж. ДАНТЕК

Призрак джазмена на падающей станции „Мир"

«У нас с Карен, в общем-то, не было выбора, когда мы решили ограбить государство, которое пыталось отобрать у нас жизнь»

РИПОЛ КЛАССИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

По шоссе, уходящему на юг, под звуки саксофона-камикадзе мчится пара, пораженная нейровирусом, который подключил их мозг к космической станции «Мир» и ее ангелу-хранителю — джазмену Альберту Эйлеру.

Так начинается путешествие по ту сторону реальности и бесконечности.

Философский боевик, научно-фантастический техно-экшн в жанре киберпанк от Мориса Дантека, автора, которого называют «человеком № 1 в научной фантастике XXI века».

- Морис Дантек
  - It's one for money…[1]
  - Two for the show…[26]
  - Three to get ready now go cat go…[43]
  - But don't step on my blue suede shoes…[84]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106

Морис Дантек
ПРИЗРАК ДЖАЗМЕНА НА ПАДАЮЩЕЙ СТАНЦИИ «МИР»

It's one for money…[1]

Я вошел в здание почты и сказал:

— Добрый день, дамы и господа. Я не отниму у вас много времени. Это вооруженное ограбление, так что ложитесь на пол и считайте пылинки перед собственным носом.

Людей в крошечном помещении местного почтового отделения было немного. Только чета пенсионеров и пухлая немолодая уроженка Мартиники по эту сторону перегородки с окошечками да двое служащих — по другую. Оттенок их лиц настолько совпадал с тоном стен, что наводил на мысль о цветном ксерокопировании.

— Все — на пол! — рявкнул я, чтобы до них наконец дошло. — Эй вы, — обратился я к операционистам, — шевельнете хоть пальцем, завалю всех, кто находится рядом со мной.

Обладатели пенсионных книжек принялись стонать. Я заставил их шевелиться быстрее, размахивая «береттой» и выкрикивая много разных слов, после чего с максимальной поспешностью опустил засов на совершенно сгнившей входной двери. Столь древнее почтовое отделение — настоящая находка. До закрытия оставалось пять минут. Сегодня у служащих «РТТ»[2] этот момент наступил немного раньше, только и всего.

Я хорошо знал расположение всех комнат, и речь шла не только о местонахождении «тревожной кнопки» или замаскированной камеры наблюдения в углу. Я хорошенько ударил по двери, которая торчала позади прилавка — замок буквально взорвался, — и без лишних условностей скомандовал:

— Все — туда, живо!

Выражение лиц всех присутствующих словно свидетельствовало о том, что перед ними внезапно возник инопланетянин. В их вытаращенных глазах открывались бездонные пропасти чистейшего ужаса, и я вынужден был признать, что это вполне логично. Я размахивал массивным черным пистолетом «Беретта M92» — весьма грозным орудием убийства, а мои глаза налились кровью: ведь меня уже несколько дней мучила бессонница из-за «спида»,[3] этого чертового «мета»,[4] привезенного мной из Амстердама.

Чета пенсионеров и грузная негритянка встали, часто дыша и подвывая, а я проревел нечто неразборчивое, чтобы заставить их пошевеливаться. Я еще раз врезал ногой по двери. Раздался адский грохот, но все-таки не такой громкий, как при выстреле. Этого оказалось достаточно, чтобы добавить им расторопности и сообразительности.

После этого я занялся сотрудниками почты.

Это были парень и девка, одного возраста. Хотя о возрасте, если честно, тут говорить не приходилось: последняя стадия молодости, едва ли больше тридцати. Я видел, что парень не слишком-то горит желанием умереть и досрочно покинуть занимаемую должность. Поэтому он стоял не шевелясь и не пытался совершить какую-нибудь глупость. Телка, держа руки за головой, торчала возле этажерки с картотеками и, судя по всему, отчаянно трусила.

— Мне известно, где лежит наличка, — сказал я, обращаясь к служащему, — в задней комнате, в мешках, за которыми через пару часов должны приехать ваши парни… Если не станешь мне перечить, то сможешь расписываться в ведомости на протяжении еще добрых тридцати лет, понятно?

Дуло «беретты», казалось, хотело пусть корни у него во лбу.

— Понятно, — ответил парень без особого смущения.

— Отлично. Все — в заднюю комнату, живо! — рявкнул я, указывая направление кончиком ствола.

Я запер всех, кроме парня, в комнате, похожей на пыльное архивохранилище без окон.

Деньги лежали в старом сейфе, намертво вмонтированном в стену, в углу другой комнаты, расположенной за кассовым залом. Я объяснил парню, что ему лучше напрячь память и сообщить мне секретный код. Отпираться было бесполезно, ведь именно он спустя полтора часа должен открыть бронированный ящик инкассаторам. Служащий не стал возражать. Он отпер сейф и вытащил два массивных холщовых мешка. Я тут же запихнул их в черные полиэтиленовые пакеты для мусора, которые лежали наготове у меня в кармане. Около тридцати тысяч евро в каждом — двести тысяч франков, как сказали бы раньше. Сбережения скромных стариков, проживавших в этом квартале, арабов, державших лавки, и нескольких пройдох, которые пользовались тем, что в древних желто-голубых почтовых отделениях клиенты сохраняли инкогнито. Кое-какие знатоки вообще полагали, что наличные деньги вскоре полностью исчезнут и превратятся в нечто незаконное.

Я продолжил действовать в соответствии с намеченным планом.

Велел парню взять мешки и идти за мной. Покидая помещение, я мимоходом оборвал провода телефонных аппаратов.

Отделение «PTT» на улице Анатоля Франса было пережитком минувшей эпохи. Без сомнения, это было одним из последних учреждений, напоминавших французскую почту XX столетия.

Теперь, после того как человечество только что разменяло новое тысячелетие, оно походило скорее на заведение, которое в ближайшем будущем займет место в музеях.

Мы вышли. Парень с мешками в руках шел первым. Я по-прежнему не снимал шерстяную шапку-шлем. Учитывая, что на улице была зима, это вполне могло сойти мне с рук. В любом случае, в крошечном переулке, куда мы немедленно свернули, взяв влево, не оказалось ни души. Проулок под прямым углом примыкал к улице Анатоля Франса. Перед тем как мы покинули почтовое отделение, я четко и без обиняков объяснил парню схему дальнейших действий: иди прямо и поворачивай, когда я скажу, не думай ни о чем — и все будет хорошо. Молодой человек в форме почтового служащего реагировал на мои слова спокойно, хладнокровно. Все складывалось отлично, дельце проворачивалось легко, как по маслу.

Мы дошагали до площади Пьера Броссолета и оказались в старом жилом квартале, граничившем с железнодорожной линией «RER C»: массивные приземистые халупы, дремлющие под деревьями, которые зима раздела догола (типичная жестокость природы), переплетение невзрачных улочек, озаренных серым дневным светом. Напротив был тупик, где в тачке меня ждала Карен.

Мы подошли к «бумеру»[5] — массивному автомобилю пятого поколения, оформленному в полном соответствии со всеми правилами, если не считать того, что он записан на двух несуществующих бельгийских граждан. Я сразу же открыл багажник, чтобы парень не успел разглядеть фигуру Карен, сгорбившуюся на водительском сиденье.

— Положи мешки сюда, — произнес я.

Он швырнул пакеты в багажник и повернулся ко мне. Судя по его гримасе, до него начинало доходить, как события будут развиваться дальше.

— Извини, но времени на обсуждение у нас нет. Забирайся в багажник, он придется тебе как раз в пору. Я обязательно выпущу тебя чуть позже, в промзоне…

Это было предусмотрено планом: трюк, позволяющий выиграть немного времени у преследователей и дающий парню возможность хорошенько запомнить наши приметы.

Я пытался сохранять спокойствие. Служащий не создавал нам особых проблем. Конечно, мы не были похожи на порядочных людей, но и совершенно неблагодарными свиньями нас тоже не назовешь.

Парень колебался. Было заметно, что он находится на грани истерики. Я прятал ствол под рукой, но по-прежнему держал его

на прицеле. Времени на споры у меня не оставалось.

Я заранее велел Карен вести себя тихо, но в тот момент увидел, что она зашевелилась на своем сиденье. Мы теряли драгоценные секунды.

Я резким движением захлопнул багажник:

— Иди до конца тупика и прислонись к стене, как будто справляешь нужду. Если ты отлипнешь от стенки прежде, чем мы смоемся, я займусь стрельбой по мишени.

Я залез в тачку. Сел возле Карен. Машина тут же резко тронулась с места, проехав задним ходом до маленькой площади.

— План «А», — произнес я. — Через десять минут мы должны быть у Итальянских ворот.

Она рванула рычаг, переключая передачу, и, двигаясь на максимальной скорости, свернула к железной дороге. Шины взвизгнули в ледяном безмолвии скованного зимой пригорода.

Как я успел заметить, служащий почты воспользовался моментом, чтобы помочиться на стену, которая перегораживала тупик.

Мы мчались по пустынным проспектам, тянувшимся вдоль железнодорожной ветки и прилегающих пустырей, среди заброшенных складов и старых жилищ для рабочих, среди покинутых кафе, жалких магазинов и одиноких гостиниц, каждая из которых походила на какое-то умирающее существо. Им на пятки наступал свеженький бетон третьего тысячелетия с его торговыми центрами, жилыми и офисными зданиями. Менее чем через пять лет вся эта ветхость исчезнет, поглощенная новой цивилизацией. Мы направились к железнодорожным путям, пролегающим вдоль берегов реки, прямо к кольцевой автодороге. Движение было не слишком интенсивным. Наступило время обеда, когда плотность автомобильного потока резко падает.

Мы не обменялись ни единым словом, пока не выехали за черту Парижа — в полном соответствии с планом «А». На данный момент все складывалось удачно.

Когда в пределах видимости показалась гидроэлектростанция Мант-ла-Жоли,[6] напряжение стало отпускать нас.

— Все прошло отлично, — произнес я.

Повисла короткая пауза, затем девушка ответила:

— Угу, все прошло отлично.

Я вновь достаточно проворно включился в разговор: следовало поддержать беседу.

— Все прошло просто супер.

— Угу, — сказала она спустя пару секунд, — все прошло супер.

Я повернулся к Карен. До этого момента я не сводил глаз с

дороги, если не считать быстрых косых взглядов по сторонам. Девушка крепко держала руль, мускулы ее рук и предплечий были немного напряжены, а смотрела она строго прямо перед собой. Я видел, что Карен сосредоточена и взвинчена, но мало-помалу моя напарница начала расслабляться.

Еще одно усилие.

— Никаких потерь, никаких царапин, никаких копов, — продолжил я. — Мы действуем, как предусмотрено… и не меняем плана, который полностью срабатывает…

Я пытался ободрить Карен, но видел, что мои попытки не слишком удачны. Получалось, будто я заливаю ей какую-то ерунду, чтобы убедить в успехе самого себя.

Поэтому я предпочел сменить стратегию и принялся рыться в бардачке в поисках кассеты.

Мне попалась любимая «фишка» Карен — джаз, импровизация, Альберт Эйлер,[7] сборник шестидесятых годов. По ее мнению, это один из величайших джазменов. Звучание инструмента, напоминающего саксофон-камикадзе, сопровождало нас на всем протяжении дороги, ведущей на запад.

Согласно плану, нам предстояло доехать до побережья Нормандии и бросить тачку в укромном месте, под пологом леса, где-то между Довилем и Онфлёром. Затем мы должны сесть на поезд и доехать до Байё,[8] хотя билеты куплены до Шербура.

Позже мы покинем вагон и выйдем в маленьком городке, знаменитом своим ковром. Там, на парковке возле вокзала, нас со вчерашнего дня ждала вторая машина — «ауди», в меру крутая, но достаточно распространенная, зарегистрированная в регионе Иль-де-Франс.[9] Таких в этих местах полно. Мы помчимся на юг, до самой Испании, — согласно второй фазе плана. Фазе, во время которой мы с баблом смываемся за тридевять земель.

Мы взяли напрокат «бумер» в Лилле, воспользовавшись поддельными бельгийскими удостоверениями личности. Обнаружив эту тачку на северном побережье Франции и узнав о наших железнодорожных билетах до Шербура, копы убедятся в правильности своей версии о нашем бегстве в Великобританию или одну из стран Северной Европы.

Эту «ауди» мы купили и держали в резерве «для последнего рывка».

Мы будем ехать без остановки, до самой южной точки континента, где в Альхесирасе нас ждет судно и даже покупатель для нашей второй тачки, готовый заплатить до того, как мы поднимемся на борт.

Я вновь обдумал все это, пока мы съезжали с автобана в

районе Манта, перед пунктом взимания транзитной платы, наполненным легавыми. Мы двинулись по федеральной трассе, не говоря друг другу ни слова. Теперь я тоже пытался расслабиться. Сигнал тревоги уже прозвучал, и описание нашей колымаги разошлось по всей Франции с помощью информационных сетей Метрополя.[10] Перед самым налетом я как следует испачкал грязью номерные знаки машины, чтобы их не смог разглядеть ни один потенциальный свидетель, а сразу после ограбления отдал тачку во власть валиков автоматической мойки, прямо за Итальянскими воротами. Согласно нашему плану, полиция будет искать грязный «бумер» с нечитаемыми номерными знаками, за рулем которого находится «парень» в шапке-ушанке, а рядом с ним — мужчина в кожаной куртке и шапке-шлеме. Но сейчас мы выглядим как чета молодых бельгийских горожан, а «бумер» с парижскими номерами сияет чистотой, как новенький.

Все прошло классно.

Мы бросили тачку в условленном месте и вновь изменили свой внешний вид с головы до ног. После чего протопали пешедралом пару километров по пустынной сельской дороге. Я швырнул ствол в море с обрывистого берега. К вечеру мы добрались до вокзала Онфлёр, а с наступлением ночи оказались в Байё, где сразу же сели в «ауди» на стоянке у железнодорожной станции и уехали. На этот раз машину вел я.

За два последних месяца мы уже ограбили подобным образом такое же старое почтовое отделение — но в противоположном районе парижских предместий, в Дранси. После этого мы взяли кассу в региональном представительстве одной экологической политической партии возле Корбея, затем — в парке развлечений «Макдоналдс» в Торси, а также присвоили всю выручку в центре продажи билетов на междугородные автобусы в крупном пересадочном терминале Кретея. К этому следует добавить ночную кражу со взломом в ювелирном магазине в Исси-ле-Мулино. При подведении финансовых итогов операций, учитывая различные расходы, связанные с покупкой автомобилей (каждый раз — новых) и заметанием следов, следовало признать, что это далеко не самый худший бизнес из всех возможных. Единственная проблема состояла в том, что удача не может сопутствовать нам вечно. Нельзя было ни в коем случае уподобляться игроку казино, который не может удержаться от соблазна сыграть еще один раз и начинает проигрывать, после чего спускает все деньги в рулетку. В нашем случае первый же неудачный поворот колеса будет означать приблизительно пятнадцать лет гниения на тюремных нарах, поэтому нужно

обязательно остановиться в определенный момент.

Я уже смирился с необходимостью убраться куда подальше, уехать на другой конец мира, когда мы, Карен и я, встретились в Центре фильтрации. Именно здесь санитарные бригады, специально созданные новым правительством, обнаружили у нас синдром генетического нейровируса. Это был один из видов нервной болезни, которая, судя по всему, передавалась от человека человеку каким-то таинственным путем. Для нас это означало появление особого «клейма» в новых удостоверениях личности на микрочипах, после чего мы решили вдвоем уйти в подполье.

Тот вечер, когда мы впервые занялись любовью — в Санитарном центре фильтрации, под лестницей в модульном здании быстрой сборки, где я жил, — настал лишь через несколько недель после того, как наши глаза впервые встретились. Мы были похожи на два магнита, которые неудержимо влечет друг к другу. После побега из спецпоселения для инфицированных лиц, куда нас, в конце концов, перевели из Центра фильтрации, я обдумывал этот план еще несколько месяцев. Благодаря моим вездесущим знакомым мы смогли стереть данные из наших официальных генетических карт, после чего купили небольшую подборку фальшивых удостоверений личности.

О нейровирусе, который пожирал наши мозги, никто ничего не знал. Но у нас, как, я полагаю, и у всех других больных с диагнозом «синдром Широна-Олдиса» болезнь вызывала очень странные видения. Врачи бубнили нам нечто невразумительное насчет самопроизвольного «ОСП».[11] Я не очень-то понимаю, что это такое, и как оно связано со смертью. Думаю, речь идет о тех ярких видениях, вызывающих состояние экстаза, в которых ты встречаешь предков или умерших друзей. Иногда эти картины бывают мрачными и темными. И тогда в них царят разрушение и огонь, боль и ужас…

Никакого лекарства позволяющего вылечить синдром Широна-Олдиса, не существует. Известен лишь ничтожный перечень молекулярных веществ, которые подавляют глубокую депрессию, вызванную очередным видением, а также симметричные им приступы маниакальной эйфории. «Трансвектор гамма» и «трансвектор эпсилон» — эти два молекулярных состава позволяют нам без особых последствий переносить стадии возникновения галлюцинаций и фазы реадаптации. Однако здесь, во Франции, эти вещества считаются «наркотическими» и потому официально находятся под запретом. Они продаются свободно в Голландии, но стоят безумно дорого.

У нас оставалось не так уж много вариантов, когда мы решили обокрасть государство, которое пыталось похитить наши жизни.

«Клистирные трубки» из правительственных клиник не знают (или делают вид, что не знают) о существовании целой кучи фактов, связанных с нейровирусом Широна-Олдиса. Полагаю, на самом деле они ничегошеньки в этом не понимают, но нам, как и другим носителям, известно такое, о чем важные шишки из Министерства здравоохранения даже не подозревают. Вирус пожирает наши нейроны с молниеносной скоростью. Каждый раз, когда нас посещает видение, мы почти что умираем или что-то вроде того — короче, совершаем «великие путешествия в бесконечность». Но врачи не знают и, по-моему, не готовы узнать, что это делает нас удивительно высокопроизводительными.

Именно это слово приходит мне на ум, уж извините. Именно его я сказал себе в момент, когда впервые постиг истинную суть этого феномена. До меня дошло, что в какие-то моменты мозг преподносит мне лучезарную истину по поводу определенной стороны окружающего мира или нас самих. Он как будто некоторое время обрабатывает задание в фоновом режиме,[12] а после того, как все необходимые данные собраны и упорядочены, отправляет в память готовый результат. Именно так сказал мне Рубник — один из моих умных друзей, живущих в южных предместьях Парижа. Он сравнил эту штуку с информационными процессами. Впрочем, он давно помешался на компьютерах и нейро-не-знаю-каких-еще интеллектах. Рубник с его корешами-друзьями входит в Братство хакеров под названием UnderBahn Brotherhood.[13] Они взламывают коды доступа в Меганет, крадут информацию и продают тому, кто даст за нее наибольшую цену, похищают военные технологии и проделывают кучу других незаконных вещей.

Вернусь к нейровирусу Широна-Олдиса. Именно с его помощью я разработал план вооруженных ограблений и кражи со взломом из ювелирного магазина «Duplex». Когда я в самый первый раз случайно оказался поблизости от будущей цели нападения, то сразу же поймал себя на мысли о том, что знаю все о недостатках системы безопасности данного объекта и о бесчисленных «виртуальных реальностях», которые во множестве разворачивались в хаосе, внезапно делая его более понятным.

Я ясно увидел, как линии вероятностей ветвятся, уходя в будущее, и за несколько ночей бурного, лихорадочного транса разработал план в общих чертах. После чего неделями совершенствовал весь замысел до мельчайших деталей. Наше бегство на другой край мира должно было пройти через

несколько промежуточных пунктов (каждый из них был нужен для того, чтобы сбить полицию со следа) и на определенных стадиях предполагал временное расставание с Карен.

Наступила ночь, а я гнал машину к следующей географической точке, предусмотренной планом: юг Франции, через Бордо, затем испанская граница. Завтра мы должны пересечь Страну басков, Кастилию и Андалусию, а к вечеру или, скажем, глубокой ночью я рассчитывал оказаться в Альхесирасе, в маленькой гостинице. Еще находясь в Париже, я забронировал там две комнаты на имена, которыми мы пользовались на текущей стадии операции.

Я ехал в ночной тьме, пронзаемой лучами фар, а Карен спала на заднем сиденье. Она, как и я, выбросила свои предыдущие шмотки в мусорный бак где-то под Эврё.

Чтобы не заснуть, я принялся вновь перебирать в уме все детали плана, пытаясь понять, нет ли где изъяна, и подсчитывал прибыль.

Пять вооруженных налетов принесли нам почти двести пятьдесят тысяч евро. Кража из ювелирного магазина не дала большого количества налички, но обогатила всевозможными украшениями и драгоценными камнями примерно на сто тысяч евро. Впрочем, загнать их удалось только за сумму, эквивалентную двадцати-тридцати процентам от истинной стоимости. Таковы доходы. Что же касается расходов, то в общей сложности они, наверное, составят пятьдесят тысяч евро. Быть может, чуть больше, если учитывать купленные или взятые напрокат, а затем брошенные или уничтоженные автомобили (мы не крадем чужие авто: в наши дни, с противоугонными системами на полупроводниках и с радиомаяками, это слишком рискованно), плюс фальшивые документы, подготовка плана бегства и прочая дребедень. Таким образом, в нашем распоряжении была достаточная сумма, чтобы достойно жить в каком-нибудь спокойном уголке на затерянном острове в Китайском море — там, где доходность банковского депозита гарантированно составляет десять-двенадцать процентов годовых, а предпринимательство процветает. Однако тянуть с этим делом и цепляться за заработанные денежки не стоило. Несмотря на кризисы и локальные конфликты, которые обострились с конца XX века, этот регион продолжал быть одной из наиболее динамично развивающихся зон в мире, чего не скажешь о Европе — вскоре миллиона еврофантиков перестанет хватать даже на то, чтобы заменить чехлы на сиденьях вашего «хёндай».

При планировании вооруженных налетов я поставил себе целый ряд ограничений. Прежде всего, нельзя было поддаваться

искушению совершить какое-нибудь невозможное и гениальное крупное ограбление, похожее на сюжет боевика, но в действительности совершенно не подходящее для нас, даже если учесть необычное действие нейровируса. Наоборот, следовало еще больше увеличить наше превосходство, атакуя лишь слабые и беззащитные цели в течение чрезвычайно короткого промежутка времени (настоящий рефлекс хищника, как я сказал себе позже), чтобы поднять статистические шансы на успех операции как можно ближе к отметке «сто процентов». И вот тут нейровирус действительно позволял существенно увеличить вероятность позитивного исхода. Как сказал мне один врач-еврей — парень, находящийся на плохом счету у своих коллег из санитарных бригад Центров фильтрации, — в этом, вероятно, заключалась одна из главных особенностей нейровируса Широна-Олдиса. Воздействуя на мозг, на самые базовые элементы «программы, формирующей сознание», он порождал качественно новое восприятие квантовых, вероятностных и релятивистских феноменов. Я попытался разобраться в том, что это значит: подключился к локальной сети с помощью одного из больничных терминалов и стал прыгать от одной гипертекстуальной ссылки к другой, но так и не сумел понять все. Тем не менее стало ясно, что врач-еврей был прав. Когда нейровирус вступает в «стадию обострения», которую мы практически не в силах контролировать (отсюда и вытекает потребность в молекулярном веществе «Трансвектор»), носитель болезни как будто видит вещи, спрятанные под изнанкой реальности, в сердце пространственно-временного континуума (если пользоваться словарем гипертекстуальных баз данных, с которыми я познакомился в больнице). Этот процесс принимает форму видений. Но при этом нельзя сказать, что видимая реальность претерпевает фундаментальные изменения. Нет, скорее это похоже на то, что носитель вируса под внешним обликом реальности распознает ее истинную суть. Речь идет именно об умении ощутить посредством некоего нового способа восприятия (который не является ни зрением, ни слухом, ни чем-либо другим) энергетические и информационные потоки, электромагнитные поля, а также уловить, или, скорее, «провидеть», хаотично возникающие изменения, цепочки вероятностей, подобные полуяви, полуснам, тянущимся к ближайшему будущему. Именно благодаря совокупности подобных умений мой мозг получил прямой доступ к данным, невидимым для простых смертных: к информации о действующих почтовых отделениях накануне их скупки корпорацией «Federal Express», а также к сведениям о кассах продажи автобусных билетов в пригороде, о ювелирном

магазине, новомодных экологах и мини-центре развлечений «Мак-До». Тщательно продуманные вооруженные налеты — скромные, а потому не слишком дорогие с точки зрения расходов на подготовку. То есть ограбления, которые дают вам сумму, в двадцать-тридцать раз больше той, что вы в них вложили. Вот в чем заключалась моя идея.

Мы мчались по ночной дороге в сторону Испании — под фальшивыми именами, хранящимися на подлинных гиперкартах вместе со всеми прочими данными: генеалогическим древом, историей семьи, генетическим кодом, сводке о состоянии здоровья и трехмерным изображением всего вашего организма (считалось, что последнее невозможно скопировать в поддельное удостоверение личности). Теперь мы представляли собой швейцарско-канадскую супружескую чету: она — из Лозанны, я — из Монреаля. Я был выпускником университета, разработчиком программ для микрокомпьютеров, сменившим квалификацию в связи с резким обновлением технологий; она — журналисткой частного спутникового телеканала. Данные, украденные бандой Рубника, стоили целое состояние. Эти ребята взламывали защитные коды военных сетей и попутно ухитрялись выведать полную, стратегически важную информацию о нескольких десятках людей по всему миру. Затем добытые сведения записывались на девственно-чистые электронные паспорта, абсолютно подлинные. Это стало возможным благодаря связям Рубника с русско-немецкой мафией, обосновавшейся в Лилле. Я купил набор из трех фальшивых удостоверений личности по цене одного. Затем врач из подпольной лаборатории просканировал нас вдоль и поперек, и Рубник совместил полученные электронные модели с украденными персональными данными, записав все это на официальные магнитные бланки. Я отдал все деньги, попавшие ко мне благодаря возврату давнего долга, плюс небольшой процент от суммы из кассы, взятой в ходе первого налета. Причем Рубник еще сделал мне скидку в знак признательности за прошлую услугу.

Благодаря тому же самому русско-немецкому клану мы смогли толкнуть драгоценности из «Duplex» за двадцать пять процентов их рыночной стоимости минус комиссионные Рубника. Учитывая тщательность, с которой была спланирована операция, и время, затраченное на ее подготовку, скажу, что подобные расценки показались мне смехотворными, но я сказал себе, что обо всем этом следовало подумать заранее.

Я вел машину до самого рассвета. Мы миновали Бордо, Ланды, Страну басков. Я постоянно глотал «мет», чтобы держаться как можно дольше. Сбросил скорость и припарковал

машину на площадке у обочины шоссе уже за пределами действия электронной системы, которая контролировала потоки автомобилей в обе стороны, перед самым Андаем. Карен села за руль, а я, пытаясь заснуть, выпил депрессант[14] — капсулу «Т-Вектора эпсилон», купленную в пригороде Лилля на черном рынке.

Следующая стадия плана предусматривала, что мы оставим наличку в виде вклада в одном из маленьких южноамериканских инвестиционных банков, который распространил свои операции на средиземноморские страны Европы и открыл отделение в пограничном городе для привлечения французских капиталов. Я полагал, что они не станут чрезмерно придираться к источникам происхождения средств, и к тому же знал, что у похищенных банкнот не были переписаны серия и номер. Мы вносили деньги на этот счет постепенно, по мере совершения ограблений, пользуясь нашими вторыми фальшивыми удостоверениями личности, добираясь каждый раз в город и назад при помощи TGV.[15] Этим утром, как и в предыдущие разы, Карен изобразила из себя юную жительницу мегаполиса — нахальную и сексапильную. Девять десятых выручки от последнего налета пополнили активы одной из наших фальшивых фирм. Менее чем через два дня половина бабла окажется в одном из тайских банков, а спустя еще неделю другая половина попадет в два-три филиала индонезийских и австралийских финансовых компаний. Далее при помощи системы подставных фирм далее эти суммы будут распределены по другим счетам, а через несколько недель, — вновь обращены в наличные, после чего опять разложены по другим банкам, уже на третью пару фальшивых имен.

На каждого из нас двоих приходилась по половине всей выручки — в различных валютах, дорожных чеках и на платежных картах «инфокэш».[16] Одним словом, обычные туристы при деньгах.

Номерные знаки «ауди» были получены в полном соответствии с законом, безупречными казались и наши электронные паспорта. Считывающие устройства на пограничном КПП при помощи микролазерных лучей получили абсолютно аутентичные данные, полностью соответствующие личностям, которые их предоставили. В верхней части лобового стекла замерцала прозрачная надпись «Добро пожаловать» на французском, испанском, а также на других официальных языках Евросоюза.

Карен на всех парах помчалась в сторону Бургоса, затем — к Мадриду по важнейшим транзитным магистралям страны. Мы

могли позволить себе раскошелиться на платные автодороги и 99-й бензин высшего уровня очистки по десять евро за литр, чтобы лететь вперед без остановки. Карен приняла небольшую дозу «мета», я уже давно переходил от дремоты к фазе полусна и обратно. Погода не слишком радовала — было пасмурно, холодно и промозгло, но мы удирали к солнцу и пляжам тропических морей, так что сейчас я бы выдержал даже январский понедельник на севере Англии.

Альхесирас — это грузовой порт, расположенный в скалистой и засушливой местности. Цементные заводы, предприятия по производству консервов, склады, паркинги, несколько торговых центров и что-то вроде города, где туристы, транзитом следующие в Северную Африку, редко задерживаются дольше, чем на одну ночь. Массивные паромы соседствуют здесь с торговыми судами, прибывшими со всех уголков Средиземного моря, и с несколькими скромными кораблями испанского военно-морского флота. Мы прибыли в порт ночью, и мне пришлось изрядно попотеть, прежде чем я сумел отыскать улочку с нашей маленькой гостиницей.

Номер оказался чистым, с душевой кабинкой, двухспальной кроватью, старым платяным шкафом, оштукатуренными стенами, фотографией короля, иконой Богоматери и в меру скверной маленькой картиной — акварельным пейзажем. Это было лучше, чем все то, с чем мне прежде доводилось сталкиваться в сетевых отелях-«ночлежках» — «Robotels», «One-Shot Nite», «Safety Sleep», «Honzaï-Box» — или тем более в подземных «зонах гостиничного типа», размещенных на месте бывших автостоянок. Одним словом, во всех этих блочных бараках быстрой сборки, приютах для беженцев, где мы жили с того момента, как сбежали из Центра фильтрации.

Карен немедленно включила телевизор и, воспользовавшись пультом дистанционного управления, на огромной скорости (завидный навык, присущий только тем, чья юность прошла уже в XXI веке) пробежала пятьсот двенадцать спутниковых и кабельных каналов, которые принимал отель. В конце концов остановилась на каком-то американском сериале, дублированном по-арабски, вырубила звук и вставила в уши наушники от плеера, игравшего громко, как старый транзисторный радиоприемник. Это опять был ее полоумный джазмен — Альберт Эйлер (я заметил обложку CD, который она сейчас крутила). Взгляд девушки утонул в недрах электронно-лучевой трубки, где бравые парни из «Команды „А“»[17] вдребезги разбивали джипы военной полиции.

Внутри старого (и запрещенного к использованию)

холодильника на фреоне, урчащего в углу, обнаружилось несколько полулитровых бутылок кока-колы и пара бутылок пива «Corona». Я проглотил еще одну таблетку депрессанта и запил ее пивом.

Мне нужно было поспать и восстановить силы. Наутро меня ждал тяжелый день: предстояло продать нашу колымагу на рынке для подержанных автомобилей, бурно развивавшемся на окраине города. Это был настоящий автобазар, где процветала трансевропейская незаконная торговля: совершенно новые «мерсы», «бумеры», «фольксвагены», «форды», японо-британские машины и даже «опели» чешской или польской сборки отправлялись отсюда прямиком в Рабат, Дакар, Лагос, Дуалу…

Мы уже обо всем договорились по факсу с Омаром Бенсаидом — мелким дельцом, согласившимся приобрести практически новую «ауди» примерно за треть ее каталожной цены. Тачка не находилась в угоне, но была «засвеченной» — покупателю предстояло сменить номерные знаки и чипы системы распознавания. К этому добавлялась плата за риск и, разумеется, процент от сделки. Я даже не пытался торговаться: сумма в двадцать пять тысяч монет практически окупала наши расходы на операцию по транзитному пересечению Марокко.

Ни один из докторишек ни разу не рискнул сказать нам правду относительно наших шансов выжить. И только лишь Коэн-Солаль, еврей с плохой репутацией, однажды вечером соизволил ответить на кое-какие мои вопросы.

Двумя днями ранее медики заставили меня пройти кучу тестов с использованием какой-то новой штуки, привезенной из Соединенных Штатов. Врачи водрузили мне на голову некий странный прибор, работавший на сверхпроводниках и жидком гелии (они называли это устройство сквидом),[18] а также кучу наносканеров и тому подобных штуковин с невозможными названиями. Спустя несколько часов я почувствовал, что нейровирус вступает в начальную фазу стадии обострения — это происходило каждый или почти каждый день. В тот же момент достаточно спокойное свечение всех экранов контрольных устройств сменилось хаотичной кипучей деятельностью. «Клистирные трубки» издавали восхищенные «Ох!» и «Ах!», а у меня возникло впечатление, что я стал чем-то вроде живого синтезатора.

В тот вечер Коэн-Солаль явился ко мне в палату и первым делом объяснил, что, по мнению бригады санитарного контроля, проведенный накануне опыт служит доказательством исключительной опасности нейровируса.

— Чего же они испугались? — спросил я. — Двух чуть завышенных показателей на мониторах своих контрольных приборов?

— Они считают это свидетельством действия опасного психогенетического агента…

— Психо… что за фигня?

— Это психоген, который вызывает психотические кризисы, то есть помешательство.

— Я не чокнутый. Мы не свихнулись, просто видим разные картинки…

Он улыбнулся:

— Некогда людей сжигали на кострах за гораздо меньшее… Сегодня их сажают за решетку.

До меня дошло, пусть и смутно, что он ненавидит порученную ему работенку, но чрезвычайные постановления нового правительства не относились к тому типу распоряжений, с которыми можно шутить, ссылаясь на врачебную этику медика-республиканца. Хороший доктор — это доктор такой же послушный, как и его пациент.

В словах Коэн-Солаля мне почудилась скрытая угроза. Санитарный центр фильтрации № 14 и так был скверной штукой. У меня не имелось ни малейшего желания познакомиться с чем-то еще более плохим.

— И каковы же дальнейшие планы относительно нас, доктор? — спросил я.

Коэн-Солаль немного помолчал. Я знал, что за врачами иногда шпионили агенты Национальной безопасности, но правительство еще не успело оборудовать медицинские центры видеокамерами слежения и «жучками». Так что, полагаю, доктор просто подыскивал правильные слова.

— Специальное поселение, — ответил он наконец.

— Что это такое?

— Что-то вроде Центра фильтрации, только с б***о***льшим количеством мер безопасности, — добавил врач.

Я тут же смекнул что к чему. И немедленно решил, что ни за какие коврижки не останусь там, в их гребаном «специальном поселении».

Я уже засыпал, убаюканный ощущением покоя и комфорта — результат действия молекулярного вещества «эпсилон», — когда Карен зашевелилась. Я понял, что она вытащила из ушей наушники, и вскоре услышал, как девушка бормочет какую-то ерунду, одновременно увеличивая громкость телевизора.

«…номер для обращения в полицию. Повторяем: эти люди

вооружены и опасны… А теперь последние новости о франко-немецко-российском экипаже, уже трое суток блокированном на станции „Мир“, которую космонавты пытаются восстановить…»

— Вот черт! — произнесла Карен, вновь убавляя звук. — Эй, ты слышал это?

Она изо всех сил встряхнула меня, я инстинктивно пробурчал что-то в ответ. Тогда она тряхнула меня еще раз:

— Проклятие, вот дерьмо! Наши рожи показывали в восьмичасовом вечернем выпуске новостей по каналу TF2. Говорят, сегодня утром мы грабанули какой-то банк и при этом грохнули двух человек…

«Эпсилон», конечно, действовал, но не до такой степени, чтобы усыпить все способности моего организма, особенно ту, что включает в голове сигнал тревоги голове.

— Что? — спросил я, поворачиваясь так, чтобы видеть экран.

Я разглядел нечеткое и временами обрывающееся изображение трех космонавтов, которые вели переговоры с диспетчером на Земле.

— Слишком поздно… — произнесла Карен.

Я с бешеной скоростью принялся переключать каналы и в конце концов увидел наши физиономии. Но это был конец репортажа, с номером копов на экране…

— Что это за байки? — глупо спросил я.

— Я не успела услышать весь репортаж. Только то, что в Нантере совершен кровавый вооруженный налет. Двое убитых, в том числе полицейский…

— Что за фигня! — вырвалось у меня. — Этим утром, говоришь?

— Угу, так они сказали.

— Черт! Утром мы пересекали границу в Андае…

Она издала что-то вроде короткого смешка:

— Думаешь, стоит позвонить и объяснить им, что мы не совершали вооруженный налет в Нантере, поскольку в тот же самый час незаконно пересекли испанскую границу при помощи фальшивых паспортов на такие-то и такие-то фамилии? Пожалуйста, сверьтесь с базами данных пограничного контроля на соответствующем шоссе…

Я сел на постели. Трое космонавтов, пойманные в ловушку на падающей орбитальной станции, дрейфили сейчас сильнее меня.

Насколько я смог понять, шаттл «Атлантис» будет запущен в ближайшее время, но при самом лучшем раскладе не ранее, чем через неделю. К тому моменту парни начнут поджариваться, как еда во включенной на максимум микроволновке.

«У каждого из нас свои проблемы, ребятки», — подумал я.

Обострение вируса может начаться когда угодно, чем бы вы в этот миг ни занимались. Когда такое происходит ночью, то есть, скажем, во время сна, вспышка болезни способна привести к самопроизвольному ОСП — это в случае достижения критического уровня активности. Но чаще всего речь идет просто об исключительно мощных сновидениях, сопровождаемых ощущением реальности, сверхреалистичности всего происходящего — очень ярким, очень парадоксальным и навечно впечатывающимся в ваш мозг в виде серии воспоминаний.

Я рассчитывал, что этой ночью «эпсилон» окажет обычное действие, но не учел усталости и напряжения, накопившихся за последние семьдесят два часа, плюс эффект от «мета» — препарата, принимать который всем носителям нейровируса категорически противопоказано.

Когда я провалился в парадоксальную фазу сна, нейромедиатор[19] пробудил вирус, который быстро достиг стадии обострения и затопил мой разум. Ведь защитные барьеры сознания были ослаблены, что является настоящим лакомством для клеточного паразита.

Я очутился на орбитальной станции «Мир» рядом с тремя запертыми там космонавтами. Они делали все возможное, чтобы не сдохнуть, сгорев заживо в в тот момент, когда станция войдет в плотные слои атмосферы.

С Земли до нас как будто доносилась музыка. Я сразу же узнал невероятные фразы, сочиненные мертвым джазменом. Временами их перекрывал треск множества помех, но они, тем не менее, были отчетливо слышны.

Не знаю почему, но во сне мы день и ночь пытались починить спасательную капсулу, понимая всю бесполезность нашей работы. Нам просто нужно было продолжать делать хоть что-нибудь. Впрочем, основные системы пострадали так сильно, что теперь стало невозможно контролировать что бы то ни было. Расчеты, произведенные при помощи портативных компьютеров — единственных приборов, которые продолжали работать, — приводили к однозначным выводам: в течение двадцати пяти часов внешняя поверхность станции «Мир» будет нагреваться из-за трения о газ. Менее чем через час ее температура приблизится к тысяче градусов, затем превысит эту отметку, после чего корабль распадется на мелкие части на высоте примерно пятидесяти километров и его останки будут распылены почти по всей поверхности земного шара. Несколько частей, более крепких, чем остальные, подобно метеоритам обрушатся на планету в тех точках, рассчитать местоположение которых не представляется вероятным. А от космонавтов останется лишь память в виде

записей на видеопленке.

Не знаю, как это получилось, но в определенный момент музыка прервалась и радиоэфир заполнила абсолютная тишина. Не было даже бульканья помех — ничего, кроме абстрактного цифрового вакуума, лишенного какой-либо глубины. Мы потеряли контакт с Землей, скоро нашим задницам здесь станет очень жарко.

Затем музыка возникла вновь: стон и скрежет. Хриплый и первобытный. Но теперь она доносилась не из динамиков. Она звучала во всех отсеках «Мира», как будто ее источник находился внутри станции — сразу позади нас.

Мы повернулись разом — трое космонавтов и я — и оказались лицом к лицу с пятым пассажиром.

Это был чернокожий мужчина, одетый в один из российских скафандров, имевшихся на станции. Он дул в позолоченный саксофон, вся поверхность которого сверкала, как оружие из научно-фантастического романа.

— Вот черт, — сказал я. — Альберт Эйлер.

Российский космонавт вновь повернулся ко мне:

— Кто-кто?

— Альберт Эйлер, — ответил я. — Джазмен XX столетия.

— Какого черта он здесь делает? — выдохнул немец.

— Он со своими глупостями сейчас истратит весь кислород, — подхватил эстафету француз.

— Это правда, — добавил россиянин. — Кем бы вы ни были и каким бы способом ни попали сюда, прекратите играть на своем инструменте: так вы исчерпаете все наши запасы. Нам нужно действовать, экономя максимум энергии.

При этих словах джазмен поднял глаза на Чукашенко, командира экипажа, после чего остановился прямо на середине музыкальной фразы. Он тщательно вытер язычок саксофона и положил инструмент на колени. Эйлер сидел на контейнере, прикрепленном к переборке станции при помощи обычных липучек, которые используются для одежды или обуви. Казалось, музыканту нет абсолютно никакого дела до весьма специфичных трудностей, которые обитатели станции испытывали в связи с состоянием невесомости.

Он взглянул на наручные часы, вытащил неведомо откуда флягу с узким горлышком и сделал из нее большущий глоток. Мгновение сверлил сосуд взглядом, а затем посмотрел на нас:

— Не хотите выпить, командир Чукашенко?

Фляга поблескивала в полутьме отсека.

— Уберите это. На борту станции алкогольные напитки категорически запрещены.

Музыкант уставился на россиянина с изумленным видом, а затем расхохотался:

— Черт меня побери, это одна из лучших шуток, которые я слышал за всю свою жизнь… и после нее…

Он и в самом деле продолжил смеяться, но внезапно остановился и обвел нас взглядом, которому алкоголь добавил проникновенности, после чего вновь сверился с древними ручными часами:

— Можно, я скажу вам одну вещь, командир? Менее чем через десять минут температура здесь начнет быстро расти, и это уже не шутки. Через двадцать минут вы окажетесь в сауне, разогретой до максимума, через тридцать — в духовке, а через час — в состоянии, близком к плазме… И вы не хотите позволить себе хотя бы глоточек?

— Мы — на военной службе. Я — обыкновенный служака, который обязан сделать все для спасения станции… Вам этого не понять. Кто вы такой — коллективная галлюцинация?

Саксофонист вновь расхохотался.

Именно в этот момент я осознал, что мы все говорим на одном языке, одновременно изъясняясь каждый на своем, — парадокс, который часто встречается в снах, когда нейровирус вступает в стадию обострения.

Чернокожий саксофонист еще немного посмеялся, а затем принялся теребить свой инструмент, не сводя с нас глаз.

— Нет, — в конце концов произнес он. — Я — ваш способ выкрутиться.

Утром, когда я явился на рынок поддержанных тачек, чтобы продать «ауди» Омару Бенсаиду, сон оказался впечатан в мою память так крепко, как будто я в действительности пережил все это. Ночной ход событий был внезапно прерван телефонным звонком портье, которого я накануне попросил разбудить меня. В этот момент саксофонист как раз начал рассказывать нам историю последнего дня своей жизни, 24 ноября 1970 года. Это были воспоминания, расположенные на самом «дне стека»[20] и потому стертые при пробуждении.

В портовом киоске я купил французские газеты и в колонке «Происшествия» смог лицезреть две наши рожи — на фотках, позаимствованных непосредственно из личных дел Центра фильтрации. У нас были осунувшиеся, исхудалые лица и круги под глубоко запавшими глазами. На этих снимках мы совсем не походили на швейцарско-канадскую чету, совершающую турне вокруг Средиземного моря.

Однако в статье говорилось о возможной связи «нантерского

налета», осуществленного «беглецами из Центра № 14», с другими аналогичными преступлениями, произошедшими в окрестностях Парижа на протяжении почти трех последних месяцев, — правонарушениями, совершенными под фальшивыми именами, которые полиции наверняка удастся рассекретить.

Мне это не нравилось. Нам на шею пытались повесить скверно проделанное вооруженное ограбление. За что?

«Ах вы, засранцы! — подумал я. — Как же вы осточертели „беглецам из Центра № 14“!»

Омар был честным дельцом, то есть парнем, который держит свое слово, если вы держите свое. Доставленная мною «ауди» находилась в идеальном состоянии, марка и год выпуска соответствовали предварительному описанию, так что я имел полное право на обещанные двадцать пять тысяч швейцарских франков, выплаченные в различной валюте, в том числе банковскими чеками и наличными долларами США. Это позволяло нам не оставлять следов в обменниках.

Вернувшись в отель пешком, я задумался над тем, что же означает сон о станции «Мир».

Доктор Коэн-Солаль, по его собственным словам, чрезвычайно интересовался сновидениями шаманов в первобытных культурах, особенно у австралийских аборигенов. Но в те времена, когда врач работал на правительство, его труды, мягко говоря, не встретили благосклонного приема, поскольку в них доказывался тезис о том, что некоторые «пограничные состояния сознания» могут оказаться полезными, а значит, определенные «препараты» следовало бы разрешить к использованию для этой цели. Ревнители-служители медико-полицейского правопорядка, пришедшие к власти по всей стране, сочли подобные теории «сумбурными и безответственными». В качестве наказания Коэн-Солаля направили в один из Центров фильтрации, где людей осматривали и ставили на учет по определенным медицинским показаниям и характеристикам генотипа. За самим врачом, а также за процессом его общения и переписки с иностранными исследователями следили достаточно пристально, особенно за пределами Центра. Но благодаря сложным задачам, к решению которых новые власти подключили Министерство здравоохранения, доктор фактически был оставлен в покое.

Коэн-Солаль наблюдал за нами в рамках новой правительственной программы, направленной на досконального изучение «особого случая», то есть нас: восемьдесят восемь носителей синдрома Широна-Олдиса.

Доктор посоветовал мне прочитать некоторое количество

книг, текст которых имелся в электронном формате в локальной сети больницы, подчиненной Центру № 14. Разные штуки о психозах, сочинения Фрейда, Юнга, Райха, труды этнографов, посвященные культуре первобытных народов, исследования антропологов. «Это основы, — сказал мне врач. — Ничего лучше для начала не придумаешь». Я провел в Центре № 14 тринадцать месяцев, ожидая, когда будет создано спецпоселение для носителей нейровируса. За это время у меня была возможность проглотить целый вагон книг.

В спецпоселении доступ к информационным сетям был жестко ограничен. Нам были позволены только несколько телеканалов и пакет тематических платных сайтов типа «Playboy» или «Sport International». Не стоит и говорить о том, что всякий запрос на подключение к какой-либо электронной библиотеке систематически отклонялся «по соображениям безопасности».

Накануне моего перевода в спецпоселение Коэн-Солаль дал мне понять, что руководители соответствующих министерств очень хотят окружить нас санитарным кордоном и рассматривают как потенциальных преступников. Он также намекнул мне, что определенное число влиятельных лиц жаждет исследовать нейровирус, чтобы вычленить генетический код активного агента и скопировать его, создав бактериологическое оружие.

Мы, Карен и я, провели в спецпоселении под Фонтенбло, возле казарм жандармерии, более трех месяцев. Каждый день нас и всех других носителей вируса, перемещенных сюда, подвергали куче медицинских тестов.

За время пребывания в Центре фильтрации я успел осознать, что чтение приносит мне гораздо больше пользы, чем вся та нарколептическая дрянь, которую нас заставляли глотать местные «клистирные трубки». Коэн-Солаль, тайком от начальства, постоянно ухитрялся уменьшать дозы, но даже с учетом того, что «Трансвектор» во Франции запрещены, мы, тем не менее, вынуждены были пить всю эту химию и качестве заменителя, чтобы противостоять болезни.

Я научился расшифровывать значение моих снов, и зачастую они давали мне доступ к ошеломительным, загадочным смыслам, которые, впрочем, вызывали тревогу при сопоставлении их с реальностью. За время, проведенное в спецпоселении, я сумел установить своеобразный контроль над вирусом, даже когда тот вступал в стадию обострения. Я не использовал для этого ничего, кроме приемов медитации из дзен-буддизма, которым тайком научился ранее, в Центре № 14, под руководством доктора Коэн-Солаля.

Однако упомянутые приемы вряд ли могли помочь мне

справляться с болезнью долго. Я знал, что лишь макромолекулы «Трансвектора» способны обеспечить стабильное состояние на длительный срок. Значит, если я не хотел тронуться умом, на этот раз по-настоящему, мне нужно было бежать.

Я собрал такое количество данных о сложной и высокотехнологичной системе безопасности спецпоселения, что для их обработки моему мозгу еле-еле хватило трех месяцев с копейками. Когда он отдал команду «приступить к осуществлению динамического процесса» (если выражаться языком Рубника), реализация плана побега продолжалась пятнадцать часов подряд. Все это время я пребывал в сомнабулическом, галлюцинаторном состоянии, близком к трансу, — в долгом сне наяву. После того как я полностью «проснулся», выяснилось, что мы с Карен находимся в одном из сборно-разборных бараков-времянок — в типовом блочном помещении компании «Safety Sleep», размерами три на три метра, где можно было только спать и справлять естественные надобности. Здесь имелся сверхпримитивный санузел с душем, вода в котором льется из отверстий в потолке, когда съемная кровать сложена и поднята к стене. Эти условия были лишь немногим лучше, чем в монашеских кельях спецпоселения.

Я решил приступить к активным действиям. Зима была в разгаре. Только что начался новый год. К весне нам нужно смыться отсюда куда подальше. Спустя две недели мы совершили первое вооруженное ограбление — в почтовом отделении в Дранси.

Продав «ауди», мы наскоро перекусили и отправились в гостиницу за вещами.

Через полчаса мы уже поднимались на борт парома, который отдал швартовы в тот момент, когда первые лучи солнца показались из-за горизонта.

Мы прибыли в Сеуту ночью и без каких-либо проблем прошли досмотр на марокканской границе. Сели в автобус, который двинулся по прибрежной дороге к Танжеру, а затем к Рабату.

Мы по-прежнему изображали швейцарско-канадскую супружескую чету, совершающую тур вокруг Средиземного моря. Утром мы добрались до Рабата, столицы Марокко, и тотчас же сняли номер в маленькой гостинице, адрес которой я отыскал на компакт-диске с путеводителями для отдыхающих еще в Центре фильтрации. Мы постоянно или почти постоянно находились под действием «эпсилона», чтобы избежать любого кризиса, связанного с обострением активности нейровируса. Нельзя было

позволить себе какую-либо глупость и оказаться в местной тюрьме по такому достаточно дурацкому поводу, как появление в общественном месте в пьяном виде, нецензурные высказывания и даже оскорбления в адрес самого пророка Мухаммеда или короля.

Но количество таблеток, привезенных из Лилля, с каждым днем убывало. Нам нужно было как можно скорее найти заменитель препарата. У Карен оставалось четыре полных дневных дозы, у меня — на две больше. Жестко ограничив прием лекарства, мы сумеем продержаться десять, быть может, пятнадцать дней. Это примерно половина минимального срока, отведенного, согласно плану, на запутывание следов, которое должно было помешать Европолу вычислить нас.

Я битый час кружил по комнате, а затем принял решение.

— Вернусь через пару часов, — сказал я. И вышел, не дожидаясь ответа.

Гашиш — я нашел его в одном из баров в пригородах Рабата. Просто позволил интуиции вести меня, и это сработало. Внутри было очень накурено. Я, в общем-то, вправе утверждать, что парень, который толкнул мне зелье, купил его у копов. Я заметил их тачку. Она появилась через десять минут после звонка, сделанного бербером,[21] и за тридцать секунд до того, как он вышел, чтобы встретиться с ее пассажирами.

Я здорово сдрейфил, когда этот парень наклонился к дверце машины, но у меня уже возникло предчувствие, что все пройдет удачно: из окна высунулась рука с какой-то штуковиной и схватила горсть бумажек — мои банкноты, славные доллары, которые дилер отдал легавым в обмен на наркотик.

Когда торгаш-бербер вернулся, у него под курткой обнаружился пакетик, завернутый в газету. Внутри находилось почти тридцать граммов гашиша, смешанного с табаком, — зеленоватый порошок, привезенный с горного хребта Риф. Это зелье бьет по нейронам так же эффективно, как «сканк»[22] высшего сорта, выращенный в гидропонных оранжереях.

У меня не было никакого желания ставить под угрозу всю операцию, пытаясь отыскать «Трансвектор» на черном рынке тех городов, которые мы будем посещать. «Трансвектор» — «заметный» молекулярный состав. Нас засекут так же точно, как если бы мы оставили Интерполу подробное описание своего маршрута. — «Трансвектор» — это высокомолекулярное вещество нового типа, синтез которого основывается на абсолютно непонятных для меня принципах. Длинная цепочка протеинов с определенной последовательностью звеньев оказывает на мозг

воздействие, схожее с эффектом тетрагидрокортизона — действующего агента, входящего в состав конопли. Не стоит и говорить о том, что во Франции на подобные препараты смотрят не слишком-то благосклонно.

Но именно поэтому люди, пораженные нейровирусом Широна-Олдиса, в качестве крайнего средства могут курить марихуану или любой другой производный продукт конопли, чтобы смягчить воздействие и побочные эффекты психотических кризисов.

На обратном пути у меня возникло плохое предчувствие. По мере приближения к гостинице оно становилось все сильнее, и в конце концов я поймал себя на том, что бегу к отелю со всех ног.

В какой-то момент перед моим внутренним взором пронеслись две-три вспышки, смысл которых я не слишком-то уловил. Я увидел объятый пламенем номер гостиницы с Альбертом Эйлером внутри. На джазмене был огнеупорный космический скафандр, а в руке он держал газовый резак.

Когда гостиница оказалась в пределах видимости, я тут же смекнул, что у нас начались неприятности.

Неприятности голубого оттенка, в виде мигалок, вращающихся над двухцветными машинами.

Я спрятал пакетик с «дурью» на дне урны и смело направился прямо ко входу в отель.

Сержант Месауд был тучным типом необъятных размеров, с повадками бульдога, который носит ствол, солнцезащитные очки «Ray-Ban» и усы.

Я увидел его, войдя в номер. Туша коричневой плоти в зеленой с бежевым униформе марокканских копов возвышалась в центре разоренной комнаты.

В эту самую секунду я начал догадываться, что же случилось.

Комната выглядела так, будто подверглась удару торнадо.

Все здесь было разбито вдребезги, включая телевизор — почерневший, с взорвавшимся кинескопом. По всей халупе валялись осколки стекла. Постельное белье на кровати было разорвано в клочья, а местами даже обгорело.

«Проклятие, — подумал я. — Что же тут произошло?»

— Who are you?[23] — рявкнул сержант Месауд, увидев, как я захожу в комнату.

В тот же момент из ванной вышел еще один коп — мавританская копия Лорела.[24] Эти два блюстителя закона образовывали идеальную пару.

Тощий хлыщ не стал ждать, пока я отвечу Месауду. Он кинул фразу по-арабски, которую я приблизительно понял —

последствия воспитания, полученного в пригородном районе, — «она принимает ванну, шеф» или что-то вроде того.

Я решил атаковать напрямик — изобразить белого туриста-европейца, мужчину, уверенного в своих правах и в высшей степени цивилизованного. Я — житель Квебека, который гордится своим французским языком и гражданством североамериканского государства. Хотя у меня и нет акцента, здесь это должно прокатить.

— Кто-нибудь может сказать мне, что здесь происходит? Что это за бардак?

Черные очки, венчавшие мясную тушу, холодно воззрились на меня — пауза продолжалась ровно столько времени, сколько нужно, чтобы усвоить информацию: он говорит по-французски.

— Кто вы такой? — повторил Месауд. — И что вы здесь делаете?

— Я снял этот номер, — ответил я. — С моей женой, ну, скажем, с подругой. Черт побери, что здесь произошло и где она?

Тучный коп молча смотрел на меня. Я почувствовал, как он буквально сканирует меня, пытаясь пронзить взглядом насквозь.

— Ваша жена? Это она здесь все разгромила… Паспорт при вас?

Его арабский акцент был менее выраженным, чем у среднестатистического представителя этих мест, и какую-то долю секунды я задавался вопросом: не провел ли он часть своей жизни во Франции?

Я полез в один из рюкзаков за электронным удостоверением личности.

Сержант взял этот предмет и, не говоря ни слова, передал подчиненному. Лорел вытащил из кармана форменного кителя считывающее устройство на мегачипах и вставил в него карту. После продолжительного «лепета» считываемого цифрового кода ридер выплюнул электронный паспорт, издав сигнал, который означал «положительно» на любом из языков мира. Вслед за этим появилась полоска бумаги, сделанной из вторсырья, где были напечатаны все данные, к которым у марокканской полиции имелось право доступа. Сведения о голографическом паспорте, уровне образования, о том, что я не имею судимостей, не состою на учете у международной полиции, и прочая информация, не носящая конфиденциальный характер.

Я был чист, как свежевыпавший снег, — выпускник университета Мак-Джилл и т. п.

— Где моя жена? — повторил я свой вопрос.

Нельзя было показывать, что я понимаю по-арабски. К тому же я не слышал, чтобы из ванной доносился какой-либо шум. Я

начинал беспокоиться все сильнее.

— Она принимает ванну, — ответил сержант. — Но не сможет насладиться ею до конца…

— То есть?

— То есть она подозревается в уничтожении частной собственности и еще в двух-трех правонарушениях подобного же рода. Не считая ущерба, который она причинила владельцу гостиницы — господину Суади. Вам придется сказать своей жене, чтобы она оделась, после чего она должна отправиться с нами в отделение.

Я быстро огляделся, чтобы оценить размеры упомянутого выше ущерба, — сделать это было нетрудно.

Я не знал наверняка, что случилось, но подозревал, что это связано с нейровирусом. Безусловно, речь шла о кризисе. Но, черт побери, я еще никогда не видел, чтобы последствия болезни приобретали такой размах. Главное, чтобы местным легавым не взбрело в голову добиваться госпитализации Карен с неминуемым диагностированием нейровируса (даже в Марокко сегодня умеют безошибочно проводить соответствующие тесты). Это означало бы неизбежный телефонный звонок прямо в ВОЗ,[25] то есть в Интерпол, то есть во французскую полицию…

— Послушайте, сержант, — произнес я спокойным и чуть глуховатым голосом, — моя жена больна, очень больна. Она страдает от периодических припадков эпилепсии в очень тяжелой форме, и отправиться в это путешествие нам посоветовали лучшие монреальские врачи… Я готов немедленно возместить весь ущерб, до последнего цента, тут же, на месте, выплатить необходимую компенсацию владельцу гостиницы… а также всем, чье спокойствие мы, вероятно, нарушили, — добавил я, делая прозрачный намек, но без бахвальства, чтобы не оскорбить полицейского.

И увидел, как массивный коп производит подсчеты в уме, оценивая ситуацию.

— Боюсь, это противоречит закону, — пробормотал он явно для того, чтобы набить себе цену…

— Послушайте, завтра утром мы должны покинуть вашу страну. Мы едем в Южную Африку, где у нас назначен прием у всемирно известного специалиста по дегенеративным заболеваниям нервной системы. Я искренне сожалею об этом прискорбном инциденте и убежден, что моя жена полностью разделяет мои чувства. Вот почему я предлагаю вам следующее соглашение: я немедленно возмещаю господину Суади убытки посредством перевода средств с моей кредитной карты, а вам оплачиваю славный ужин вместо целой ночи возни с

административными формальностями… Я считаю это не подкупом, а обычным соглашением между людьми доброй воли.

Жирный легавый провел языком по усам, я почти увидел, как в его голове производятся сложные операции по складыванию цифр.

— Во сколько вы оцениваете причиненное нам беспокойство? — прошипел он.

— Скажем, десять процентов от общей величины ущерба?

Легкая ухмылка.

— Вы шутите? Никак не меньше тридцати.

— Я бы сошелся на двадцати. Во сколько вы оцениваете сумму нанесенного урона?

Коп вновь провел языком по усам, и на этот раз расщедрился на настоящую улыбку.

— Если бы вы явились пятью минутами ранее, с вас запросили бы стоимость Великой мечети, а если подождать еще немного, то сумма станет вполне приемлемой. Но я не соглашусь на двадцать процентов.

— Где господин Суади?

— Внизу, на кухне, с одним из моих парней.

В мгновение ока я осознал, что массивный легавый оказался хитрой лисой — настоящим уличным хищником, коварным и терпеливым. Он нарочно изолировал Суади и терпеливо дожидался меня, позволив Карен принимать ванну, пока он производит необходимые подсчеты. Какой-нибудь «фараон» наверняка напоил Суади допьяна, чтобы тот не подал жалобу прежде, чем «неверный» расстанется с денежками.

Я попался в ловушку к сержанту Месауду, но его западня становилась моим спасением. Ведь в архивах полиции Рабата не останется ни малейшего упоминания об инциденте с Карен, а мне только это и было нужно.

Я щедро удовлетворил все требования: мне вовсе не хотелось, чтобы посреди ночи полицейским внезапно пришло в голову изменить свое решение. Наоборот, нужно было, чтобы они могли бесконечно долго пить за мой счет. Я выложил Суади тысячу долларов за его новенький телик, плюс тысячу — за все остальное, включая снисходительность и великодушное молчание. И отстегнул пять сотен сержанту Месауду и его патрульным. Эта глупость съела приличную часть выручки от продажи «ауди».

Когда полицейские исчезли в лабиринте улиц, а господин Суади очистил помещение, отправившись восвояси с моими бабками, я зашел в ванную комнату, погруженную во мрак. В потемках мягко светились крошечные ультрафиолетовые огоньки.

Я знал, что это такое — один из физиологических феноменов, диагностированных врачами в ходе облавы на носителей вируса Широна-Олдиса. При острых кризисах, возникающих во время стадии обострения, типа ОСП, зрительный нерв испускает чрезвычайно слабое ультрафиолетовое свечение. По словам медиков, оно способно вызывать раковые опухоли или иные повреждения отдельных частей головного мозга. Но на самом деле «клистирные трубки» ни черта об этом не знали. Наверняка можно утверждать лишь одно: данный феномен сопровождается заметным изменением химического состава зрительного нерва и наблюдается, например, в любой активной клетке радужной оболочки глаза.

В темноте это, как правило, выглядит как легкая, чуть светящаяся сиреневая пелена, обволакивающая зрачок и хрусталик. Но сейчас у меня возникло четкое впечатление, будто кто-то зажег внутри черепа Карен два ультрафиолетовых фонарика.

Она сидела совершенно прямо, сохраняя полную неподвижность в заполненной водой ванне. Незаметные колебания ее тела, связанные с очень редким ритмом вдохов и выдохов, порождали синеватые блики на абсолютно ровной поверхности жидкости.

— Карен? — спросил я. — Карен, ты в порядке?

Я подошел ближе и увидел, что ее взгляд устремлен на какую-то точку, расположенную вне этого мира, — в направлении, противоположном тому, откуда я пришел. Тело жесткое, негнущееся, как фрисби, полуоткрытый рот. О нет, она совсем не была в порядке.

Two for the show… [26]

Утром, оставив Карен в отеле с двойной дозой «эпсилона» в башке (Суади перевел нас в другой номер), я взялся за осуществление следующей части операции.

На случай если ищейки из Европола вычислят наши вторые поддельные паспорта и проследят наш путь вплоть до переправы в Марокко, нужно сделать так, чтобы «швейцарско-канадская супружеская чета» продолжила туристическую кругосветку в направлении, противоположном тому, где мы собирались залечь на дно под третьими и последними фальшивыми личинами.

Прежде всего нужно было купить два авиабилета в Бразилию. Я проделал это в турагентстве в центре города, каждый билет обошелся примерно в пять сотен долларов. Ночной рейс, чартер Амстердам — Рио с промежуточной посадкой в Рабате.

Я поймал такси, которое довезло меня до гостиницы.

Карен по-прежнему лежала в кровати, одурманенная двойной дозой «эпсилона», но уже начала немного шевелиться.

Я подошел к ней поближе. Девушка казалась не такой бледной, а цвет ее глаз почти вернулся к нормальному состоянию. При этом она не спала. Очевидно, следовало пожертвовать третьей дозой препарата, чтобы окончательно очнулась.

Я понял, что девушка балансирует на грани бессознательного состояния и ей удается меня слышать. Было видно, что она понимает мои слова.

Я купил апельсинового сока, аспирина и всякой жратвы. Пока что Карен могла только есть, глотать витамины и таблетки «Aspro».[27] Если кризис повторится — табак, смешанный с гашишем, лежит в стенном шкафчике под раковиной. Ну а если наркотик не подействует, ей нужно будет принять необходимое количество «эпсилона». Карен что-то пробормотала, кивнув головой. Она меня услышала.

Затем я вновь отправился в центральные кварталы, неподалеку от автовокзала. Я знал, что именно в таких местах обитают уличные торговцы, занимающиеся перепродажей авиабилетов. Два места на лайнер до Бразилии, чартерная индонезийская авиакомпания, — я ухитрился продать их за полцены чете англоговорящих белых туристов, новозеландцев, насколько я понял. Они отправятся в полет завтра во второй половине дня на борту какого-нибудь «Боинга». Я надеялся, что этот самолет, если потребуется, увлечет за собой прилипчивых джентльменов с другой стороны Атлантического океана, пока

Карен и я будем прятаться в самом сердце Южной Азии.

Когда я вернулся в гостиницу, Карен грызла какой-то фрукт, растворяя добрых полдюжины «Aspro» в пивной кружке с водой. Она проглотила содержимое сосуда, поставила пустую кружку, тихонько рыгнула и вновь принялась глодать свою фигу.

Глаза Карен опять казались нормальными, но взгляд оставался потухшим, а кожа на лице — бледной. Я различил под ней прожилки вен, которых раньше не замечал.

Я присел возле подруги на подлокотник старого кресла и стал забивать косяк.[28] Между нами с самого начала действовало негласное соглашение: никаких проявлений сочувствия по отношению друг к другу, никаких стенаний. Только факты, действия, конкретика. Я приступил к беседе, как будто ничего не произошло:

— Наши швейцарско-канадские друзья завтра улетают. Я нашел двух лохов, внешность которых почти что совпадает с нашими приметами, по крайней мере в достаточной степени для того, чтобы увести легавых в Рио. Я не сумел подыскать никого лучше, чем новозеландцы. Копы быстро раскусят мой фортель, и этот ложный след сможет помочь нам лишь ненадолго, но все же это лучше, чем ничего…

Карен молчала. Я раскурил массивный косяк и сделал несколько затяжек.

Комнату стремительно наполнил тяжелый и вездесущий, приторный и таинственный аромат.

— Учитывая твое состояние, нужно ускорить наш отъезд… Нам тоже надо двинуться в путь завтра… Мы сядем на корабль здесь, в Рабате.

Сначала она ничего не ответила, только отложила начатую фигу, с видимым трудом проглотила ранее откушенную частицу фрукта, после чего прочистила горло.

— Нет… Планом предусмотрен… переезд в Агадир… Мы поступим так, как намечено.

Было намечено, что мы сядем на автобус до Агадира — порознь, с интервалом в несколько часов, спустя два дня после вылета двух ложных целей в Рио. В Агадире мы встретимся вновь, сядем на корабль до сенегальского порта Сен-Луи, затем на междугородний автобус до Дакара, а там — на самолет до Кейптауна, после чего — до Бангкока через какой-нибудь промежуточный пункт следования, который я собирался выбрать в зависимости от ситуации.

Вот что мы предполагали сделать. Но теперь, когда я оказался в ином положении и столкнулся с новыми обстоятельствами, а именно с кризисом Карен, мое мнение

начинало меняться. Я находил план сложным и не окупающим расходов. Денег не хватало, как и доз «Трансвектора», поэтому нужно было перескочить, как минимум, через один этап.

— Нет, — произнес я. — Как я сказал, завтра мы сядем на корабль.

Она вздохнула:

— На чем ты хочешь сэкономить? На автобусной поездке… до Агадира?

Я около минуты размышлял над ее словами. Идея была не так уж глупа. Если и перепрыгивать через какой-то этап, то лучше пусть это будет что-то крупное, вроде пути до Дакара или Кейптауна.

Нет, Кейптаун — классная задумка. Он очень далеко от Европы и находится вне сферы французского влияния. Из Агадира стоит отправиться прямо в Южную Африку, а оттуда — двинуть в Бангкок. Упразднить морской круиз до Сенегала — откуда я только взял это слово? — и из Агадира вылететь в Кейптаун — вот как нужно поступить.

В вестибюле на первом этаже гостиницы имелся небольшой интернет-терминал. Я немедленно воспользовался им, чтобы оценить наши возможности. Рейс, связывавший Агадир и Кейптаун, осуществлялся раз в неделю с двумя промежуточными посадками в Экваториальной Африке. Ближайший вылет должен был состояться через три дня. Времени у нас только-только хватало на то, чтобы добраться до Агадира и провести одну ночь в тамошнем отеле.

Поездка автобусом была выбрана из соображений конспирации. Я не хотел засвечивать наш третий набор электронных паспортов, нанимая тачку в Рабате, чтобы затем оставить ее в Агадире. Но пользоваться междугородним автобусом теперь, учитывая состояние Карен, казалось полным безрассудством.

Мне никак не удавалось принять решение. Мы легли спать, я сунул Карен одну из моих доз «эпсилона», и мы заснули.

Этой ночью нейровирус меня не беспокоил. Я не видел никаких снов, по крайней мере ни одного из тех, которые бы запомнил.

Утром, когда мы встали с постели, я констатировал, что Карен понемногу приходит в себя: она чуть-чуть поела и выпила фруктового сока. У меня же не было откровений, связанных с обострением болезни, поэтому я по-прежнему не знал, как поступить. Мне придется вывернуться наизнанку, чтобы взять здесь тачку напрокат.

С того момента, как нам пришлось перейти на нелегальное положение (подчеркиваю, для нас это была вынужденная мера), мы чрезвычайно терпеливо и скрупулезно обдумывали каждый следующий шаг, тщательно готовя затейливую смесь из подлинных и ложных следов, которые должны были спасать нас на протяжении необходимого срока.

В течение этого времени мы изо всех сил старались научиться искусству менять собственную внешность одним мановением руки. Что касается меня, с момента бегства из спецпоселения я поправился более чем на восемь килограммов, купил контактные линзы голубого цвета, перекрасил волосы в белый цвет, сделал прическу как у панка, отпустил бороду. Но при этом всегда совершал налеты, закрыв лицо. А вот машины дважды брал напрокат, наоборот, именно с этой физиономией. Он, этот голубоглазый мужчина с крашеными волосами и черной бородой, исчез где-то между Иль-де-Франсом и побережьем Нормандии. Но перед тем как сесть в «ауди» в Байё, я сбрил бороду в туалете поезда, выбросил контактные линзы в сортир и надел картуз, чтобы скрыть волосы. В Альхесирасе я полностью перекрасился, вернув волосам изначальный черный цвет.

А теперь я собирался сесть на жесткую диету. Тот тип, который чуть больше похож на человека с фотографии из архивов Центра фильтрации, вскоре должен исчезнуть в Рабате.

На последнем участке нашего пути следовало бы еще раз сменить облик. Затем — и в этом состояла конечная цель плана — мы растворимся в мешанине космополитичного населения тропической Азии. И на земле обетованной под названием «Франция» больше никто о нас не услышит.

Во время завтрака я продолжал размышлять над всем этим, группировал и перегруппировывал данные, пытаясь найти иное решение, нежели поездка на междугороднем автобусе, наем или покупка автомобиля. Конечно, оставался еще вариант с автостопом, но я хотел быть уверенным в том, что мы доберемся до Агадира без проволочек. Я мог бы попытаться подыскать людей, двигающихся на юг в машине, и предложить им прихватить нас с собой, с условием, что мы возьмем на себя долю расходов, но ради этого не стоило отказываться от автобуса. Приметы попутчика, с которым ты делишь заднее сиденье легковушки, запоминаются гораздо лучше, нежели внешность незнакомца, ютящегося в кресле междугороднего автобуса…

Я смотрел на Карен и долго подыскивал слова, чтобы мой вопрос прозвучал помягче. И в конце концов ограничился банальностью самого низкого сорта.

— Тебя не слишком напряжет поездка на междугороднем автобусе прямо сегодня?

Когда Карен повернулась ко мне, ее взгляд был обращен куда-то в недоступные дали. Она маленькими глоточками отхлебывала какао из чашки.

— Скажи-ка, — произнесла она, — ты знаешь, что эти ребята на станции «Мир» ухитрились получить у смерти отсрочку длиной двадцать четыре часа?

Мгновение я молча разглядывал ее.

Я видел, что Карен толком не удавалось вернуться к реальности. Зачем она сказала мне о «Мире»? Видения из собственного сна тут же накрыли мой мозг целой волной сверхконцентрированных воспоминаний.

— Ну, ты согласна на автобус? — спросил я вслух, ничем не выдавая своего волнения.

— Кажется, к ним явился призрак и объяснил, как запустить небольшой вспомогательный двигатель, имеющийся на станции… Они ухитрились вновь набрать высоту и уменьшить угол входа в атмосферу.

«Призрак? — подумал я. — Черт возьми, откуда она знает об этом? Мы же не включали телик со вчерашнего дня, а накануне она была слишком не в себе даже для того, чтобы просто посмотреть вместе со мной трансляцию футбольного матча. С тех пор я не включал выпуски новостей из страха натолкнуться на наши рожи. Я еще сказал себе, что займусь этим завтра или в последующие дни…»

— Какой призрак? — только и спросил я вслух.

— Какой-то призрак. Так они мне сказали, но полагаю, я также мельком видела это по телику.

— По телику?.. Так они тебе сказали?

В ее глазах, как в зеркале, отразились мои недоверие и тревога. Вернее, я прочитал там, насколько ее все это достало: «Я не сумасшедшая, ты прекрасно знаешь, что мы не чокнутые… просто я иногда вижу кое-что…»

Я ничего не стал добавлять. Да и что я мог сказать? Ведь я тоже пережил сон о станции «Мир» и даже видел там умершего джазмена, который сказал им, что…

— Какой призрак? — внезапно спросил я. — Кого видели эти космонавты?

Она взглянула мне в лицо так, как будто искренне удивилась моему интересу ко всему этому:

— Они видели кое-кого.

— Кого?

— Привидение. Умершего человека.

— Да кого именно, черт побери?

Последнюю фразу я почти выкрикнул, в моем напряженном голосе слышался еле сдерживаемый гнев.

Я увидел, что она почти испугалась меня.

— Музыканта.

— Музыканта?

— Да.

— Саксофониста? Негра? Джазмена, жившего в XX веке? Альберта Эйлера?

Она уставилась на меня, на этот раз по-настоящему удивленная. В ее взгляде вспыхнула надежда. Это был взор влюбленного человека, говорящий: «А… и ты тоже?»

— Верно, — ответила Карен.

Не стоит рассчитывать на то, что я сумею подробно объяснить вам причины возникновения и принципы функционирования релятивистских феноменов, в которые погружает нас нейровирус Широна-Олдиса. Я не знаю, почему за сутки до Карен видел тот же самый сон. И уж тем более не знаю, почему этот сон для меня имел самые благоприятные, а для нее — тяжелейшие последствия. Мне известно лишь то, что Карен не разбудил портье и потому ее сон не прервался на середине. Умерший джазмен в деталях растолковал космонавтам, как починить малый реактивный двигатель, который им никак не удавалось запустить, даже после двух бесплодных выходов в открытый космос с использованием УПК.[29] Именно Карен вышла в безвоздушное пространство, чтобы починить отказавший модуль, после чего джазмен рассказал всем им о части последних суток своей жизни — этого рокового ноябрьского дня 1970 года. В заключение музыкант поведал, что станция вскоре сможет немного набрать высоту, но таким образом они получат всего лишь отсрочку длиною в двадцать четыре часа.

— Почему? — спросил я.

Карен отхлебнула сока. Я видел, что ей приходится постоянно бороться с приступом хандры, характерным для состояния постОСП.

— Потому что следует соблюдать локальный термодинамический баланс, — ответила она.

Я почувствовал, что она сама толком не понимает смысла этой фразы, а просто слово в слово повторяет услышанное ранее выражение.

Я тоже не понимал ни слова.

Карен не стала ждать, пока я задам вопрос:

— Это фундаментальный закон, гармония, которую ни в коем

случае нельзя нарушать, ясно?

— Нет, не ясно.

— Раз парни на станции получили сутки отсрочки, нужно, чтобы кто-то другой лишился этих двадцати четырех часов.

Я подавил дрожь в голосе:

— Кто?

Она слегка помолчала, задумавшись. Я понимал, что она пытается воспроизвести перед мысленным взором недавний опыт в том виде в каком она его пережила, с присущим этому видению ощущением реальности происходящего.

— Кто угодно… любой, кто находится на другом конце цепочки…

— Какой цепочки?

Она нахмурилась:

— Не знаю… Очевидно, это как-то связано с нейровирусом, но… Это что-то вроде цепочки. Альберт Эйлер сказал, что это похоже на двойную спираль ДНК, но на самом деле речь идет о какой-то структуре, спрятанной в недрах реальности… Это что-то вроде… Может, что-то вроде закодированного изображения, фрактального кода?.. Но я не знаю, что это означает. А вот парни со станции, судя по их виду, все понимали, но не верили собственным глазам и ушам…

Я попытался соединить разрозненные элементы информации, как вещества в наборе для юных биохимиков, однако это мне, по большому счету, не удалось. Да, я кое-что читал о ДНК в электронной библиотеке Центра № 14, но знал о таких вещах недостаточно для того, чтобы нарисовать в собственной голове ментальную картину-макет описываемого явления.

Впрочем, тут мне на ум пришло одно из самых личных воспоминаний.

— Скажи-ка, а не связана ли эта двойная спираль с нашими снами? Ну знаешь, этими видениями пары сплетенных, перекрутившихся друг вокруг друга змей или призрачных драконов, как будто сошедших со страниц старинных книг?

Мы с Карен часто обсуждали эти образы, и как-то, за несколько недель до перевода в спецпоселение, я вскользь коснулся их в разговоре с Коэн-Солалем.

Я уже не помню, что он говорил вначале, но прежде чем с поразительной точностью описать существ из наших видений, доктор пробормотал всего лишь одну фразу:

— Космический змей…

— Что? — переспросил я.

— Да так, ничего… одна теория… но доступ к подобного рода книгам теперь запрещен…

— Что за теория, доктор? — продолжал настаивать я.

— Ее суть сложно объяснить… Образ змея, вернее, пары сплетенных змей обнаруживается в мифах всех народов и в большинстве великих религиозных учений планеты — от Ветхого Завета до кодекса майя, от обрядов сибирских шаманов до скандинавских саг, от мистических практик аборигенов Австралии до истоков индуизма. В конце XX века в американской этнологии была разработана очень интересная теория о связях между ДНК и определенными «обостренными состояниями сознания», чрезвычайно похожими на ваши кризисы, с той лишь разницей, что те люди вызывали их у себя намеренно, например при помощи галлюциногенных составов, которые глотают индейцы в джунглях Амазонки… Нарби[30] констатировал одну удивительную штуку: индейцы обладали невероятным, детальнейшим знанием об окружающей их экосистеме, вплоть до точного местонахождения и фармакологических свойств некоторых редких растений или животных. Они знали все о сущности настоящего «контролируемого хаоса», который представляют собой нетронутые человеком джунгли. И Нарби показал, что аборигены никогда не сумели бы собрать столь великолепные базы данных только при помощи эмпирических методов «первобытных» цивилизаций. Однако ученый пошел дальше и открыл самую поразительную вещь: индейцы знали все это благодаря своим галлюциногенным составам. Благодаря айауаске[31] они подключались к внутренней, секретной базе данных и получали возможность расшифровать целую кучу информации… Нарби сам попробовал галлюциноген и пришел к выводу, что в ходе видений регулярно повторяется образ двух сплетенных змей. Ученый выстроил всю свою теорию на аналогии между этой парой рептилий и структурой ДНК. Он думал, что ДНК содержит в себе настоящий кладезь всеобъемлющих, космических сведений о сути окружающего мира и что мозг при помощи определенных молекулярных веществ способен «декодировать» эти пока что скрытые базы данных.

Я несколько долгих минут размышлял над словами Коэн-Солаля. И в конце концов спросил:

— Доктор… Вы полагаете, что мы тоже вступаем в контакт с этим змеем из ДНК?

Он ничего не ответил, лишь пристально взглянул мне в глаза. Этого мне вполне хватило для того, чтобы уловить направление его мыслей.

Доктор Коэн-Солаль не излагал эти теории на публике. В те времена за такое вполне можно было схлопотать обвинение в

«пропаганде наркотических веществ», и я подозреваю, что он не говорил ничего подобного никому из своих коллег в стенах Центра. Врач лишь проводил кое-какие персональные опыты по ночам или в свободные от работы часы в неприметных и небольших помещениях больницы. Он наблюдал за десятком носителей вируса. Я попросил Коэна-Солаля включить Карен в эту группу пациентов, и ему пришлось попотеть, чтобы забрать ее дело у другого врача, за что я отблагодарил его, как только мог. Я помню, что доктор особенно тщательно изучал природу ультрафиолетового свечения, испускаемого зрительным нервом во время стадий обострения вируса. Он сказал мне, что с конца XX века известно о способности ДНК излучать ультраслабые фотоны, называемые биофотонами. Самый удивительный факт состоял в том, что ДНК испускало свечение именно в видимой для нас части спектра, ближе к инфракрасным и ультрафиолетовым лучам, и доктор Коэн-Солаль начисто отрицал версию о случайности подобного феномена. По его мнению, речь наверняка шла о необходимости описываемого явления, причины которого пока оставались тайной. Эксперименты Коэн-Солаля были в самом разгаре, когда нас, восемьдесят восемь носителей вируса, внезапно перевели в спецпоселение.

Но я хорошенько запомнил кое-какие основополагающие выводы, которые доктор извлек из своих опытов, и особенно тезис о полезности определенных витаминов.

Вот почему я буквально пичкал Карен лимонным и апельсиновым соками, всевозможными фруктами, которые каждый день покупал килограммами. А сам курил гашиш пополам с табаком и жрал йогурты, постепенно избавляясь от лишнего веса.

Когда мы приехали на автовокзал, на улице парило и небо затянуло светящейся дымкой. Мы купили билеты на разные рейсы, отправлявшиеся с часовым интервалом друг от друга. Карен выглядела неплохо. Я приготовил для нее два литра мультивитаминного сока в пластиковых бутылках из-под минералки «Evian». Девушка только что «подзарядилась» половинной дозой «эпсилона» (мы начали сокращать ежедневную норму) и тремя-четырьмя таблетками «Aspro», так что была в состоянии перенести предстоящий переезд.

Она надела оранжевый спортивный свитер из хлопчатобумажной пряжи, черные спортивные штаны и водрузила на нос солнцезащитные очки с металлическим напылением. Я же приложил все усилия к тому, чтобы как можно больше походить на молодого режиссера с итальянского телевидения.

Сразу после приобретения билетов до меня дошло, что я

остался без курева. И поскольку я рассчитывал израсходовать свою дозу «кайфа» в процессе путешествия (во время санитарных остановок нашлось бы время тайком выкурить косячок) и на пляжах Агадира, то сказал Карен, что мне нужно купить сигарет. В Марокко табак продается совершенно легально и практически без ограничений. Здесь мне не требовалось предоставлять никаких медицинских справок, тем более паспорт или специальное разрешение. Я купил три пачки «Мальборо» индийского производства, заплатив местной валютой, и мы покинули лавку. В переулке не было ни души. Мы не торопясь двинулись назад, в сторону автовокзала, ведь автобус Карен должен был отправиться только через двадцать минут.

Когда мы добрались до пересечения улочки с проспектом, который вел к зданию терминала автостанции, негромкий гудок клаксона заставил меня обернуться в сторону проезжей части. Карен пропустила этот звук мимо ушей.

У тротуара остановилась тачка — старая проржавевшая «тойота», выпущенная еще в XX веке. Я немедленно узнал сидящую внутри тушу со смуглой кожей, очками «Ray-Ban» и пышными усищами.

Сержант Месауд опустил стекло и оперся локтем на дверцу машины. Он был в штатском и сидел в машине один. Улыбка копа напоминала оскал крокодильей пасти.

— Доброе утро, дамы и господа… Решили позволить себе небольшой крюк до Агадира, прежде чем отправиться в длительное путешествие до Южной Африки?

Я тут же уловил скрытый смысл последней фразы.

Жирный легавый знал, что мы направляемся в Агадир, и это было ненормально. Это заставило меня здорово сдрейфить. Карен прошла еще несколько метров и остановилась как вкопанная. Затем она в свою очередь повернулась и медленно приблизилась.

Я смотрел в лицо Месауду, тщетно пытаясь разгадать выражение его взгляда, прячущегося за черными стеклами «Ray-Ban».

— Моей жене стало чуть-чуть лучше, так что мы перед отъездом решили подарить себе пару дней на морском берегу в тишине и спокойствии, — произнес я не слишком-то проникновенно.

— Конечно, — ответил обладатель крокодиловой улыбки, — сейчас мертвый сезон, в Агадире вас никто не побеспокоит, не то что в Кейптауне.

Я понял, что коп посылает мне донельзя ясный сигнал: я знаю, вы направляетесь в Агадир, даже не пытайтесь пудрить мне мозги своей историей про врача в Южной Африке.

Мой мозг, взвинченный до предела экстренной необходимостью, заработал на максимальных оборотах и за долю секунды произвел установку и запуск программы, состоявшей из трех миллионов кодовых строк. Речь шла о чрезвычайно агрессивной программе, которая вопрошала: зачем я сказал этому копу о Южной Африке, а не о Бразилии? Потому что в тот момент мной руководили инстинкт и желание выглядеть максимально искренним. Но теперь, когда этот жирдяй в курсе того, что мы направляемся в Агадир, он представляет собой опасность, серьезную угрозу для всего плана побега в целом. Он знает о нас слишком много, — яркая «мигалка» как бешеная вращалась в середине моей головы. Как же ему, засранцу эдакому, удалось все вынюхать. Может, он просто увидел нас в тот момент, когда мы покупали билеты на автовокзале, вместо того чтобы садиться на самолет до Кейптауна (не говоря уже о двух лохах — обладателях билетов в Бразилию).

Улыбка копа стала еще шире.

— А… кстати! Должен поблагодарить вас за ту ночь. Вы были очень щедры, правда, очень щедры…

И тут перед моим мозгом всплыло изображение ящика кассового аппарата. Мерзавец хочет получить еще одну взятку, он догадался или просто почувствовал что-то. Он наверняка блефует, гнусный подонок, но я не мог быть уверен в этом до конца. «Мы оказались в серьезном цейтноте», — подумал я.

Именно в этот момент Карен подошла к нам вплотную. Она слегка наклонилась к дверце машины и тихонько сказала:

— Доброе утро, сержант Месауд. Гуляете по этому району?

— Вижу, вы поправились, дорогая госпожа. Будьте осторожны, когда станете принимать морские ванны в Агадире. Вода в Атлантике в это время года очень холодна.

Я увидел, что лицо Карен застыло. Она не слышала наш короткий диалог с Месаудом, поэтому какое-то мгновение смотрела на меня с немым вопросом в глазах, но быстро пришла в себя:

— Не слишком теплые морские ванны — это, наоборот, именно то, что мне нужно, мне рекомендовал их доктор Азенкур.

«Чудесно», — подумал я.

Однако крокодилова улыбка исчезла с лица копа. Я понял, что сержант Месауд сейчас врубит двигатель на максимальные обороты.

— А я рекомендую вам обоим сесть ко мне в машину, — произнес он бесстрастно.

От этого тона у меня мурашки побежали по коже.

— С какой стати? — спросила Карен.

— Послушайте, сержант, — начал я. — Если компенсация за беспокойство в ту ночь показалась вам недостаточной, я готов…

— Садитесь в машину, — бросил он чуть громче. И начал спокойно расстегивать кобуру, прикрепленную на поясе.

«Если мы станем упорствовать, он вытащит ствол и наденет на нас наручники», — подумал я. Но мне никак не удавалось найти какую-нибудь подходящую идею, меня как будто парализовало, ведь вся эта ситуация не была предусмотрена.

Не знаю, почему каждый нюанс, каждая деталь происходящего встала на свое место в моей голове именно в это мгновение. Возможно, так получилось потому, что я считал наше дело пропащим, а для меня это было равносильно своего рода смерти в миниатюре — вряд ли я сумею придумать лучшее объяснение. Я пялился на пеструю толпу возле автобусных терминалов, на интенсивный поток тачек, ехавших по проспекту, на нескольких прохожих перед фасадом современного и безликого здания, которое стояло на пересечении упомянутого проспекта с пустынным переулком — тем самым, где располагался табачный киоск, он же аптека, он же продуктовый и хозяйственный магазин.

В эту самую секунду Карен вновь наклонилась к дверце машины и выдохнула:

— Ах ты, подонок!

На какой-то момент мне показалось, будто мир провалился куда-то мне под ноги. Я почувствовал что-то вроде головокружения и мощной волны жара. «О, черт, — прогнусавил противный голосок в голове, — эта дура отправляет нас прямо на нары».

Марокканские тюрьмы пользуются той еще репутацией. У меня не было ни малейшего желания собирать в камерах Хенифры материал для обзора кулинарных изысков в стиле «Gault et Millau».[32] Но сразу вслед за этим произошла странная штука. Она немного походила на фотовспышку — световой импульс фиолетового оттенка, из-за которого у меня перед глазами несколько мгновений плавали цветные пятна. В ту же секунду я услышал, как Карен говорит сержанту Месауду какую-то чудную фразу.

Я не смог бы точно описать эти слова. Они не были человеческими. Скорее на ум приходит чистый цифровой код, как будто моей подруге вместо голосовых связок хирургическим путем пересадили модем. Все это длилось очень недолго. Поток высокочастотных звуков продолжительностью от пяти до десяти секунд, не больше.

Я не мог шевельнуть даже пальцем. Я уставился на Карен,

которая, подобно ледяной статуе, застыла перед опущенным стеклом тачки Месауда. Я видел, что легавый тоже одеревенел, а за линзами его «Ray-Ban» трепетали отблески ультрафиолетового свечения. Месауд открыл рот, пытаясь что-то сказать, отчаянно вцепился в кобуру и попытался пошевелиться, но лишь немного поерзал на сиденье, после чего разом обмяк. Его фуражка слегка съехала вперед, на лоб, закрыв козырьком очки.

Можно было бы сказать, что этот человек решил немного вздремнуть, если бы его руки не оставались судорожно сжатыми, напоминая металлические протезы телесного цвета.

Я почти сразу же почувствовал, что ко мне вернулась способность соображать и реагировать на ситуацию. Обшарил глазами ближайшие окрестности. Посторонних зрителей на сцене не было. Справа к нам приближалась группа прохожих — школьники и, по большей части, школьницы, до них оставалось около пятидесяти метров. Слева, еще ближе, подходила дородная берберка со своей детворой, а следом за ней топала толпа молодых туристов, среди которых затесались несколько местных гидов.

Я обнял Карен за талию и потянул за собой. Она еле передвигала ноги, как пациент, еще не оправившийся после тяжелой болезни. Я толком не мог ничего разглядеть за стеклами ее очков с металлическим напылением, но почти уверен, что временами там вспыхивали крошечные фиолетовые точки, складываясь в яркие световые волны.

Я провел подругу перед припаркованной машиной, мы перешли переулок, не оглядываясь, проскользнули между многочисленными машинами, ехавшими по проспекту, и нырнули в тень, падавшую на тротуар на противоположной его стороне. Мы спокойным шагом направились в сторону терминала автовокзала, вновь пересекли проспект и забрались в автобус, отправлявшийся в Агадир. Я не мог рисковать, отправив Карен в одиночестве и ожидая следующего рейса еще час, поэтому мы с ней заняли соседние места в глубине салона. Я ни о чем не спрашивал. Автобус как раз проезжал мимо тачки Месауда, когда какой-то достаточно пожилой тип — судя по одежде, государственный служащий — с беспокойством наклонился к ее дверце.

Добравшись до Агадира, мы направились в туалет местного автовокзала, чтобы переодеться. «Если бы я успел спланировать этот фортель со сменой облика, его стоило бы провернуть в Рабате, — подумал я, — но теперь уже слишком поздно о чем-то

жалеть».

Затем мы перекусили в ресторанчике, окна которого выходили на пустынный пляж. Мы оказались практически единственными клиентами, если не считать две немецких пары в другом конце зала. Следовало серьезно поразмыслить над следующими стадиями операции. По телевизору начали показывать экстренный выпуск новостей, который привлек к себе внимание официантов в соседнем помещении. Со своего места я мог краем глаза наблюдать за происходящим. Весь телеэкран заняла рожа сержанта Месауда. Я не понимал по-арабски, но догадывался о сути зачитанного диктором сообщения.

Если какие-нибудь свидетели припомнят, как сержант беседовал о чем-то с парой европейцев, описание наших примет, с высокой долей вероятности, приведет копов в Агадир. План добраться отсюда самолетом до Кейптауна уже не годится. Это слишком рискованно. Мы завалили легавого и потому больше не имели права на ошибку.

За едой Карен не произнесла ни слова, я — тем более.

Я постоянно размышлял над продолжением операции. Нужно было импровизировать на ходу, а я это ненавижу.

В конце концов, пришлось отказаться от плана под названием «ложный след в Рио». Мы продолжим использовать второй набор фальшивых документов, чтобы как можно скорее выбраться из Марокко. Нам следовало найти судно до Сенегала, как это предполагалось изначально, или скрепя сердце воспользоваться самолетом как наиболее быстрым вариантом. Из Сенегала — переправиться в другое государство тропической Африки, что-нибудь вроде Нигерии, страны с масштабными урбанистическими конгломерациями, где процветает коррупция. А уже оттуда, воспользовавшись третьим набором ксив, двинуться в Кейптаун.

Нужно, чтобы к завтрашнему вечеру или, в худшем случае, к утру третьего дня мы покинули пределы Марокко.

Когда мы оказались в гостиничном номере, я наконец осмелился спросить у Карен:

— Так что же именно случилось с тем копом в Рабате?

Карен выглядела донельзя усталой. Я прекрасно видел, что «эпсилон» уже почти не действует на нее, но хотел узнать правду — точно так же какой-нибудь болельщик желает дождаться конца матча, победитель которому ему давно ясен, чтобы узнать точный счет.

Она не стала отвечать сразу, а вместо этого улеглась на кровать. Я же уселся в кресло лицом к «Секретным материалам», дублированным по-французски, — сериал транслировал какой-то европейско-арабский канал.

— Как ты это сделала? — вновь спросил я. — Ты знала, что это убьет его?

Вместо ответа она глубоко вздохнула и потянулась, как кошка, — номер, который бабы умеют проделывать великолепно.

— Скажи, а ты не хочешь посмотреть CNN? — сказала Карен вместо ответа.

Я пробормотал какую-то фразу, но переключился на круглосуточный новостной канал. Гражданская война в Китае взорвалась на экране вспышками напалма, танки и самолеты обстреливали позиции уйгурских повстанцев, таджикские и кашмирские боевики атаковали из засады автоколонну пекинской армии где-то в долине реки Шимшал. В мире все шло своим чередом. Я свернул небольшой косяк.

— Как ты это сделала? — еще раз спросил я с терпением, порожденным усталостью. — И что происходит с нейровирусом?

Молчание тянулось не меньше минуты. Китайские «МиГи» и «Аны» продолжали стирать с лица земли уйгурские деревни при помощи массированных авиаударов, школы горели как спичечные коробки, длинные вереницы беженцев заполнили все дороги к совсем близкой границе с Киргизией. ООН собиралась голосовать по проекту очередной резолюции — обычное дело.

Затем я услышал за спиной некое движение, какое бывает, когда человек садится на постели, и почувствовал на затылке легкий ветерок от дыхания Карен. Благодаря смутному отражению на поверхности телеэкрана, я понял, что она развернулась таким образом, что ее лицо оказалось в ногах кровати, сразу за моим креслом.

— Не переживай насчет нейровируса, милый, — сказала она. — Эта проблема улажена.

Я обернулся к ней. Я смотрел на ее лицо в профиль. Оно находилось всего в нескольких сантиметрах от моих глаз. Отблески света озаряли его каждый раз, когда на телевизионной картинке делала свое дело массивная китайская бомба, накачанная пропаном.

— Улажена?

Она медленно повернула голову ко мне, и тут я заметил в ее голубых глазах что-то вроде остаточного ультрафиолетового свечения. «Нет, скорее это возобновление активности», — подумал я.

— Дать тебе еще «эпсилона»? — спросил я.

Карен пристально смотрела мне в лицо, и в ее глазах еле заметно мерцали таинственные отблески, как будто притаившиеся в укромном уголке своего логова и готовые с

минуты на минуту вырваться на поверхность.

— Я же сказала — эта проблема решена, забудь о ней.

Я напряженно следил за ее чертами, я растворялся в невинном взгляде этих глаз цвета лазури, где переливалось сияние. Я знал, что оно смертоносно, но не понимал, как с ним обращаться.

— Слушаю тебя.

Она по-прежнему оставалась невозмутимой.

— К этому нечего добавить. Просто прибереги «эпсилон» для себя, мне он больше не нужен…

Помимо собственной воли я издал тихий и достаточно саркастический смешок:

— Надо при случае сообщить сержанту Месауду. Он будет счастлив узнать, что ты излечилась…

Я заметил вспышку гнева, всполох фиолетового огня, промелькнувший за какую-то долю секунды, и понял: Карен прилагает большие усилия, чтобы сдержаться, однако ее губы все-таки слегка дрожали, когда она бросила в ответ:

— Месауд был ублюдком… и помехой. Альберт принял эту жертву.

Моим мозгам потребовалось некоторое время на усвоение информации.

— Альберт? Жертву?

— Да, — почти прошипела она. — Альберт принял эту жертву. Прошлой ночью станция «Мир» должна была еще набрать высоту, вот что я хотела увидеть по CNN…

— Погоди-ка… Я думал, ты можешь подключаться к несущей частоте телеканалов напрямую…

Она испустила глубокий вздох, который явно означал: «Сколько же ерунды предстоит объяснять!»

— Ну это я пока не контролирую… Не слишком хорошо… Чего не скажешь о Ритме Драконовой Речи. Полагаю, ты воочию убедился в действенности этой штуки.

— Ритме Драконовой…

— Речи… да, дружочек. Так ее называет Альберт. Он дал мне ее в обмен на несколько миллионов нейронов… Это оружие.

Должен признаться, что в этот момент я просто остолбенел.

— Несколько миллионов нейронов? — удивленно выдохнул я.

Лицо Карен озарила улыбка. Ее глаза лучились теплым сиянием дружбы, но где-то в их глубине я все равно подмечал свечение, испускаемое вирусом.

— Это совершенно неважно. В любом случае, жить мне осталось недолго…

Последняя фраза подразумевала завершение — «как и тебе», но Карен приложила весьма достойные усилия, чтобы не проговорить концовку вслух.

— Черт, да попробуй же объяснить!

Реплика прозвучала почти как мольба, но я осознал это слишком поздно.

— Ну не знаю… Я далеко не все понимаю из того, что мне говорит Альберт…

— Альберт Эйлер, призрак со станции?

Она мне не ответила, да это, в общем-то, было и ни к чему.

— Постарайся в точности вспомнить, что именно он тебе сказал, — повторил я, внезапно напрягшись и сосредоточившись.

Карен задумалась.

— Ну… к примеру, он считает себя новой разновидностью заступника.

— Заступника?

— Угу. Он говорит, что раньше таких, как он, называли ангелами.

Я нервно сглотнул слюну. Если я добавлю кое-что из своих воспоминаний о призраке, он уже вряд ли подойдет под это определение.

— Ангелами?

— Да, так он мне сказал…

— Если он ангел, то какого рожна ошивается на станции «Мир»?

Карен вновь погрузилась в размышления.

— Точно не знаю… Я уже говорила тебе об этой штуке утром… Термодинамический баланс… Призрак играет в нем какую-то роль.

— А ты? — произнес я. — Какую роль в этом играешь ты? Миллионами продаешь собственные нейроны, черт тебя возьми? Ради чего?

Я почувствовал, что Карен замешкалась. Ей не слишком-то понравилось едва скрытое сравнение ее поступка с действиями проститутки.

— Я ничего не продаю… — ответила она. — Я меняю. Чтобы спасти нас. А также чтобы спасти станцию.

— Объясни.

Облако ярких ультрафиолетовых точек возникло вокруг ее зрачков. Я прекрасно видел, что мои авторитарные замашки донельзя раздражают Карен, но у меня не было времени разыгрывать любезность.

«А теперь последние новости о падающей станции „Мир“, полученные от наших корреспондентов в Европе, в НЦКИ,[33] в

Звездном городке, от экипажа станции „Альфа“, вращающейся по орбите над противоположной частью Земли, а также от представителей НАСА,[34] которые дали нам интервью по видеотелефону… и конечно же от новинки, недавно вышедшей с заводов Campbell Aerospace Technologies, — роботизированного спутника „Mad Do-o-og“!!!»[35] На экране телевизора появилась подборка изображений станции, смонтированных в рваном, драматичном ритме, подобно какому-нибудь видеоклипу.

Карен выпрямилась на постели, подогнув ноги под себя, и нервно уставилась в экран.

Я выбрался из кресла, не торопясь, залез на кровать, прижался к спине девушки и, стараясь сохранять спокойствие, обнял ее за плечи — действие, которое естественным образом внушало ей чувство защищенности. Такого я сам от себя не ожидал — и был этим просто ошарашен. Карен уткнулась затылком мне в шею. И обхватила себя руками, так что ее ладони встретились с моими.

На экране появились видеоизображения с камер внутреннего наблюдения станции «Мир». Эту картинку транслировал CNN'овский спутник, двигавшийся в одном-двух километрах от «Мира» по той же орбите, — спутник-самоубийца, который дорого обошелся CNN. Его запустили к месту катастрофы при помощи индийской ракеты-носителя. Он должен был следовать за станцией, какая бы судьба ни ожидала последнюю, и передавать картинку с этой космической духовки в прямом эфире вплоть до жгучего пламени верхних слоев атмосферы. Благодаря карбокерамическому корпусу, он, как ожидалось, сумеет продержаться, как минимум, до того момента, когда станция взорвется, и сможет снимать ее падение до конца. Этот ход уже привлек на канал десятки рекламных спонсоров. Каждый вечер в специальной программе под названием «Mir On Earth»[36] — игра слов на грани фола — рассказывалось о текущих попытках космонавтов вернуть станцию на безопасную орбиту. В нижней части экрана горели цифры в виде красных светодиодных индикаторов — обратный отсчет, показывающий время до первого «окна», когда будет возможен запуск шаттла «Атлантис». Это позволяло держать зрителей в постоянном напряжении. В репортажах можно было видеть многочисленные толпы верующих, заполнивших церкви в России, Германии и Франции. Люди в окружении тысяч свечей молились о спасении членов экипажа. Астронавты со станции «Альфа», которые занимались установкой жилого модуля-надстройки на орбитальном комплексе, отправляли европейским коллегам за десять тысяч километров призывы не падать духом. Комментаторы взахлеб

трещали на все голоса: нас дурили байками о чувстве солидарности, «прочные узы которой» якобы связали людей воедино. Если бы уйгуры, круглосуточно подвергавшиеся бомбардировкам, имели возможность смотреть телевизор, они уже должны были бы приступить к подсчетам, сколько тысяч китайских младенцев стоит один французский, немецкий или русский космонавт.

Я не успел дождаться подробностей.

Во время первой рекламной паузы Карен зашевелилась, отстранилась от меня и вновь вытянулась на простынях головой к изножью кровати. Взяла банан из пластикового лотка, который стоял на журнальном столике возле кресла. Тщательно очистила фрукт и съела, бездумно следя за психоделической игрой ярких красок в рекламном ролике кока-колы. Я наблюдал за этим, борясь с целой кучей задних мыслей эротического содержания.

— Все это работает как какая-нибудь чертова сеть, — произнесла она через пару секунд.

Я отвлекся от изображений падающей орбитальной станции:

— Что? Что работает как чертова сеть?

— Эта штука. Штука, в которой я участвую. Вместе с Альбертом. И экипажем «Мира»… И с тобой тоже… немножечко… Но, в конце концов, Альберт выбрал именно меня…

— Он выбрал тебя?

— Так он мне сказал. Вот почему это работает как сеть… Альберт находится там, чтобы спасти станцию «Мир», но для этого ему необходимо соединить несколько элементов, как бы связать их в сеть… По его словам, то, что ему нужно выстроить, похоже на алфавит, на генетический код, тебе понятно?

Около двух минут я размышлял над ее словами, и за это время восстановил в памяти все, что читал в электронной библиотеке и слышал от Коэн-Солаля.

Нет, я не понимал.

— Альберт говорит, что все происходит на уровне символического обмена, в том числе и по элементарнейшим законах термодинамики. Все закодировано в окружающем нас пространстве. Это его слова… Потому эта штука работает именно таким образом: Альберт Эйлер, заступник, может помочь экипажу восстановить определенное число жизненно важных механизмов станции и поддержать их в работоспособном состоянии в течение того времени, которое необходимо для прибытия спасательной миссии на «Атлантисе», скажем в течение десяти дней, если все сложится удачно… Но для этого ему необходима «матрица перехода» в реальном мире. Альберт говорит, что «технология ангелов» в подобных случаях всегда опиралась на человеческий

мозг.

Никаких замечаний с моей стороны не последовало. Я даже прекратил попытки найти происходящему логическое объяснение, выстроить имеющиеся факты в каком-либо порядке, как делал с самых юных лет, — с первых сознательных шагов для меня это было лучшим способом выжить. Нет, я позволил разуму принять и признать услышанное как некий единый, неделимый, органичный массив взаимосвязанных данных. Ведь Карен на моих глазах убила копа, даже не прикоснувшись к нему, а станция «Мир» уже по меньшей мере дважды спасалась от неминуемой катастрофы — тут не о чем было спорить, а значит, за всем этим что-то крылось.

— Вот для чего Альберт нашел человеческий мозг, который позволил бы ему взаимодействовать с реальностью, — продолжила Карен. — Правда, речь идет об особенном человеческом мозге…

— Угу. Пораженном нейровирусом Широна-Олдиса…

— Так и есть… В конце концов, Альберт остановил свой выбор на моем мозге. Так он мне сказал. А по какой причине, я не знаю… Именно поэтому я тоже появлялась на станции и именно поэтому я выполняю все, что велит мне сделать Альберт. Но все в нашем мире имеет свою энергетическую цену — так он говорит, — и мне это стоит определенного количества нейронов. Но мы ведь каждый день теряем их из-за нейровируса — и только ради того, чтобы прочесть какую-нибудь газету… не все ли равно…

В этот момент в моей голове зазвенел сигнал тревоги.

— Минутку… А чем же все это время занимается эта веселая троица на станции — играет в белот?[37]

— Ну… Им поручено сделать для Альберта одну особенную штуку.

— Какую еще особенную штуку?

— Кое-что другое. Вовсе не то, что можно увидеть по CNN… Как объяснил Альберт, изображение с внутренних камер видеонаблюдения — плод его собственных усилий: тяп-ляп и готово — нам ни к чему заморачиваться на этом. Альберт способен подчинить себе миллиарды информационных потоков и сделать из них нечто более правдоподобное, чем сама реальность…

— Скажи, — произнес я, — а ты уверена, что это ангел?

Мой вопрос явно задел Карен за живое: во взгляде ее лазоревых глаз мелькнуло любопытство, а полоски ультрафиолетового свечения стали чуть заметнее.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Продолжай.

— Трое парней из экипажа станции помогут Альберту обеспечить искупление грехов.

— Искупление?

— Угу, так он это назвал. Если он их спасет, то узнает, почему и каким образом умер. После этого он сможет слиться с бесконечностью.

— Бесконечностью?

— Так он мне сказал.

Я вздохнул. Я ни черта не понимал во всем этом.

— А о чем еще тебе поведал святой Альберт?

— Между прочим, он как раз подчеркивал, что не относится к святым. Святые оказывают постоянное воздействие на развитие человечества. А ангелы вроде него — это потерянные души, духи, не сумевшие достичь бесконечности.

— И что это такое? — не сдержался я. — Бог или какая-нибудь подобная штука?

— Не знаю… — выдохнула она. — Альберт так и говорит — бесконечность. По его словам, ангелы его типа — это сущности, находящиеся в переходном состоянии, а бесконечность пользуется ими, чтобы предотвратить или спровоцировать катастрофы.

— Спровоцировать? — переспросил я.

— Ну так он мне сказал однажды.

— Однажды?

У Карен явно возникли трудности с подбором правильных слов.

— Не знаю, как тебе это объяснить. Послушай, это похоже на ОСП. В реальном времени связь продолжалась всего две ночи, но у меня такое впечатление, как будто я провела там несколько недель. Это как если бы время стало… эластичным.

— Ангелы не созданы для того, чтобы провоцировать катастрофы, — произнес я.

— А Альберт утверждает, что ангелы — двуликие существа. По его словам, они в любом случае представляют собой разные личности — воплощения того, кто властвует над бесконечностью. Убедительно звучит, да?

Я мог утвердительно ответить на этот вопрос. В словах Карен, безусловно, имелся смысл, только я не сумел бы сказать какой именно.

Девушка продолжила с таким видом, как будто желает сказать абсолютно всё, вспомнить всё, воспроизвести всё, подобно запущенному CNN спутнику-самоубийце:

— Альберт настаивает на том, чтобы мы тоже сыграли свою

роль.

— Кто это мы — мы с тобой?

— Гм… Да, и в общем-то, все мы. Мы — носители нейровируса…

— Как это?

— Альберт говорит, что это связано с эпохой высокотехнологичных информационных сетей, в которую вступила наша цивилизация… Он полагает, что человеческий мозг должен мутировать… и что нейровирус — это попытка ДНК запустить выполнение мозгом некоторых новых функций… ДНК — это ведь та штука, о которой нам рассказывал Коэн-Солаль? Двойная спираль генетического кода, да?

— Да, — кивнул я.

— Ну так вот. Он называет ее Змеем Слова. Это космический код, который постоянно видоизменяется и может принимать бесконечное количество новых форм… Например, Ритм Драконовой Речи — это особая транскрипция данного кода, словесная, символическая и цифровая его передача. По словам Альберта, такая штука вызывает короткое замыкание в нейронных цепях того, для кого она и была закодирована. Необратимое замыкание. Альберт сказал мне, что это экспериментальное оружие из великой лаборатории природы, а ДНК и человеческий мозг служат для него своего рода платформами-носителями… Странно. Теперь, когда я тебе все это рассказываю, его слова кажутся мне более понятными.

Не стоит и говорить, что для меня объяснения Карен по-прежнему оставались совсем туманными.

Но среди всех вопросов, возникших в связи с этой историей, имелся один — фундаментальный. Он завис над поверхностью подобно мультяшному персонажу, который долго перебирает ногами над пропастью, пока не понимает, каково истинное положение дел, и не срывается вниз.

— Сколько времени у нас осталось? — прохрипел я.

Она посмотрела на меня глазами цвета небесной лазури, которую вирус раскрасил световыми полосками. Этот взгляд означал: зачем ты это делаешь, почему хочешь знать?

— Сколько? — продолжал настаивать я.

— Срок не слишком-то гигантский… — ответила она. — Но достаточный, чтобы ради этого пойти на риск… Его продолжительность зависит от того, что должно произойти в ближайшее время, от эволюции нейровируса, от целой кучи обстоя…

— Сколько у нас времени? — сухо переспросил я. — Мне нужен точный ответ — годы, месяцы, недели… часы, если

потребуется.

— Годы… Несколько лет.

— Сколько? — выдохнул я на грани исступления.

— Я… черт… Ну, скажем, тебе осталось около десятка лет, если все пойдет согласно среднестатистической результирующей имеющихся вероятностей…

— А тебе?

Тут Карен отвела взгляд.

— Мне — меньше, — призналась она.

— Проклятие… насколько меньше?

— Я не знаю. Альберт говорит, что в настоящий момент нейровирус служит частичным выражением происходящих мутаций. Он ничего не может с этим поделать, он…

— Сколько, спрашиваю в последний раз…

— Самое меньшее — два-три года, это точно, — вздохнула она. — Быть может, пять лет. Если судить по среднему значению вероятностных параметров, мне осталось шесть лет с хвостиком… — Она вновь подняла на меня глаза — глаза, в которых мерцало УФ-сияние, порожденное вирусом, — и добавила: — Этого достаточно… Более, чем достаточно.

Ее тело уже разворачивалось в боевое положение подобно живому, изумительно живому оружию. Ее атласная кожа мягко поблескивала и дышала теплом. Она крепко прижалась ртом к моим губам и обвила меня ногами, которые походили на исключительно хищные лианы. Мы не трахались более недели: подготовка и осуществление налета, бегство, болезненные сновидения, чертов нейровирус — все это способствовало подавлению плотского желания столь же надежно, как сеанс у психоаналитика.

И вот вожделение взорвалось — подобно закрытой автоматической скороварке, простоявшей на огне больше, чем следует. Я сорвал с Карен хлопчатобумажный свитер и спортивные брюки, движением стрелка из лука разодрал ее футболку, бюстгальтер лопнул под моими руками, и груди ринулись мне навстречу подобно двум резвым бесенятам — воинственным бесенятам в форме зарядов для миномета, я стиснул их руками, сжав достаточно сильно для того, чтобы упругие полушария встали на дыбы, а соски нацелились мне в лицо, будто наконечники стрел из плоти.

Я принялся обсасывать их как палочки с фруктовым соком. Волна жара образовала вокруг нас защитное кольцо, оболочку, надежно укрывавшую от внешнего мира, — а внутри этого кокона был лихорадочный трепет, были капли пота, были животные стоны в золотистом свете рекламных табло.

— Поцелуй меня, — сказала Карен. — Покрепче поцелуй.
— Не вопрос, — ответил я. — Не вопрос.

Когда я проснулся, солнце вставало за городом, на востоке, со стороны суши, и благодаря ему пенистые гребни волн подернулись розовой пеленой и стали похожи на слюну боксера, лежащего ничком в состоянии нокдауна.

Не сводя глаз с океана и ясного неба, где скрещивались прямые и отраженные лучи восходящего светила, я приготовил плотный завтрак. Я намеревался заявиться в кассы к открытию, чтобы купить билеты до следующего пункта назначения: после всего случившегося нам следовало сегодня же двигаться дальше — в любую другую точку Африки, первым же подходящим самолетом до крупной конурбации[38] какого-нибудь достаточно коррумпированного государства с мощными теневыми структурами. Я принял душ, оделся, убедился, что Карен спокойно спит, и вышел из гостиницы.

То, что мне было нужно, я нашел в турагентстве аэропорта Агадира. Это был вечерний авиарейс до Абиджана, в Кот-д'Ивуаре. Я, не колеблясь, приобрел две путевки с рекламной скидкой — билеты, три ночи в гостинице и молниеносная обзорная экскурсия по городу. И при этом воспользовался вторым набором поддельных паспортов. Это был слегка рискованный трюк. Ведь предполагалось, что накануне мы улетели в Бразилию. Однако электронная система аэропорта Агадира не выявила в наших документах ничего подозрительного. Затем я доехал на такси до центра города, где накупил разной жратвы, после чего наведался в телефонную будку. В новенькой кабинке от компании «Nokia-Ericsson» обнаружился небольшой интернет-терминал, снабженный веб-камерой. Я вставил в приемное устройство свою кредитку. Данные о разговоре сохранятся где-то в электронных архивах оператора «ATT Northern Africa», и легавые с легкостью смогут их заполучить, когда вторая серия наших ксив тоже окажется засвеченной. Впрочем, это предусматривалось планом с самого начала, следовало лишь воплотить данный замысел в жизнь: копы должны поверить в то, что из Марокко мы направились в тропическую Африку, намереваясь лечь на дно где-то в дебрях этого континента. Но благодаря сложившейся напряженной ситуации я обнаружил существенный изъян в нашем плане бегства. В андайском банке нас знали под вторыми «личинами», и именно в таком качестве мы велели осуществить перевод средств на счета финансовых компаний из Тихоокеанского региона. Я знал, что легавые уже раскусили наши первые поддельные документы — паспорта граждан Бельгии, и

если полиции удастся проследить наши действия по всей «второй цепочке», то они обнаружат банковские счета в Андае и смекнут, что Африка — всего лишь обманка. Учитывая, что я собственноручно спалил план с новозеландскими лохами, летящими в Рио, копы развернутся в другую сторону — туда, куда должны прибыть переводы наших финансовых активов. Следовало срочно менять траекторию бегства. «Почему же я не перечислил деньги через Кейптаун? — Этот вопрос я задавал себе с завидным постоянством. — Ну почему?»

Я позвонил в банк в Андае и попросил соединить меня с типом, который занимался нашими с Карен счетами.

— Вы получили распоряжения относительно перевода фондов? — спросил я у него.

— Операция осуществляется, — ответил он, преисполненный гордости от сознания собственной полезности. — Завтра деньги поступят на ваш счет в «Thaï Farmer»… Что же касается средств, направленных в «Bandung Asia International» и Австралийский инвестиционный банк, перевод будет завершен в течение двух дней.

Он отлично знал свое дело, этот банковский клерк.

— Отмените всё, — произнес я.

Я смотрел на его рожу, воспроизводимую на экране с частотой восемнадцать кадров в секунду, она застыла, буквально окаменела; мне даже показалось, будто завис компьютер.

— Отменить? — тупо повторил он.

— Да, мне слишком сложно сейчас объяснять причины, но я хочу, чтобы вы перевели эти активы в один из ваших филиалов, расположенных в Западной Африке, знаю, у вас есть там представительства… — Говоря это, я сознательно делал ставку на его рефлексы — рефлексы настоящего барыги, ведь я возвращал заблудшие денежки в лоно родной финансовой компании, что наверняка будет хорошо смотреться в годовом отчете нашего «белого воротничка». И поэтому с самым непосредственным видом продолжил: — Ну, на самом деле, планируемая нами операция с недвижимостью в Австралии забуксовала, у нас имеется запасной бизнес-план в Африке, именно отсюда я вам и звоню. Не стану скрывать: мне нужно, чтобы вы осуществили перевод в кратчайшие сроки… Собрание соинвесторов завершилось, и мы должны как можно быстрее внести свою часть капитала.

— Я… хорошо. Каковы сроки?

— Внесения средств? До конца завтрашнего дня.

Я знал, что требую от него невозможного. Но все это делалось только ради того, чтобы подтвердить только что произнесенные

слова о крайней спешности дела.

— Я… простите, господин, я… я полагаю, что это невозможно. Поручение на перевод средств в «Thaï» было отдано нами вчера, а операции с индонезийским и австралийским банками уже производятся, я…

— Сколько времени вам нужно? — сухо спросил я с видом воротилы международного бизнеса, раздраженного вездесущей бумажной волокитой.

Клерк сделал нервное движение на месте, явно чувствуя себя не в своей тарелке: ему в самом деле было неприятно говорить мне то, что он обязан был сказать.

— Гм… нам потребуется на это целая неделя, господин. Но я сделаю все, чтобы к пятнице операции по переводу средств были завершены, господин.

«Три дня», — подумал я.

Я взвешивал это решение так тщательно, как будто жонглировал опасной бритвой. Нельзя было ошибиться в оценке скорости реакции копов. С момента последнего налета на почтовое отделение прошло четыре дня, а значит, следователи уже раскусили нашу уловку с первым комплектом фальшивых паспортов, что, впрочем, предусматривалось планом. Еще была история с провалившимся ограблением, которое хотели повесить на нас, но и этим дело не ограничивалось: также имелись специальные поисково-диагностические бригады Министерства здравоохранения и совершенно новая технологическая полиция, только-только организованная французским правительством. Наверняка все они пустились по следам «беглецов из Центра номер 14». Кроме того, не следовало забывать о смерти Месауда — короче, мы нажили кучу неприятностей на свои задницы.

Я сделал глубокий вдох. У меня не оставалось выбора. Необходимо любой ценой скрыть азиатский след. Достаточно того, что с нашей стороны было настоящим безумием упоминать об этом направлении при потенциальных свидетелях вроде банковского служащего из Андая.

— Согласен, — произнес я вслух. — Могу подождать до пятницы, но к выходным я непременно должен располагать этими деньгами. Это категорическое условие, — добавил я для пущей весомости.

— Будет сделано. Не беспокойтесь, господин.

— В пятницу. Обязательно, — самым настойчивым тоном повторил я, прежде чем прервать соединение.

После чего вышел из кабинки, сел в автобус и вернулся в гостиницу.

Я развернул местные газеты, купленные в киоске в двух шагах от отеля. Они покрыли кровать чехлом из двухцветной бумаги.

Здесь было все: газеты на арабском, на французском и даже ежедневное экономическое обозрение на английском, адресованное представителям космополитичной элиты Марокко. Две арабские и одна франкоязычная газетенки даже сделали из информации о кончине Месауда передовицы. «Таинственная смерть» — это выражение, казалось, присутствовало повсеместно. На снимке, взятом из личного дела полиции Рабата, фигурировало лицо Месауда, которое было моложе оригинала по меньшей мере на добрых пятнадцать лет, но тем не менее на нем уже присутствовали неизменные очки «Ray-Ban» и усы в турецком стиле. Из статей во франкоязычных газетах я смог узнать, что первые результаты вскрытия тела, судя по всему, указывали на смерть от «естественных причин» — кровоизлияние в мозг, связанное с разрывом аневризмы, или что-то подобное. Но журналисты постоянно твердили, что легавые «не исключают никаких версий» происшедшего. Эта фраза, в том или ином виде, повторялась слишком часто, и я начал подозревать, что за всем этим что-то кроется. Сцена гибели Месауда возникла перед моим мысленным взором — в виде цельного, компактного и яркого фрагмента. Она так быстро добралась до поверхности моего сознания, что я даже не успел вовремя почувствовать, как мой мозг подпадает под власть вируса, вступающего в «стадию обострения».

Я вновь увидел, как Карен приближается ко мне и наклоняется к дверце машины. Опять начался обмен репликами, будто на видеопленке, прокручиваемой прямо в голове, вплоть до рокового момента, когда Месауд задергался на водительском сиденье.

Но прямо перед этим произошло нечто такое, что ментальная видеопленка прокрутилась назад в режиме ускоренной перемотки, после чего воспроизведение возобновилось — да, вот здесь, — скорость передачи изображения замедлилась, и камера приблизила какой-то квадратик мысленного экрана, увеличивая эту часть картинки — рука, рука Месауда, открывающая кобуру револьвера и гладящая рукоятку оружия, а затем судорожно сжимающаяся на ней отчаянным, последним в жизни движением.

«Марокканские полицейские нашли его именно в такой позе, — завопил сигнал тревоги в моей голове. — И очень быстро поняли, что Месауд пытался защититься от непосредственной опасности, но потерпел неудачу».

Это более чем серьезно. Это будет противоречить

результатам вскрытия и обязательно пробудит их любопытство и даже подозрения. Отсюда до обращения за помощью к специализированным службам Интерпола — всего один шаг. После чего всего полшага останется до того, как об этом инциденте пронюхает французская полиция.

Конечно, маловероятно, что легавые из патруля свяжут гибель Месауда с нами. В конце концов, подобные полюбовные договоренности с богатыми и слегка чокнутыми западными туристами — это повседневная реальность, обычный пример местной коррупции, но, когда патрульных начнут допрашивать, что наверняка произойдет, они непременно расскажут типам из уголовки о происшествии в гостинице. Увольнение за подобный проступок им не грозит — по крайней мере, не в такой стране, как Марокко. В худшем случае получат выговор с занесением в личное дело и потому сделают все, чтобы реабилитироваться в глазах коллег, а значит, поведают о ночном эпизоде во всех подробностях. Если марокканские легавые из отдела по расследованию убийств не окажутся полными придурками (а ничего не говорило в пользу того, что так может быть), на них произведет впечатление история о набитых деньгами западных туристах и разгромленном номере в гостинице. Просто потому, что это чуточку странно, а любой коп, имеющий нюх, всегда реагирует на подобного рода штуки. Полиция вот-вот вычислит наш второй комплект фальшивых документов. До этого момента осталось всего несколько дней, не больше. И это при том, что новый поворот событий абсолютно не был предусмотрен планом.

Если я так говорю, значит, знаю, о чем идет речь. Правда, с начала моего повествования я еще не имел возможности подробно рассказать о себе, и теперь, перечитав написанное, понимаю, что вы судите обо мне лишь на основании сведений о последних восемнадцати месяцах моей жизни и особенно о последней неделе — так же, как и о Карен. Впрочем, в отличие от нее, обо мне вы знаете еще меньше — вам неизвестно даже мое имя. Пусть так будет и дальше — в том, что касается моих персональных данных, но вот относительно определенных и весьма специфичных профессиональных навыков я, конечно, не вправе бесконечно держать вас в неведении.

Я провел два с половиной года в полицейской академии, в Ножан-сюр-Марн, что в окрестностях Парижа. Я хотел стать копом, офицером судебной полиции — не спрашивайте меня почему, — возможно, потому, что мой папаша разрушил собственную жизнь и жизнь моей матери из-за пристрастия к дурному виски, дурному кокаину и дурным интрижкам, на которые никогда не польстится нормальный человек. При этом

отец прозябал в своем чертовом, захудалом рекламном агентстве, где можно встретить лишь недоучек-лоботрясов с шиньонами из волос, выкрашенных флюоресцирующей краской, и старых пройдох, отставников от шоу-бизнеса, с накладными волосами традиционных цветов.

Этот идиот хотел, чтобы я занимался политологией или взялся обучаться одной из их мерзких, фанфаронских профессий, которые носят пышный эпитет «творческие», тогда как я увлекся спортивными единоборствами, затем информатикой, но не модными ее направлениями типа «виртуальная реальность и технологии медийной коммуникации», нет, а программным обеспечением, автоматическими системами управления, микропроцессорами, языками программирования — вещами, непостижимыми для него, — и в конце концов пришел к идее стать полицейским.

Единственный поступок, которым я мог бы разозлить его до такой же степени, — это завербоваться добровольцем в армию. Я принадлежал к последней возрастной категории, представители которой подпали под всеобщую воинскую повинность, после обязательных сборов нам предложили типовой контракт, чтобы мы могли продолжить службу в новой профессиональной армии. Взвесив все «за» и «против», я отказался. Но на самом деле колебался, не согласиться ли мне. Папашу от этой новости хватил бы удар, представьте: он поставил небо и землю вверх дном, чтобы убедить меня уволиться из армии, а я вдруг говорю ему, что все было напрасно и что собираюсь досрочно поступить на службу по контракту, после чего потчую его заявлением о том, что через три дня отправляюсь в казармы Еврокорпуса, где-то в Германии. Если бы отец в тот момент был навеселе, он бы выдал в мой адрес одну из своих излюбленных обличительных речей против системы — это он-то, который с двадцатипятилетнего возраста жил за счет ее как пиявка. Он поведал бы мне об анархии, о мае 68-го (когда ему едва стукнуло пятнадцать), о Джимми Хендриксе и «Rolling Stones», о Фиделе Кастро и Че, об их «идеалах» и о «нормальных уступках, на которые каждый из нас должен идти в своей жизни», затем завопил бы, что больше не может общаться с сыном, поступающим на службу к «империалистическим убийцам».

Но на самом деле я просто сказал ему, что поступаю в полицию. Он холодно взглянул на меня и как можно незаметнее шмыгнул носом (пятью минутами ранее — в туалете — он отправил в ноздри порцию наркотика). Положил столовые приборы по обеим сторонам тарелки. Глубоко вздохнул. И молча вышел из-за стола.

С тех пор мы больше ни разу не разговаривали друг с другом.

Вот так. Я оказался в Ножан-сюр-Марне с дипломом программиста, специализирующегося на микросистемах для искусственного интеллекта и прикладных автоматизированных систем, причем, к своему огромному удивлению, играючи сдал вступительные экзамены. Я быстро избрал сферой специализации ультрасовременные методики криминалистики, но не обошел вниманием и все прочее — старые добрые приемчики копов, то есть основы профессии. Два года с хвостиком — именно столько нужно, чтобы вбить в вас эту науку, два года теоретических занятий и многочисленных стажировок в качестве практиканта. Я как раз успешно заканчивал последний курс обучения, когда новому правительству взбрело в голову вновь разделить общество на четкие страты в соответствии с санитарными, культурными и социально-экономическими критериями, запустив грандиозную программу по выявлению медико-социальных отклонений, а в завершении дела — и их фиксации. Государственные служащие первыми прошли проверку на соответствие норме. Я быстро оказался человеком с клеймом носителя нейровируса Широна-Олдиса в генетической карте. И Центр фильтрации номер 14 распахнул мне свои объятия.

Карен никогда не любила много говорить о своем прошлом, но за неполный год, прошедший с момента нашей первой встречи, мне удалось вытащить из нее кое-какие сведения и путем их сопоставления прийти к определенным выводам.

Насколько я сумел выяснить, она появилась на свет в достаточно необычной семье. В ее роду были чешские, русские и польские евреи, которые бежали или боролись сначала против нацистов, а затем против коммунистов. Как-то Карен рассказала мне, что одна из ее бабушек в семнадцать лет попала в застенки гестапо, где ее подвергли пыткам. Не прошло и десяти лет, как через ее тело пропускали электрический ток уже агенты чешской политической полиции. Некоторые представители генеалогического древа Карен целыми семьями бесследно исчезли в немецких или советских концлагерях, выжившие сумели найти убежище кто в Израиле, а кто — в Голландии и Великобритании. Родители моей подруги обосновались во Франции. Мне так никогда и не удалось понять, чем именно занимались предки Карен, но однажды она в общих чертах набросала для меня портреты своих бабушек и дедушек. По отцовской линии — еврейка из пражского гетто (та самая, которой довелось отведать сначала нацистского, а затем коммунистического электричества) и русский еврей, сражавшийся

в рядах 1-й гвардейской армии, но в 50-х годах вынужденный бежать за границу по причине растущей паранойи «отца народов» Сталина. Они познакомились в Праге, сразу после войны, затем вновь встретились в Австрии, когда бежали в ФРГ при помощи тайной сети проводников «на ту сторону». По материнской линии — еврейка из краковского гетто, прошедшая фашистские концлагеря и оказавшаяся сначала в Бельгии, а затем во Франции после того, как англо-американские войска освободили ее из Бергена-Бельзена,[39] и единственный нееврей во всем роду — франко-голландско-венесуэльский искатель приключений, своего рода международный мошенник, который вступил в ряды «Сражающейся Франции», участвовал в операциях SAS[40] 6 июня и после изгнания фашистов из Парижа обосновался в этом городе.

Карен часто говорила мне, что с такими предками никакая опасность ей не страшна.

Она также рассказала, что у ее бабушки по материнской линии есть родственники, которые приходятся Карен кем-то вроде троюродных братьев или двоюродных дедушек и живут в Голландии, а также в Южной Африке — достаточно богатая ветвь семейного древа, выжимавшая максимум возможных денег из торговли алмазами. По словам Карен, у них есть бизнес в Конго и Намибии — странах, где такого рода крошечные, но драгоценные кусочки углерода встречаются в изобилии, как черепа австралопитеков в Эфиопии. И в конце концов я убедил себя, что подобные родственные связи — это просто замечательно, ведь копы рано или поздно вычислят их, что подтвердит версию об африканской версии в качестве цели нашего бегства.

Все методы международного преследования преступников я смог до тонкостей постичь в полицейской академии. Обращение к архивам аэропортов и крупных вокзалов, следы, оставляемые банковскими или любыми другими электронными картами, где бы их ни использовали, платежи за пользование частными автодорогами, услугами телефонных операторов, сетевых отелей или супермаркетов, транспортных компаний и уж тем паче пересечение более или менее заметных границ между различными мультинациональными блоками. Сегодня легавый может следить за вами не отрывая задницы от кресла, разве что ему захочется сходить к холодильнику за пивом. Если он искусен в обращении с Интернетом и знает, где, когда и как подключаться к соответствующим информационным сетям, как выстраивать четкие, легкие в использовании базы данных из миллионов фактов, он в конечном итоге наметит путь, проделанный вами по карте мира так же точно, как если бы вы были радиоактивным

маркером типа изотопа йода в недрах какого-нибудь гигантского организма.

Киберполицейские стали незаменимы для любого сколько-нибудь современного подразделения сил правопорядка, но это вовсе не означает, что последние отказались от прежних полномочий и методов действия старых добрых блюстителей закона, особенно от обязательной отправки агентов для сбора сведений, выявления различных нюансов ситуации и главное — доступа к фактам, не учтенным при помощи шедевров высоких технологий, без которых нынче невозможно даже открыть дверь собственного номера в гостинице.

Поэтому цифровая слежка и дополняется ищейками, которые перемещаются вдоль всей цепочки нужных сведений, занимаются поиском свидетелей, сопоставлением фактов — и так раз за разом, опять и опять, снова и снова.

Они обязательно доберутся до типа с вокзала Онфлёр, что продал нам билеты до Шербура. Они безрезультатно перевернут все в Шербуре. После чего поймут свою ошибку и примутся терпеливо искать вдоль всего пути между двумя указанными пунктами и в какой-то момент окажутся в Байё, станут вынюхивать там, обнаружат какого-нибудь очевидца, который вспомнит, как некая парочка садилась в «ауди», и достаточно быстро смекнут, что бельгийский след в сторону севера на самом деле никуда не ведет. Тогда они обратятся к изучению двух оставшихся направлений — на юг и на восток. Покопавшись в наших родословных, легавые выявят восточноевропейские корни Карен, но также узнают о наличии у нее родственников в Африке — новые факты, говорящие на самом деле в пользу ложной версии. Следователи разыщут «ауди» соответствующей модели, возможно, при помощи номерных знаков; они вывернут наизнанку базы данных платных автодорог и электронных КПП на границах и в конце концов дознаются о нашем приезде в Андай. Ловушка захлопнется.

Полицейские проследят наш путь до Рабата. И до этих пор все было предусмотрено планом, но дальше они наткнутся на дело Месауда. Какой-нибудь придурок вроде меня, лихой аналитик, специалист по работе с информационными потоками, копаясь в местных газетах и сопоставляя даты, обязательно свяжет одно с другим просто потому, что одна из его программ, управляемых искусственным интеллектом, сделает это автоматически и тихим мелодичным набором звуков сообщит о наличии «интересных» сведений.

Одновременно нам на пятки сядет марокканская полиция, а это, черт побери, тем более не предусматривалось планом.

Нам нужно как можно скорее выметаться отсюда, но рабатский «инцидент» (я использую этот термин потому, что он звучит более нейтрально, нежели «убийство»)… Так вот, данный «инцидент» послужит неоспоримым доказательством нашего пребывания в стране и вынудит обе полицейские структуры к показному сотрудничеству, тогда как исподтишка они будут ставить друг другу палки в колеса, чтобы первыми получить все дивиденды от нашего задержания. Следователи и с той, и с другой стороны с головой погрузятся в африканский ад — мешанину из межплеменных гражданских войн и насквозь коррумпированных мегаполисов. И если все пойдет так, как я задумал, там они обломают все зубы.

Солнце садилось за горизонт, когда мы поднялись на борт 757-го[41] ангольской авиакомпании «TAAG» — ночной рейс, связывавший Агадир с Луандой при двух промежуточных посадках — в Нуакшоте и Абиджане. Я хотел любой ценой избежать самолетов «Royal Air Maroc», потому что к архивам этого перевозчика рабатские копы обратятся в первую очередь. Рейс ангольской авиакомпании, учитывая конечный пункт назначения, находящийся между Конго и Южной Африкой, позволял на порядок укрепить общее представление о наших действиях, которое должны были составить себе полицейские в связи с наличием у Карен дальних родственников в этом регионе.

Первоначальный план состоял в том, чтобы добраться до Кейптауна со вторым набором наших фальшивых документов, а там уже изловчиться и тихой сапой перебраться в какую-нибудь соседнюю страну, греющуюся в лучах южноафриканского экономического процветания, что-то вроде Намибии или скорее Мозамбика, где нам следовало задействовать последний запас подложных электронных удостоверений личности и попасть на грузовое судно, которое довезло бы нас до Персидского залива, а затем — до берегов Индии. Другой вариант — это вылететь в Индонезию из Мапуту.

Но так поступать было нельзя. Мой мозг лихорадочно собирал данные о деятельности марокканской полиции. Нейровирус давно вступил в обостренную стадию, но уровень воздействия болезни оставался терпимым, поэтому я выпил всего четверть обычной дозы «эпсилона» — в аэропорту все казалось замечательно ясным, четким, ярким, и мое сознание с молниеносной быстротой выводило росчерки мыслей.

Мы все еще находились слишком далеко от Южной Африки, нам предстояло пересечь весь континент. Было очевидно, что после Абиджана наш второй комплект удостоверений личности засветится, по крайней мере для марокканской полиции, которая

не откажет себе в удовольствии поместить соответствующее сообщение в информационные сети Афропола. Нам следовало бы исчезнуть в ивуарийской столице, на каком-нибудь незаметном транспортном средстве пересечь пару-тройку границ, проехать через Гану, Того, Бенин. Добраться до Нигерии, почему бы и нет?.. И возникнуть там уже с третьим набором паспортов. Из Нигерии направиться в Кейптаун или прямо в Мапуту. И что, спрашивается, тогда помешает нам воспользоваться трансокеанским авиарейсом до Бангкока?

Первое, что необходимо сделать в Абиджане, — это поторопить андайского банковского служащего. Я надавлю на него: нужно, чтобы перевод средств завершился в четверг. Мы дождемся в Абиджане прихода бабла и распихаем его на полдесятка счетов в нескольких крупных банках — из тех, что имеют на африканском континенте разветвленные сети филиалов. Мы заберем все эти денежки в процессе «турпоездки» по Западной Африке, вновь положим их на депозиты, и так несколько раз — в Мозамбике, затем в Индии или Индонезии — под нашими третьими «личинами».

Перед моим взором светились два взаимосвязанных графика. Флюоресцентные линии накладывались на то, что я видел в реальности, — штука, к которой должен привыкнуть любой носитель вируса Широна-Олдиса. Эти кривые иллюстрировали деятельность двух полиций. Мой сверхактивный мозг полагал, что французские копы все еще продолжают поиск «фальшивых бельгийцев» и настоящих беглецов из Центра № 14, исчезнувших где-то в районе Онфлёра. В данный момент следователи наверняка переворачивают верх дном все вдоль железнодорожной линии или в порту Шербура. Согласно этому графику, наши вторые ложные личности пока не раскрыты.

Но стоило взглянуть на кривую, символизирующую достижения марокканской полиции, как я вынужден был признать, что все контрольные датчики начинают наливаться тревожным красным светом: в течение двух дней, согласно «среднестатистической результирующей имеющихся вероятностей», рабатские легавые пронюхают про историю с номером в отеле и богатенькими туристами, в ходе следующих суток они обратятся с воззванием к возможным свидетелям через все национальные СМИ, в том числе через информационно-справочную систему аэропорта, где готовился к предстоящему вылету наш лайнер, так что челюсти капкана захлопнутся сразу следом за нами. Затем можно надеяться на передышку продолжительностью в несколько дней. Как раз это время необходимо нам для того, чтобы дождаться прихода бабла в

Абиджан и осуществить новые переводы средств.

Дальше кривые пересекутся. Это произойдет в тот момент, когда французские дознаватели обнаружат, что «ауди» доехала до Андая, «спалят» наши вторые личины, проследят наш путь через Испанию и всерьез заинтересуются Марокко. Если только рабатская полиция сама не обратится к международным правоохранительным структурам, что позволит связать дело Месауда с расследованием, проводимым Европолом. В обоих случаях среднестатистическая переменная, оценивающая вероятность такого события, колеблется в большом диапазоне — от одной до восьми недель. Хреново. Для начала Марокко просто обратится к региональным ресурсам Афропола, и тут я рассчитывал на коррумпированность и инерционность бюрократического аппарата западноафриканских стран. Это даст нам немного дополнительного времени. Но как только ищейки Европола или новой контролирующей техноструктуры, организованной французским правительством, возьмут след на континенте, нас начнут преследовать днем и ночью, и мы больше не будем иметь права на ошибку.

Африканских копов станут трясти непрерывно, как кокосовую пальму, — и так до тех пор, пока они не отыщут что-нибудь стоящее; к ним нагрянут типы из Парижа или Брюсселя, чтобы добавить мотивации и руководить всей этой славной компанией; будет объявлено вознаграждение за нашу поимку — как официальное, так и неофициальное, в виде чрезмерных взяток, распространяемых по всем уровням иерархии, — и парни из Афропола начнут шевелить задницами. Нужно, чтобы к этому моменту мы уже находились далеко от берегов Мозамбика.

Полагаю, я еще не говорил вам о том, что за побег из Центра санитарной фильтрации строгого режима полагается наказание в виде, самое меньшее, десяти лет лишения свободы — по крайней мере, для любого обладателя генетической карты с черно-красным штампом «вирус исключительной степени опасности». Это прерогатива биологического отдела технополиции. Именно он ловил «беглецов из Центра номер 14».

Выслеживанием «пригородных налетчиков» в Париже и его окрестностях занималось несколько бригад по борьбе с бандитизмом, но когда выяснилось, что вместо двух «шаек» на самом деле действует одна, были мобилизованы крупные подразделения RAID[42] и отдела полиции, отвечающего за нейтрализацию оргпреступности, затем под ружье поставили Европол, Интерпол и всех прочих. Особенно теперь, когда на нас навесили неудавшийся вооруженный налет со «жмуриком». Тем более что речь шла об убитом полицейском.

Небо было темно-фиолетовым, а горизонт — золотисто-оранжевым, с синевато-зелеными вспышками, тогда как на самой границе между небесами и водой пролегала пурпурная черта, ее оттенок все время менялся в инфракрасном диапазоне. Из иллюминатора открывался вид на Атлантический океан, за которым только что скрылось солнце. Набирая высоту, самолет поймал шальные его лучи, после чего повернул строго на юг. А я полюбовался вторым закатом за сегодняшний день. Карен дремала под действием «эпсилона» (три четверти обычной дозы — ее половина, плюс четвертинка, которую не выпил я).

Какой-то поганый фильм, снятый в Гонконге и снабженный субтитрами на английском языке, — «шедевр» конца XX века, некогда купленный «про запас», — был призван развлекать пассажиров на все время полета. Мы стало жаль тех, кто взял билет до Луанды.

Лайнер погрузился в африканскую ночь.

Three to get ready now go cat go… [43]

Я думал прилететь в Абиджан ночью, и притом рассчитывал на то, что промежуточная посадка в Нуакшоте продлится один-два часа, не больше.

В Нуакшоте мы застряли на шесть с лишним часов. И даже не спрашивайте меня почему. Где-то на передних креслах пара путешествующих вояк, громко хохоча, обсуждала рекорды в области затянувшихся промежуточных посадок: один случай — в 1996-м, в Аккре, а другой — в 2002-м, здесь же, в Нуакшоте: восемь часов, старик, задержка на восемь часов. И кстати, гм… там к тому же возникли какие-то проблемы с военными. В Монровии в девяностых годах было по-другому…

«Перестаньте драть глотки!» — думал я, пытаясь уснуть в дрянном кресле — достаточно жестком, достаточно твердом, со спинкой, закрепленной под таким наклоном, что ни о каком остром угле даже и заикаться не стоило.

Прилетев в аэропорт Абиджана, мы без малейших проблем прошли таможенный досмотр. Пограничники в конце смены наполовину дрыхли в своих кабинках, с осоловевшим видом машинально просматривая паспорта и электронные удостоверения, которые предъявляли им пассажиры. Когда я протянул свою гиперкарту, во взгляде ивуарийского таможенника мелькнул смутный интерес. Ведь снабдить своих граждан подобного рода гаджетами могли только западные страны. Но мимо служащего до нас прошло множество других туристов из Европы и Америки. Рожа, изображенная на удостоверении методом голографии, совпадала с моей физиономией, а электронная виза издала правильный звуковой сигнал в устройстве для считывания штрихкода. Следом настала очередь Карен, и она привлекла к себе чуть больший интерес лишь потому, что ставший слегка навязчивым взгляд таможенника задержался на ее формах… скажем так, характерных для девушки.

Я убрал свою карточку, взял Карен под руку и беззвучно прочитал благодарственную молитву в честь Рубника и его корешей.

Рубник — это действительно классный чувак. Нет никаких сомнений в том, что без его помощи мы не сумели бы выбраться дальше Итальянских ворот Парижа. И дело здесь не только в безупречных по исполнению фальшивых гиперкартах. Когда я вручил Рубнику его процент с выручки от первого налета, он сделал мне подарок, своего рода маленький бонус.

Маленький бонус представлял собой съемный жесткий диск «SyQuest»,[44] содержащий 1 терабайт данных. В моем случае речь шла об отличных копиях примерно пятидесяти туристических виз, которые я по собственному выбору мог извлечь с «SyQuest'a» и записать на свободное место, оставленное на моей гиперкарте. Все это — благодаря программному обеспечению, произведенному усилиями Рубника и также «залитому» на гигадиск. Считается, что гиперкарты не поддаются никаким попыткам взлома, а электронные визы якобы абсолютно невозможно подделать. Эти смешные байки Рубник и его кореша по «UnderBahn» рассказывают друг другу по утрам, просто чтобы не терять форму.

Стандартные съемные диски «SyQuest» теперь прекрасно подключаются к любому терминалу Меганета. Я мог проделать описанную выше операцию в первом попавшемся номере всякого мало-мальски цивилизованного отеля и даже в обычной кабинке видеотелефона. В худшем случае мне нужно было всего лишь приобрести в первом же встреченном магазине маленький ноутбук тайваньского производства.

Я провернул необходимые действия при помощи консоли гостиничного номера в Агадире, перед тем как отправиться в аэропорт. В общей сложности пятнадцать минут на то, чтобы снабдить наши электронные удостоверения пятеркой виз, чертящих путь от Абиджана до Мапуту, через Кейптаун, Луанду, Киншасу, Лагос… Отныне мне следовало готовиться к ночевкам под открытым небом или в грузовиках, трясущихся по дорогам Западной Африки, а в лучшем случае — в «отелях», где простое упоминание кредитной карты производит такой же эффект, какой в свое время имели лунная программа «Аполлон» или оспа.

Путешествие должно было продлиться на добрую неделю больше запланированного срока. На одну неделю? Да что там, как минимум на две. «Эпсилон» закончится прежде, чем мы увидим берег Индийского океана. Идея о том, чтобы добраться до Индии на судне, больше не казалась мне сколько-нибудь удачной. Задействовав третий набор фальшивых удостоверений личности, мы смоемся прямо в Бангкок. Иного выбора у нас не оставалось.

Именно над этим я размышлял, пытаясь дозвониться до Андая с главпочтамта Абиджана.

Я заранее приготовился к тому, что окажусь в мире, как будто иллюстрирующим традиционные представления об эпохе французской колонизации, — среди телефонов с вращающимися дисками для набора номера, тусклых и пыльных неоновых ламп, многочисленных сотрудников почты и чернокожих мамаш, кишащих, как муравьи в муравейнике. Но вместо этого я вошел в

ультрасовременное здание, которое, судя по всему, было предметом гордости местного правительства и наверняка вызывало чувство удовлетворения у западных компаний, поделивших друг с другом подряды на строительные работы и поставку оборудования.

Внутри все было устроено по последнему слову техники. Банкоматы, терминалы Меганета или кабинки с обычным видеофоном, но все равно новенькие с иголочки. Вся эта красота, должно быть, стоила по крайней мере не меньше, чем абиджанский собор Святого Павла, построенный по инициативе президента Уфуэ-Буаньи.

Я несколько раз безуспешно набирал номер банка, пока не вспомнил о разнице часовых поясов. Заведение в Андае еще не открылось. Я пришел как минимум на час раньше.

Я вернулся к Карен, которая как раз вытаскивала из банкомата наличку. Сумму, эквивалентную десяти тысячам евро в разных валютах, включая доллары и местные дензнаки.

Моя подруга пребывала в слегка заторможенном состоянии, ее лицо осунулось и навевало чрезвычайно заразную меланхолию, характерную для стадий снижения вирусной активности.

«Трансвектора гамма» у нас было еще меньше, чем «эпсилона», отыскать первый из упомянутых медикаментов сложнее, дороже, рискованней и т. д. Короче, я не стал предлагать Карен дозу этого препарата. «Трансвектор гамма» — единственное молекулярное вещество, способное положить конец депрессивной посткризисной (как ее называют врачи) фазе вируса. К счастью, она бывает гораздо реже, чем кризисы, связанные с обострением болезни. Причем наркотики на основе конопли тут категорически противопоказаны: они могут послужить заменой «эпсилону», но никак не «гамме». Насколько я знаю, науке не известно другого средства, помимо «Трансвектора гамма», которое могло бы вывести человека из депрессивной стадии развития заболевания. Впрочем, эта фаза, как правило, заканчивается сама по себе, когда активность вируса вновь начинает нарастать. Так что чаще всего меланхолию просто терпят.

Карен терпеливо забирала крупные и мелкие банкноты по мере того, как те вылезали из щели в банкомате.

Я не знаю Абиджана, но у меня в любом случае есть чертов дар предугадывания событий, включающийся в тех случаях, когда я чего-то не знаю. Старая добрая паранойя прирожденного копа.

Я ухитрился заслонить Карен от возможных скрытых наблюдателей и буквально просканировал плотную толпу

взглядом, пытаясь выявить типа или типов, которые торчат на главпочтамте только для того, чтобы проследить за нами, коль скоро он или они заметили в наших руках кучу бабла.

Я не обнаружил ничего подозрительного, так что мы как можно быстрее поделили денежки и вышли из здания.

Я не знаю, куда мы шли, но мы шагали вперед, пока не наткнулись на что-то вроде бистро с несколькими столиками, расположенными прямо на тротуаре. Мы забились в самый глухой угол и заказали две кока-колы. Заведение находилось всего в двух-трех сотнях метров от почтамта. Я не хотел суетиться до звонка в Андаю; этот телефонный разговор будет записан и подтвердит наше присутствие в Абиджане, однако я ни капельки не желал облегчать копам задачу, осуществляя несколько звонков, и уж конечно не стал бы звонить из гостиницы, где мы внезапно исчезнем и где наши текущие личности с определенным набором примет внешности прекратят свое существование. Следовало оставить за собой темные зоны, ложные следы, выпустить множество целей-обманок, подобно многоцветным осветительным ракетам, запускаемым с летательных аппаратов ALAT[45] перед появлением штурмовых «вертушек». Нужно, чтобы эти мерзавцы как следует пропотели, чтобы они взмокли от напряженной работы под солнцем Африки, чтобы это светило постоянно сидело у них в печенках.

Я сделаю ОДИН звонок. Затем мы найдем третьесортный отель в пригороде, дождемся прихода налички, посетим банк, который, насколько я знаю, находится где-то в районе вокзала, после чего дадим тягу.

Когда мы вернулись на почтамт, к кабинке видеофона, я купил местных газетенок, а также вчерашний французский листок, кроме того, раздобыл арабские издания, в том числе ежедневную рабатскую газету на французском языке.

Сложил всю прессу в стопку возле терминала и набрал номер банка.

Меня соединили напрямую с моим личным менеджером — сведущим и трусливым молодым человеком. Его лицо возникло на экране, меняясь со стандартной частотой восемнадцать кадров в секунду, правда не без срывов картинки и помех (впрочем, не стоило требовать от местных линий связи невозможного).

Раз взглянув на мою рожу, он тут же понял, что в ближайшие секунды на него обрушится целый вагон и маленькая тележка неприятных поручений. По крайней мере, именно такое чувство отразилось на сморщившейся физиономии банковского клерка.

— Мне жаль, что приходится вас беспокоить, — сказал я сухим, властным тоном, — но необходимо ускорить перевод моих

фондов. Они должны быть в моем распоряжении завтра, это крайний срок.

Я увидел, что парень поперхнулся, озвученное требование действительно означало для него вагон неприятных поручений.

— Но… господин…

— Завтра. И абсолютно никаких отговорок.

Бедняга, он тут же взмок от пота. Я знал, что он мало что может, как и его непосредственный начальник, но следовало надавить на него посильнее. К прискорбию, я не вправе был требовать, чтобы перевод завершился в течение суток, но мог выиграть день. Если наличка придет завтра, мы будем способны осуществить операцию по распределению бабла по Африке до закрытия банков на уик-энд, то есть, согласно принятому в этих местах распорядку жизни, до полудня пятницы.

— Послушайте… — начал служащий.

Я тут же перебил его:

— Я знаю, что существуют процедуры, позволяющие ускорить обработку данных… Так расстарайтесь, и задействуйте эти методики… Завтра деньги должны быть у меня. И ни днем позже.

Его лицо стало пунцовым, то есть темно-серым с оттенком пурпурно-фиолетового — в доступной видеоэкрану цветовой гамме.

— Эти процедуры уже запущены, господин. Я сделаю максимум возможного, чтобы все было завершено к утру пятницы… Мне действительно жаль, но поток данных, поручений и распоряжений об их отмене сейчас обрабатывается каким-нибудь ИИ[46] где-то в Джакарте или бог знает где еще… Я намерен лично проследить за тем, чтобы регистрация ваших счетов в абиджанском отделении нашего банка была произведена в первоочередном порядке сразу же после его открытия в пятницу.

Он дышал тяжело, как велогонщик после спринтерского заезда, и явно сам был удивлен тем, что сумел выпалить всю фразу разом.

Я изобразил ярость. Я прекрасно видел, что парень лезет из кожи вон, но проверял, как далеко простираются пределы его возможностей.

— Из-за вас я по уши увяз в дерьме, — произнес я.

Клерк промокнул пот со лба и принялся ерзать в кресле.

— Мне очень жаль, господин.

Он походил на нерадивого ученика, которому вот-вот устроят показательную порку перед всем классом. Тут явно больше ничего нельзя было поделать.

«Ладно, — сказал я себе. — В пятницу утром. Это несколько

часов, всего ничего, но все-таки выигрыш во времени. Я нахожусь не в том положении, чтобы воротить нос». Вслух же я издал вздох, в котором помимо покорности судьбе слышались нотки раздражения.

— Хорошо, — бросил я. — Никто не совершенен. В пятницу утром, сразу после открытия.

— Да, господин, сразу после открытия, я могу гарантировать вам это.

— Не надо гарантировать. Просто сделайте.

— Да, господин. Еще раз примите мои извинения, господин.

Он явно чувствовал большое облегчение при мысли о том, что разговор заканчивается.

— Сразу после открытия, — добавил я перед тем, как отключить сигнал.

Нужно было засунуть тлеющую головешку как можно глубже ему в штаны.

Отель «Люксор» содержал тучный ливанец, который принял нас со всей подобающей почтительностью, выказываемой обладателям славных долларов. Это был трехэтажный барак с двумя задними двориками и сортиром на улице или на лестничной клетке каждого этажа, а также с общими душевыми комнатами. Здесь все было по-простому, однако нам достался номер люкс с телевизором, то есть комната со своим собственным, пусть крошечным, совмещенным санузлом, где располагались душ, биде и умывальник. Мы жили на последнем этаже, наши окна выходили на достаточно тихую улочку; впрочем, неподалеку находился какой-то квартал, откуда доносилась музыка, постоянный музыкальный гул.

Мы провели целое утро, осваиваясь на новом месте, часами блуждали по городу, пытаясь сориентироваться в лабиринте улиц, в мешанине кварталов, где высотные здания для тех, кто высасывал средства МВФ,[47] соседствовали с трущобами для тех, кто служил смазкой для всей этой чудесной машинерии.

Стояла влажная жара. Небо было озарено сиянием светящегося газа — цвета новенькой стали. Мы провалялись в номере добрую часть второй половины дня, регулярно принимая душ.

До весны было рукой подать, сухой сезон еще продолжался, но эта небесная дымка скорее пришла с моря, нежели возникла из-за загрязнения атмосферы.

Воздух наполняли противоречивые ароматы: угарный газ, производимый городом, смешивался с благоуханием океана, ко всему этому добавлялись мимолетные запахи растений, минералов и животных, рынков и ресторанов, домашних кухонь и

столовых, портовых доков и фабрик из предместий.

Казалось, музыка не желает замолкать ни на минуту. Она слышалась отовсюду — из транзисторных приемников, плееров на микропроцессорах К7[48] или устройств для воспроизведения цифровых дисков — гаджетрв, которые таскали за собой юноши, старики, женщины и мужчины, худые и толстые, люди в костюмах западного покроя и в традиционной одежде. Не стоит и упоминать об аудиосистемах, чьи динамики были разбросаны на каждом шагу и перекликались друг с другом подобно муэдзинам с минаретов мечетей-соперниц — на призыв, звучащий в одном конце города, тут же отвечали в другом.

Когда настал вечер, мы внезапно поняли, что умираем с голоду.

Мы вышли из отеля и с головой погрузились в музыку.

Я не смог бы объяснить, каким образом это на самом деле случилось. Факт состоит в том, что перед выходом я дал Карен полдозы «Трансвектора гамма» и что, вероятно, мне не стоило этого делать. В то же время я видел, что ее депрессия вот-вот усугубится, а я, наоборот, переживал одну из тех стадий возбужденного состояния, которые предшествуют обострению вирусной активности. Не следует думать, что в развитии болезни существуют некие периодические циклы или что она подчиняется каким-либо универсальным схемам. Фазы заболевания чередуются совершенно хаотичным образом, а кроме того, у Карен вирус проявился в столь мощной форме, с какой я до тех пор не встречался. И если бы стадия депрессии по своей силе оказалась симметричной тому состоянию, которое моя подруга пережила в разгар обострения заболевания, я вполне мог ожидать худшего, так что нужно было заранее принять меры предосторожности.

Короче, нам не стоило выходить из номера.

Но, черт возьми, мне так хотелось пожрать, пропустить кружечку и заставить Карен забыть о месяцах стресса, только-только оставшихся позади.

«Она почти на десять лет младше меня, совсем девчонка, — сказал я себе тогда, — ей нужно развеяться».

И уж коли речь зашла о необходимости развеяться, о да, тут она оторвалась по полной.

Я не очень-то помню, в какой момент ночи мы оказались в действительно веселеньком квартале. Мне не следовало давать Карен те полдозы «гаммы», это точно, но еще меньше сомнений вызывает тот факт, что нельзя было позволять ей пить столько пива.

В конце концов, обнявшись и тесно прижавшись друг к другу, мы принялись выплясывать какой-то знойный танец — это происходило в кабачке или кабаре, причем половина его располагалась под открытым небом. Вокруг нас веселились парни и девушки, по большей части молодые, а также проститутки и жиголо, которые есть повсюду и чьи характерные признаки везде одинаковы. Там были пальмовая водка и пиво, а также одуряющий запах марихуаны. Мне достаточно было лишь немного подышать этим задымленным воздухом, чтобы начала кружиться голова.

В какой-то момент мы, донельзя уставшие, все в поту, рухнули на что-то вроде банкетки, стоявшей в глубине зала. В руках у нас было пиво. Мы уселись за освободившийся столик.

Я видел, что Карен сбросила с себя груз забот, она хохотала, она выглядела расслабленной и одновременно воодушевленной, она проделывала со мной всякие штуки, в общем-то невозможные, под столом, и мы говорили друг другу разные глупости. Подобное состояние духа у нас бывало нечасто, можно вспомнить разве что один такой случай — между двумя налетами.

— Добрый вечер, вы французы?

Голос вонзился между нами будто тяжеленная наковальня, упавшая на гнездо с птенцами. Уже не помню, о чем мы в тот момент трепались, одновременно целуясь.

Оторвавшись от губ Карен, я повернулся в ту сторону, откуда прилетела наковальня. И оказался лицом к лицу с худым высоким человеком, со светлыми, как мочало, волосами, ниспадавшими на плечи. Его глаза прятались за настоящими полицейскими солнцезащитными очками «Ray-Ban», а рот кривился в подобии дружелюбной ухмылки. Парень был одет в слишком широкие для него, относительно строгие джинсы и футболку размера XXL ярких, броских цветов, какие носят сёрфингисты, притом довольно потную.

Я возненавидел этого типа с первого взгляда. Незнакомец подошел ближе и наклонился к нам. В тот же самый момент неведомо откуда появился еще один мужик и разместился рядом с ним. Это был негр, но он не принадлежал ни к одной из национальностей, представители которых преобладают в Абиджане — он не происходил ни из Буркина-Фасо, ни из Гвинеи, ни тем более из Ганы; в нем скорее имелось что-то от жителя Сахеля, Мавритании или какой-нибудь соседней территории. Его кожа была просто очень смуглой, но не черной. Светлые, возможно, серые глаза. Метис или кто-то в этом роде.

Белобрысый тип вновь скорчил гримасу, пытаясь изобразить улыбку:

— Ну так что, вы французы?

Я по-прежнему молчал, и у меня не возникло ни малейшего желания поболтать.

— Nein… — произнес я наконец. — Ich bin ein Berliner,[49] — добавил я, вспомнив трюк, о котором прочел в книге про Джона Кеннеди.

«Сёрфингист» наклонился ближе, опершись на спинку свободного стула, что стоял напротив меня. Улыбка стала еще шире. Если я произнесу фразу по-французски, он наверняка отодвинет стул и усядется на него.

Незнакомец предпочел не дожидаться, пока я обращусь к нему на языке Мольера, а сразу примостился на сиденье. «Друг пустынь» остался молча стоять сзади, и его непроницаемое лицо выглядело бесстрастным как у каменной статуи.

В тот момент, когда наглый «сёрфингист» садился на стул, я заметил характерные следы уколов у него на руках.

— Хватит шутки шутить, — сказал он. — Я слышал, как вы целый вечер трепались по-французски.

Я смерил нахала холодным взглядом. Ему не следовало разыгрывать из себя важную птицу. Я сделал хороший глоток местного пива.

— Я шучу только с друзьями, — объявил я. — А друзей выбираю весьма тщательно.

«Битва проиграна. Я ввязался в разговор. Вот дурак!» — подумал я.

Белобрысый хлыщ откинулся назад, прямо на спинку стула, устраиваясь поудобнее.

— Вот так номер! — произнес он странным, полунасмешливым тоном, который мне пришелся весьма не по душе.

Карен молчала. В зале как будто разворачивались две отдельные дуэли: одна — между сахельцем и Карен, другая — между мною и белобрысым «сёрфингистом».

Я подождал, пока он перейдет к тому, ради чего сюда явился.

Он не стал медлить. И резким движением наклонился над столом. Я увидел пару собственных отражений в стеклах его дурацких черных очков.

— Ну? Вы же здесь, блин, чтобы прожигать жизнь, а? Так надо оттянуться по полной, это же Африка…

— Да ладно, это ты, что ли, оттягиваешься по полной? — спросил я недоверчиво.

Белобрысый моргнул, и его правое веко задергалось как от нервного тика. Он пытался держать удар, но получалось плоховато. Улыбка застыла у него на губах.

— А? Что? — переспросил он. — Не желаете взять кое-что с собой, чтобы веселее провести ночку, а?

Я молчал, не сводя с него глаз. Я видел, что он колеблется между желанием потихоньку улизнуть и стремлением к выгодной коммерческой операции.

Торговец победил, и нежданный собеседник устремился в атаку.

— Может, немного «герыча»,[50] самого качественного? — продолжил белобрысый. — Или «белого»,[51] или, если угодно, «травки»,[52] у нас есть — заирского производства, зуб даю. А может, крэка?[53] У нас даже имеется экстези…[54] голландская штучка, суперклевая…

— А вантуза для унитаза у тебя случайно нет? — ответил я.

Белобрысый застыл без движения, на этот раз всерьез. После чего вновь прочно оперся на спинку стула.

— Ах ты гаврик… — произнес он с прежней улыбкой-ухмылкой.

— Нет, я — парень, который проводит спокойный вечер, потягивая свое пиво, и который не желает, чтобы ему докучали, — поправил я.

Он опять наклонился ко мне — впрочем, на этот раз не так близко. Я в очередной раз увидел пару собственных отражений в его очках полицейского типа.

— А скажи-ка, гаврик, м'жет дадим высказаться дамочке, нет?

Карен не снимала свои очки с металлическим напылением из-за все еще заметных и, надо сказать, весьма живописных (даже для Африки) побочных эффектов вируса. Я понял, что этот псих принял ее за торчка,[55] вроде него самого. «Вот олух», — подумал я.

— Дамочка пьет пиво и тоже не хочет, чтобы ей докучали, — ответил я вслух.

— Угу… — произнес делец, — м'жет стоит спросить ее мнение об этом, ты не считаешь?

Я одарил его самой широкой из своих улыбок и сказал:

— Давай спроси.

Он повернулся к Карен, которая разглядывала его, положив подбородок на руку, с видом человека, испытывающего колоссальную скуку.

— Ну так что, мисс, — продолжил он, причем достаточно нагло, — как насчет славного, свеженького «кокса»[56] из Колумбии, а? Или хорошей заирской «травки», одни только соцветия, ничего другого, а…

Карен смотрела на «сёрфингиста» через зеркальные стекла очков, столь же бесстрастная, как и парень, стоявший за его

спиной, — прямой, подобно колышку для палатки, разбитой посреди пустыни.

Губы девушки чуть шевельнулись, окаймляя еле заметную, мимолетную улыбку.

— Слушай, — произнесла Карен, — а ведь ты до сих пор не ответил на вопрос, заданный моим парнем…

— По поводу чего?

— По поводу вантуза для унитаза.

Белобрысый на какую-то долю мгновения замер в нерешительности, а затем нахмурился.

— Что это за глупости? — вскричал он рассерженно.

— Ну как же, — тут же подала реплику Карен, — просто если бы он у тебя был, ты бы мог засунуть его поглубже себе в задницу, чтобы вычистить оттуда все это дерьмо… понял?

Следом наступил волшебный миг высшего напряжения — чистого, бесконечно чистого.

Мы как будто замкнулись внутри непроницаемого шара, и весь мир двигался вокруг в замедленном ритме. Мы четверо — «сёрфингист», сахелиец, Карен и я — образовали что-то вроде VIP-зоны посреди управляемого роком казино. Мой мозг находился в состоянии максимального возбуждения. Я пытался сдержать фазу обострения вируса, вспоминая уроки дзен-буддизма, полученные в Центре № 14 и сеансы тайцзицюань, [57] которые мой наставник по кунг-фу заставлял нас проделывать перед каждой тренировкой. Очистить сознание, целиком сосредоточиться на энергетическом центре в районе солнечного сплетения, держать мускулы расслабленными, не думать, слышать, видеть, предвидеть, предугадывать, предчувствовать.

Не думать. Стоп!

Я уверен: белобрысый сукин сын буквально застыл на месте. Он еле сдерживался, побледнел, сжал челюсти; казалось, у него вот-вот полетят предохранители.

Я же оставался не более чем легким ветерком, ласкающим листок ивы на берегу пруда, — мысленный образ, рекомендуемый профессором Шен Лином и очень действенный при возникновении подобного рода ситуаций. Впрочем, как говаривал наставник своим тихим голоском, который временами мог сравниться и с ревом десяти разъяренных тигров, легкий ветерок способен стать ураганом, листок иногда режет как бритва, а из ивы получается прекрасный таран. «А пруд?» — всегда спрашивал какой-нибудь ученик, из тех, что желают выслужиться перед учителем. «Какой пруд?» — неизменно вопрошал Шен Лин у подопечного, за долю секунды демонстрируя последнему, как при

помощи британского юмора можно в один присест сформулировать суть всей философии дзен-буддизма. Ведь если ученик продолжал упорствовать, говоря что-то вроде: «Ну пруд с ивой, листок которой ласкает…», престарелый гонконгский наставник, в конце XX века иммигрировавший в Панаму, спрашивал у него, видит ли он этот пруд своим мысленным взором. Конечно, ученик отвечал «Да». «Видишь ли ты, как ивы отражаются в водах пруда?» Подопечный, как правило, закрывал глаза и говорил: «Да, учитель». — «Видишь ли ты юношу на берегу пруда?» — «Да», — отвечал парень, находясь в полугипнотическом состоянии. «Узнал ли ты в нем самого себя?» — «Да, да», — говорил ученик. «Так брось себя в пруд». — «Ладно, — соглашался выскочка, — готово». В это мгновение Шен Лин отворачивался от собеседника, не удостоив того ни единым взглядом, и уходил куда-нибудь в другой конец зала, где принимал ту или иную позу. Спустя пару секунд, держа глаза по-прежнему закрытыми или уже нет, старательный ученик реагировал на эти действия наставника и спрашивал, заикаясь от беспокойства: «Учитель, а что я должен делать теперь?»

И тут Шен Лин обязательно поворачивался к нему и отвечал с широкой улыбкой: «Учиться плавать».

Как правило, для ученика это было равносильно полновесной оплеухе, болезненным ударом по повседневным привычкам рядового представителя болтливой западной цивилизации: прежде чем осмелиться задать вопрос, нужно научиться делать это правильно.

Знаете ли, на то, чтобы рассказать вам это, мне потребовалось лишь чуть-чуть больше времени, чем длилась та наэлектризованная, наполненная напряжением пауза, когда мы вчетвером вперились друг в друга взглядами будто во время роковой сдачи покера, где на кону стояла жизнь одного из нас, или перед револьвером, заряженным для игры в русскую рулетку.

«Сёрфингист» в полицейских «Ray-Ban» медленно выпрямился, вновь откидываясь на спинку стула, он явно не сводил с нас глаз, прячущихся за стеклами очков, он источал ненависть и отчаянную жажду стереть нас в порошок, он охотно схватил бы одну из стоящих на столике пивных бутылок, чтобы запустить ее мне в рожу, после чего занялся бы Карен. Я с легкостью читал это намерение во всей его позе, и это было не телепатией, а всего лишь результатом непрерывного наблюдения.

В конце концов белобрысый почесал пальцем уголок рта и прищелкнул языком:

— Что за славная парочка сопляков, а, Ахмед? Бритоголовый придурок и любительница отсосать, на которую не польстились

бы даже в порту…

Сахелиец довольствовался легким, еле заметным кивком, что для него было равнозначно благодарственной речи по случаю присуждения степени академика наук.

«Сёрфингист» резко поднялся и пнул стул в нашу сторону, так что тот загремел под столик.

Парень с огромным трудом сдерживал желание убить нас на месте, но сознавал, что этот номер не удалось бы безнаказанно провернуть среди такого скопления людей; к тому же вокруг было полно копов, которые разъезжают почти повсюду в своих старых, прогнивших джипах.

Я читал все это на его морде, на ней прямо-таки было написано: «Я приберегу силы для другого раза, засранцы!»

Он лишь направил на нас указательный палец и погрозил: «Как глупо, ребятки, мы еще встретимся. Где-нибудь в темном уголке, и эта встреча закончится кровью».

В ответ я улыбнулся — спокойно, без малейшего намека на провокацию; я был листком ивы, который ласкает ветерок на берегу пруда…

Белобрысый и сахелиец исчезли, прокладывая себе путь в толпе, подобно змеям в высокой траве.

— Вот идиоты! — сказала Карен.

Когда мы оказались на улице, я сообщил подруге, что она слегка перебрала. Мы немного прошли наугад по кварталу, расположенному возле порта, откуда доносился запах соленой морской воды. Мы были слегка навеселе. Карен шла чуть впереди меня, исполняя акробатические номера на выступах стеновых блоков, которые выстроились в линию вдоль подножия домов.

— Я не пьяна и прекрасно держусь на ногах, — ответила Карен. — Смотри…

Она взобралась на торец бетонной плиты и приняла позу балерины. Как-то Карен обмолвилась о том, что занималась танцами и гимнастикой — до того, как по результатам теста на обнаружение опасных вирусов угодила прямиком в Центр № 14. Где она ухитрилась сохранить привычку ежедневно тратить по несколько часов на физические упражнения. Между прочим, я там показал себя гораздо более ленивым человеком; и за исключением сеансов йоги, которыми увлекся в конце моего пребывания в Центре, я не делал практически ничего, разве что иногда гулял вокруг модульных зданий быстрой сборки.

Мое состояние стабилизировалось, вирус задержался на стадии слабого обострения, благодаря чему окружающий мир обретал четкость HD-изображения[58] с резкими линиями и

отчетливыми световыми эффектами.

Мы как раз подходили к порту, оказавшись возле доков. В гавани были пришвартованы многочисленные суда — российские, индонезийские или бразильские сухогрузы, местные траулеры и паромы. Однако на том участке, к которому мы приближались, не было ничего — разве что маленькая ржавая баржа, нагруженная металлоломом.

Что-то засверкало слева передо мной — неподалеку от скрытого в ночной тьме строения, возле нагромождения металлических бочек; отблески рождались и умирали вновь, двигаясь параллельным курсом. Мое сердце позволило себе забиться чуть сильнее — фортель, которого Шен Лин не одобрил бы.

Мозг обработал поступившие данные и пришел к очень простому выводу. За нами следят. Нас преследует некий человек в очках, отражающих свет. Вроде солнцезащитных очков «Ray-Ban» полицейского типа.

«Можно было догадаться заранее, парни: это ваш цирковой номер», — подумал я.

Странно — теперь, когда я вспоминаю об этом, мне кажется, будто я был готов к чему-то подобному с того момента, как двое торговцев наркотой исчезли в толпе. Соответствующая идея преспокойно обосновалась где-то в подвалах моего сознания. Это было слишком очевидно, как сюжет плохого романа с трагическим концом, но тем не менее это было так: упомянутые парни, и особенно «сёрфингист»-торчок, конечно, не оставят всё как есть, не допустят, чтобы последнее слово осталось за Карен. Это импульсивные ребята, уличные хищники, и тонкого налета цивилизованности им хватает только на то, чтобы не совершать непоправимых действий при свидетелях — так что у них наверняка возникнет желание коварно подловить нас в каком-нибудь безлюдном уголке.

Я подошел к Карен тихо, даже ничуть не торопясь, и с удивлением для самого себя констатировал, что все еще остаюсь листком ивы и т. п.

Девушка пробовала разные виды прыжков с одного уступа на другой.

— Карен, — сказал я, — сейчас мы с тобой немного займемся легкой атлетикой, если ты не против.

Она посмотрела на меня, приспустив очки до странного сексуальным движением. Ее глаза сияли — это был блеск разнузданности и вожделения. До меня очень быстро дошло, что Карен поняла мои слова превратно, и я в ту же секунду продолжил:

— Нет. Я о другом. Предлагаю тебе небольшой забег до конца пирса.

Она посмотрела на меня с таким выражением, будто никакой другой мой поступок не мог бы удивить ее сильнее:

— Хочешь расслабиться, позабыть крутой шухер последних дней?

Карен одним раздраженным щелчком вернула очки с металлическим напылением на место.

— Нет, — ответил я, — хочу оторваться от двух крутых придурков, которые преследуют нас.

Я увидел за зеркальными стеклами что-то вроде полосатого узора из ультрафиолетовых пятен.

«Вот черт, — подумал я, — как такое возможно? Она же должна находиться в посткризисной фазе. Свечение же обычно появляется только на стадиях обострения вируса».

— Не волнуйся, — сказала Карен, — ничего плохого с нами случиться не может.

Несколько секунд я пристально смотрел ей в лицо. Меня снедало желание спросить, как же тогда вышло, что с нами уже случилось столько малоприятных вещей, но я сдержался. Карен двадцать один год, она еще не взрослая, но уже и не совсем юная, она постоянно колеблется между этими двумя состояниями, постоянно ищет хрупкое равновесие между своими желаниями и осознанными фактами реальности.

— Ладно, но ты все же согласна на небольшую пробежку, просто ради поддержания физической формы?

Она взяла меня за руку:

— Послушай, расслабься. Мы пойдем вон туда.

Она потащила меня в сторону пристани, к кафе-ресторану — закрытому и темному.

Мой перевозбужденный мозг зафиксировал последний движущийся отблеск металлического оттенка, затем все погасло. Мы шли вдоль края пристани, слева от нас находился массивный пакгауз, чуть дальше располагалось кафе, а за ним в ночи терялись погрузочные площадки и краны — еще дальше, в действующей части порта. Здесь же все казалось обреченным на уничтожение. Вход в кафе-ресторан был заложен камнем. И вскоре здание должно будет исчезнуть под натиском бульдозеров. Порт Абиджана становился одной из самых посещаемых гаваней Западной Африки.

Мы миновали кафе-ресторан и пошли вдоль какого-то ангара из рифленого листового железа в сторону другого складского помещения. Пристани были освещены тусклыми фонарями, разбросанными на большом расстоянии друг от друга, а также

несколькими дежурными оранжевыми лампочками, установленными над воротами ангаров или на борту судов.

Мой мозг почувствовал что-то еще до того, как это произошло. Некая черная, зловещая вибрация, какой-то сигнал…

Будто завороженный, я наблюдал за тем, как из-за угла пакгауза, в тридцати метрах от нас, внезапно появляются две фигуры.

«Сёрфингист» шел вдоль фасада из листового железа, мавр — по краю пристани.

Они даже не пытались делать вид, будто гуляют здесь от нечего делать, они направились прямо к нам, в хорошем темпе. Обмануться насчет их намерений было невозможно.

«Сёрфингист» мчался вперед будто бык, опустив голову, мавр в бело-голубой гандуре[59] скользил следом как призрак.

«Сёрфингист» снял очки, и я различил глубоко запавшие глаза неопределенного цвета, горевшие жаждой убийства. В руке он держал какую-то штуковину, в которой я не без труда распознал свинцовую трубу длиной добрых шестьдесят сантиметров. Рук мавра вообще нельзя было разглядеть, он прятал их в полах своей гандуры.

Я поискал глазами какой-нибудь предмет, валяющийся в пределах досягаемости. И нашел лишь пустую бутылку из-под пива.

Они шли нас мочить.

Я всего раз видел, как Карен дралась. Это произошло в Центре № 14, в ее модульном доме быстрой сборки, расположенном прямо напротив моего — в соответствии с кольцевой структурой лагеря, разработанной урбанистами из Министерства внутренних дел.

В здании Карен, на 17-м этаже, квартировала одна мерзавка, Мира. Это была активная лесби,[60] нахрапистая и достаточно порочная. К ее услугам имелась куча «подружек» и многочисленные рабыни по всему зданию. Однажды вечером двум «амазонкам» Миры вздумалось заняться Карен, которая много раз отвергала ухаживания со стороны «хозяйки». Карен свалила нападавших несколькими идеально точными и по-настоящему жестокими приемами. Все обитатели мужского корпуса, в том числе и я, наслаждались зрелищем из зарешеченных окон своих «сот», и все как один аплодировали двум техничным нокаутам. Мира больше никогда не пыталась трахнуть Карен, у нее и так имелось все, что нужно, так что не стоило создавать себе проблемы с этой «кокеткой», отправившей двух внушительного вида бабищ в санчасть Центра с тяжелыми

травмами. Карен перевели на другой этаж и поселили в одиночную комнату, предварительно наказав.

Позже, когда мы оказались в блоке доктора Коэн-Солаля — исследовательском корпусе, где жили и мужчины, и женщины, — один из первых вопросов, который я задал Карен, был о том, какое боевое искусство она изучала. Тхэквондо? Шаолиньская техника боя, маньчжурский стиль?

«Нет, — ответила она, — тсахал».[61]

Еще позже мне все-таки удалось вырвать у нее признание: один из ее дядей, странноватый брательник отца, с 1965 по 1982 год служил в спецподразделении ВДВ Израиля.

На его долю выпало участие во всех крупных войнах, которые вело Еврейское государство, за исключением Войны за независимость[62] и Суэцкого кризиса.[63]

Именно дядя впоследствии обучил Карен многочисленным приемам рукопашного боя из убийственного арсенала десантника — специалиста по ночным рейдам. Занятия понравились Карен, и она даже решила использовать полученные навыки для балета — хореографической версии «Apocalypse Now»,[64] которую она планировала однажды поставить. «Между прочим, — добавила девушка, — это помогло мне выпутаться из многих опасных ситуаций».

Я посмотрел на Карен. Она была ошеломляюще прекрасна. Моя подруга только что сняла очки, ведь никто не дерется с подобными предметами на носу или перед глазами. Ее очи казались двумя шарообразными каплями цвета вороненой стали, вирус добавил им холодного сияния.

— Мы — в критическом положении, — сказал я.

Карен повернулась ко мне с улыбкой, как бы повторяя: «Не волнуйся, ничего плохого с нами случиться не может». Она намотала на запястье кожаный ремешок от рюкзака, и тут эти типы напали на нас.

«Сёрфингист» бросился на меня, тогда как мавру, судя по всему, было поручено заняться Карен. Я не смог проследить за тем, что с ней происходило, и успел увидеть лишь первое движение своей подруги: она изо всех сил швырнула рюкзак прямо в рожу негру. Тот успел уклониться лишь наполовину. Обладатель футболки поблекшего оранжевого цвета налетел с криком: «Сукин сын, получай!» Свинцовая труба, казавшаяся продолжением его руки, отбрасывала серую тень. И вот эта тень обрушилась на меня, будто хищная птица правильной геометрической формы, рухнувшая с неба.

Я уклонился от удара, как ива, согнувшаяся под порывом

ветра. Шен Лин принадлежал к числу тех наставников-традиционалистов, которые предпочитали возрождать старинные приемы, добавляя к ним новые или позаимствованные из других боевых искусств, вроде айкидо. Учитель Шен Лин — это эксперт в том числе и в области указанного японского стиля борьбы, и притом очень авторитетный.

Я крутанулся вокруг «сёрфингиста», будто попав в сферу его притяжения, и оказался за этой полинявшей светящейся массой, тогда как тело противника потеряло равновесие, а труба встретила на своем пути лишь пустоту. У меня было немного вариантов: удар ногой сбоку в район лопаток — и парень полетел на бетон; я разбил пивную бутылку о стену ангара и встал в боевую позицию — южнокитайская стойка, подправленная Брюсом Ли.

«Сёрфингист» развернулся ко мне: ухмылка на слюнявом рту, горящий взгляд, поза, напоминающая лягушачью, — полуприсед, одна рука упирается в землю. Он только-только начал вставать с бетона.

— Сукин сын… — бросил белобрысый наркоторговец сквозь зубы.

«Не хватало мне только его болтовни», — подумал я. Моя нога ушла вбок и вверх после двух маленьких «пристрелочных» «шассе»[65] — прием из тайского бокса, другого вида боевых искусств, которым я занимался наряду с тренировками у учителя Шен Лина.

Сокрушительный удар должен пробить щеку или висок противника.

Но я попал по шее, потому что в это самое мгновение белобрысый начал выпрямляться. Он захрипел, качнулся вбок, упал и по-крабьи пополз по покрытому рытвинами бетону пристани. Увеличил дистанцию, после чего вновь встал, все еще немного оглушенный.

В десяти метрах от меня мавр пытался достать Карен ножом с изогнутым лезвием. Девушка только что уклонилась от очередной атаки и ответила ударом рюкзака по роже африканца, после чего очень умело двинула противника ногой в пах. Мавр выругался на языке обитателей пустынь.

«Сёрфингист» вновь двинулся на меня, на этот раз с большей осторожностью. Теперь он пытался изобразить фигуру «я подпрыгиваю на месте, как Мохаммед Али»; он похлопывал свинцовой трубой по открытой ладони другой руки, отбивая короткий ритм; он воображал себя героем фильма «Механический апельсин», придурок. Он хохотал, в его глазах полыхал пожар, зажженный «коксом», или «герычем», или «спидом» — они горели

яростью чистого магния.

Я дождался, пока противник подойдет вплотную, и сдвинулся вбок; он последовал за мной и кинулся в атаку: свинцовая труба взметнулась в воздух, опять став продолжением его руки. Я крутанулся в сторону, противоположную первоначальному направлению движения, и выбросил ногу назад — классический удар с разворота. Попал в грудь — достаточно сильно для того, чтобы нейтрализовать атаку трубы, но слабовато, чтобы по-настоящему оглушить противника. Тот вновь бросился на меня, получил ботинком в брюхо, но я в свою очередь не смог избежать жестокого удара трубой, наотмашь, от груди, нацеленного в плечо или ребра, с оттягом — куда бы он ни попал, мне все равно пришлось бы несладко.

Последнее время я мало тренировался и потому не успел среагировать. Присел в последней, отчаянной попытке уклониться — «ошибка, дурак!» — и в итоге получил трубой по голове. Удар был настолько оглушительным, что мне показалось, будто у меня под ногами разорвалась атомная бомба; перед глазами поплыла красная пелена, а все тело охватила внезапная боль, как от молниеносно распространяющихся раковых метастазов. Подавив крик, я опрокинулся навзничь — «потеря равновесия, вот черт!», — и рука, державшая бутылку, ударилась о бетон пристани. Стекло разбилось на мелкие кусочки под моей ладонью, и я здорово порезался. Тут я увидел, как мне в лицо несется ботинок. Я откинулся назад, но недостаточно быстро и недостаточно далеко — удар ногой пришелся прямо в лоб. Пытаясь избавиться от густой пелены, заглушавшей звуки, я со всей возможной скоростью покатился по земле, и почувствовал при этом, как по шее течет какая-то теплая жидкость. Многочисленные порезы на левой руке горели огнем. Башка была тяжелой, как спелый арбуз. Я встал на ноги, уже не столь уверенный в собственных силах. Попытался выпрямиться, но меня шатало во все стороны. Увидел, что ко мне приближается чуть светящаяся фигура и различил жестокую улыбку, одурманенные наркотиком глаза и темно-серый предмет цилиндрической формы, который разрезал воздух.

— Сукин сын… — повторил белобрысый.

Я атаковал, целиком положившись на инстинкт самосохранения; дыхание стало ураганом, ива — тараном. Тайский бокс, сверхпростой удар — ногой вперед, в самую середку светящейся оранжевой фигуры, прямо в грудную клетку; удар, обычно имеющий целью удержать противника на расстоянии. Я не так уж плохо изловчился. Образ сооружения из тонких планок-ребер, прибора, который необходимо разрушить,

стоял перед моим мысленным взором в тот момент, когда моя нога устремилась навстречу врагу. Я вложил в это движение всё возможное ци,[66] издав сиплый крик. Послышался глухой удар. Белобрысого как будто прошили насквозь, он согнулся пополам, издав странный звук, что-то вроде хрипа задыхающегося астматика.

Я никак не мог прийти в себя, и потому, хотя удар достиг цели, сам потерял равновесие и повалился назад. Здорово приложился о бетон пристани. Всем копчиком. Боль поднялась вдоль спинного мозга с быстротой электрического сигнала.

Но размякать было не время, я встал, издав крик жестокой муки. Карен продолжала биться против высокого мавританца, умело чередуя удары ногами и рюкзаком, что позволяло держать типа и его нож на расстоянии, однако долго ей было не продержаться. Парень начал парировать удары, вскоре он перейдет в решительную атаку.

«Сёрфингист» оставался передо мной, глаза наркомана наполнились слезами. Ему явно было чрезвычайно хреново после удара по корпусу, и он упорно пытался восстановить дыхание. Несмотря на это, он вновь двинулся вперед. Окутывавшая его аура бешеной ярости казалась почти видимой. У меня же очень болела задница, и я знал, что это не пройдет; наоборот, если я сломал копчик, мое состояние будет только ухудшаться. Нужно было положить конец этой дрянной пародии на потасовку в салуне.[67]

«Сёрфингист» сменил тактику: он атаковал в стиле третьесортного карате. Попытался провести серию ударов ногами, приберегая свинцовую трубу для тычка исподтишка.

Я неплохо парировал пару пинков, но один из них все же достаточно болезненно задел бедро. Увернулся от попытки достать меня трубой, хотя моему левому предплечью здорово при этом досталось. Но ничего не смог противопоставить третьему удару ногой, пришедшемуся прямо по ребрам. Что ж, тем хуже: я просто хотел, чтобы белобрысый выдохся еще чуть-чуть сильнее.

Противник тоже стремился покончить со мной побыстрее. Его глаза сверкали как копия очков «Ray-Ban». Он готовил удар своей проклятой трубой — достаточно тщательно для того, чтобы я воспользовался представившейся возможностью. В тот самый момент, когда наркоман бросился вперед, я контратаковал серией ударов из тайского бокса и шаолиньского стиля, затем врезал ему пяткой в подколенную впадину опорной ноги (удар «а-ля Брюс Ли», что причинило противнику безумную боль и полностью остановило его атакующий порыв). Потом настала очередь серии прямых ударов, увенчанных боковым махом ногой, по корпусу.

Враг попятился, а я продолжил славной затрещиной правым кулаком, врезавшимся в скулу с сухим треском. Это оглушило наркомана, он зашатался. Пришла пора сократить дистанцию боя: боковой удар ногой — пяткой по ребрам, чтобы он потерял ориентацию; сближение вплотную, удар локтем в челюсть и сразу за ним — еще один удар в лицо, опять же кулаком непораненной руки, — и противник попятился, спотыкаясь. Я еще раз дал ему по морде — хук[68] в самую середку физиономии, — его голова закачалась взад-вперед, как кукла-неваляшка, и он отступил еще на шаг. Этот придурок никак не хотел падать.

Кровь из моей раны лилась ручьем. Она была повсюду, заливала лицо, глаза, шею, но я хорошо приноровился к этому. Как следует прицелился и двинул белобрысого ногой по башке. Он попытался парировать эту атаку своей трубой, но тем не менее сполна получил по виску. Взамен свинцовый цилиндр сильно повредил мне лодыжку.

— Что ж, совсем неплохо, — сказал я.

— Сукин сын, — скорчил гримасу наркоторговец, его глаза остекленели.

Но белобрысый по-прежнему не падал.

Я опять сменил позицию. Он вновь бросился в атаку подобно раненому зверю или быку, ослепленному яростью и болью. Он вопя выбросил вперед трубу, как и во время предыдущего удара, но попытка вышла очень неточной, к тому же на этот раз я видел начало замаха.

Я поставил блок. Ушу.

Поймал его руку в захват, очень жестоким болевым приемом заламывая запястье и одновременно нанося удары коленом — тайский бокс — как бешеный: два, три, четыре раза подряд, пах, печень, бедро и, в завершении серии, по яйцам. Удар головой в нос. Удар коленом под ребра. Вращательное движение, чтобы завернуть противнику руку и сломать запястье при помощи веса его собственного тела. Приемы, повторенные тысячи раз в тренировочном зале учителя Шен Лина. Треск кости показался мне идеальным аккордом в составе длинной и сложной мелодии.

Его вопль странным, вибрирующим эхом отразился от металлической поверхности ангаров. Труба покатилась по бетону с характерным звоном.

Я отпустил белобрысого. Он шатался, как марионетка, внезапно лишившаяся поддерживающих ее ниточек. Ноги ослабли, глаза, покрасневшие от мучительной боли, закатились.

— Сукин… — простонал он.

— А не нужно было наступать на мои blue suede shoes,[69] балбес.

Я врезал ему прямо по морде славным, амплитудным ударом ноги. Толчок швырнул его на стену ангара. Наркоторговец попытался выпрямиться, извиваясь на листе железа. Он больше ничего не видел, но все еще хотел доказать себе, что круче всех крутых.

Я покончил с противником, без затей пнув его носком ноги в брюхо, после чего тщательно подготовил «удар милосердия», пока он сгибался, выпуская воздух из легких. Я достал его кулаком — прямо в челюсть, сбоку, на уровне рта. Кровь брызнула так, будто кто-то взмахнул мокрой кистью в воздухе. Белобрысый рухнул навзничь, как безжизненная кукла, ударившись головой о стену ангара, после чего осел на землю будто куча тряпья.

У меня по-прежнему здорово болела задница, из раны на голове сочилась кровь, в левой ладони было полным полно осколков стекла, и, более того, правая рука казалась жесткой, как баскетбольный мяч под сильно хлопнувшей по нему ладонью.

За спиной раздался хрип умирающего человека.

Под холодным голубым светом фонаря я сначала различил лишь две фигуры, сидевшие друг напротив друга в странных позах, на бетоне, покрытом радужной пленкой от отработанного масла.

Я увидел серо-голубую гандуру и черный тюрбан мавра, прислонившегося к корабельному приколу.[70] Сразу за ним находилась серо-рыжая от ржавчины поверхность старой баржи, заполненной металлоломом, — своего рода противопожарный металлический занавес, а напротив — Карен. Скрестив ноги, она играла с чем-то невидимым для меня.

В этот момент раздался новый хрип, но я не понял, чьи легкие его издали.

— Карен, — крикнул я. — Карен, ты в порядке?

Я кинулся к краю пристани.

Девушка не ответила, и я чертовски забеспокоился.

Я присел на колени рядом с Карен, та машинально теребила нож мавра — прекрасный традиционный кинжал, лежавший у нее на бедрах. Ее глаза излучали яркий УФ-свет, а взгляд был обращен в бескрайнее никуда. Ноги негра выглядели продолжением нижних конечностей Карен, он опирался спиной о корабельный прикол и дышал с трудом; глаза африканца закатились, а руки дрожали, хотя остальное тело казалось потерявшим всю свою гибкость и окоченевшим как статуя. В искаженных чертах его лица я прочел смертельный ужас, его рот был судорожно сжат, а взгляд блуждал, не задерживаясь ни на чем.

И в этих глазах исподволь отражался сиреневый свет со вспышками всех оттенков спектра.

Я повернулся к Карен, которая уставилась в какую-то точку, расположенную между ее ногами и галактикой Андромеда. Затем вновь — к подыхающему мавру. Никакого следа. Никакого следа раны или крови, ничего.

Я опять посмотрел на Карен. Ее лицо было мертвенно-бледным, в уголках губ выступила зеленоватая пена, в глубине зрачков кружился вихрем УФ-свет — своего рода блестящие круглые витражи.

— Карен, — повторил я, — Карен, ты в порядке?

Она промолчала, но я услышал, как за спиной что-то пробормотал мавр.

Я в очередной раз повернулся к нему.

Его губы дрожали, он пытался протянуть руку в нашу сторону.

Африканец упорно повторял несколько слов на непонятном языке, смутно походившем на арабский.

Я безмолвно разглядывал его, как бы побуждая произнести фразу отчетливее.

Дрожь на губах мавра стала замирать, повторяясь все реже, рука вновь упала на землю, постепенно деревенея. Его глаза словно вопили нам о том, что он умирает и, умирая, полностью осознает свою судьбу.

Наконец слова на туарегском наречии перестали звучать. Взор негра стал пустым, если не считать фиолетовой искорки, которая несколько секунд еще трепетала в его радужке, а потом в свой черед пропала.

Боковым зрением я увидел, что все мускулы Карен напряглись в отчаянном усилии.

Ее взгляд устремился к ночному небу, куда-то над головой мавра.

Она находилась в трансе, она соединилась с чем-то — тут же понял я.

Но с чем?

Можно подумать, она была святой, до глубины души пораженной божественным явлением.

УФ-свет спокойно переливался в зрачках Карен, но лицо оставалось бледным, а его осунувшиеся черты свидетельствовали о полном истощении сил.

Она взглянула мне прямо в глаза и вздохнула.

— Вколи им наркотик, — холодно прошептала девушка.

— Что? — глупо переспросил я.

— Сделай укол, у них карманы битком набиты их чертовыми дозами, нужно вколоть им наркотик.

Она сказала это как какую-нибудь банальность, которую вдалбливают неисправимому маленькому сорванцу.

— Зачем? — удивился я все с тем же глупым видом.

Карен испустила весьма недвусмысленный вздох:

— У них есть «Steribox»,[71] полным-полно доз, нужно, чтобы ты вколол им наркотик.

— Постой-ка, это что — ответ на вопрос «зачем», да?

Она долго смотрела на меня взглядом невинного ребенка; УФ-свет, казалось, говорил: «Осторожно, я столь же невинен, как оружие, которое уже дважды убивало».

Карен вздохнула:

— А зачем, по-твоему? Нужно создать видимость, будто они убили друг друга под воздействием очередной дозы.

Я бросил взгляд на массу, распростертую у подножия ангара, — она не двигалась, но была еще жива. Мавр же отдал концы. Да, это точно. Должно быть, Карен оказалась в тяжелом положении и влепила по нему своей чертовой нейровирусной баллистической ракетой. Но вот что касается моего кореша-«сёрфингиста» — я оставил бессознательное тело, но не остывающий труп.

— Тогда потрудись объяснить мне, как оставшийся в живых парень мог получить смертельный удар от кого бы то ни было.

Карен не сводила с меня своих невинных глаз.

— О чем ты говоришь? — произнесла она.

Я указал на массу в одежде из поблекших светящихся красок. Парень еле-еле шевелился в своем углу.

— Я говорю о нем. Как видишь, он еще не совсем умер.

Ее взгляд переместился к ангару из рифленого листового железа, где тихо стонал лежащий мужчина.

Затем Карен вновь повернулась ко мне.

Она протянула руку, чтобы я помог ей встать, что я и сделал. Медленно приблизилась к фигуре в светящейся одежде. Остановилась в нескольких шагах и плюнула на землю.

— Сожалею, — сказала она, — я только что лишилась по меньшей мере десяти миллионов нейронов, занимаясь вон тем засранцем, у меня не осталось ни микрограмма энергии… Я ничего не смогу сделать…

Я пристально посмотрел на нее:

— На что ты намекаешь, на хладнокровное убийство?

Карен смерила меня взглядом — как умела делать только она.

— А как ты думаешь, дурачок, — продолжила девушка, —

второй придурок уже окочурился, а этот ничем не лучше. Он сдаст нас ивуарийской полиции с потрохами. Тебе не кажется, что у нас и без того достаточно неприятностей?

Я смотрел на нее, на самом деле не видя.

Под моими ногами как будто разверзлась пропасть. Карен права.

Именно этот факт было ужаснее всего, сложнее всего признать. Идиот-«сёрфингист» видел нас в баре, он знал, что мы французы, мог описать нашу внешность. Абиджанские копы станут преследовать нас по пятам, пусть даже смерть наркодилера-туарега (можно в этом поклясться) уж точно не заставит их рыдать.

— Знаю, — ответила Карен, когда я в нескольких словах объяснил ей суть моей проблемы («хладнокровное убийство — не для меня»), — я могла бы заставить сердце мавра произвести десяток ударов в то время, пока мы будем вводить ему содержимое шприца. Этим нужно заняться немедленно — впрыснуть ему «передоз».[72]

— Я не вижу никакой разницы, — произнес я.

— Ты вообще ничегошеньки не видишь, — заметила Карен, — подвинься, я сделаю это.

Я поймал ее за руку, Карен развернулась и посмотрела мне в лицо: УФ-свет, казалось, медленно угасал, но на ее лице отражались противоречивые эмоции — ярость, жестокость, отчаяние и крайняя степень меланхолии.

— Это не им мы сейчас впрыснем наркотик, нет, это ты сейчас смирненько вернешься в гостиницу, примешь свою дозу «эпсилона» и отправишься на боковую.

Она не отвела взгляда.

— Хотелось бы, но ты, кажется, что-то говорил об ивуарийской тюряге? Желаешь еще раз увидеть эту страну, не так ли?

Я не сводил с нее глаз. Очевидная правота Карен казалась бездонным колодцем, который становился все шире под моими ногами. Я чувствовал, как рассыпаются в прах последние нравственные барьеры, стоит только представить африканские подземные застенки или какой-нибудь «made in France»[73] аналог спецпоселения при Центре № 14, только с еще более жестким дисциплинарным режимом.

Я смутно чувствовал, что мы попали в какую-то дьявольскую спираль, что копы будут идти по нашим следам, находя в среднем по одному трупу в каждой из пересеченных нами стран (если учесть провалившийся вооруженный налет, который на нас навесили), так что в конце концов за нами по пятам погонится все

сборище Объединенных Наций.

Совершенно верно, нельзя давать им ни малейшей возможности сократить дистанцию.

Но самый-самый последний барьер отказывался сдаваться, стоило подумать о неизбежном убийстве.

Мне в голову внезапно пришла одна хитрая идея.

— Скажи, неужели ты думаешь, что два убийства вместо одного улучшат наше положение? Как по-твоему, а вдруг найдутся свидетели, которые вспомнят, что мы болтали с убитыми в баре… Тебе не кажется, что ты совершаешь огромную ошибку?

— Наоборот, это ты сейчас несешь ерунду… К тому времени, как местные копы сведут воедино все свидетельские показания, мы будем уже далеко, а вот он наоборот сдаст нас с потрохами, как только придет в сознание.

«Давай, еще одна попытка», — подумал я.

— А как он объяснит драку? Мы хотели ограбить их и устроить им хорошую трепку, а у моего кореша было «перо»,[74] чтобы порезать девчонку? Наркота? Ой, мы всего лишь торчки, приторговывающие дурью,[75] чтобы заработать деньжат на дозу для самих себя, простите нас…

Карен открыла было рот, собираясь что-то сказать, но так и не сделала этого; довод подействовал, мне следовало продолжать в том же духе, безжалостно, как я несколько минут назад поступил с белобрысым придурком, которому я сейчас, сам не знаю почему, пытаюсь спасти жизнь.

Еще одна идея ослепительной молнией пронеслась по моему мозгу, и я инстинктивно повиновался:

— Скажи-ка, а ты спрашивала разрешения на это у «парня сверху»?

Я увидел, как ее взгляд наливается непониманием.

— Ну, у «парня сверху», — продолжил я, — у саксофониста-космонавта, этого твоего святого Альберта. Он снабдил тебя нейровирусным оружием и, видимо, разрешил им пользоваться, но про этого торчка ты у него спрашивала? Ты не интересовалась, можно ли вколоть смертельную дозу какому-нибудь типу просто потому, что он сможет проболтаться о нас?

Карен дернулась, она явно хотела стряхнуть мою руку, но я только усилил хватку.

— Ты у него спросила?! — с неистовой силой завопил я.

— Нет.

— А должна была бы.

— Почему это?

— Потому что обладание подобным оружием не дает тебе

неограниченных прав, и, как ты сама мне только что говорила, твои батарейки на нуле, поэтому ты больше не можешь им пользоваться…

— Но я еще могу вколоть дозу этому засранцу.

— Нет, этого тоже не можешь.

— А почему? — Она с вызовом посмотрела на меня.

Я не дрогнул — время для этого было неподходящее.

— Потому что я не хочу, и Альберт не хотел бы этого. Потому что мавр свое отжил, такова была его судьба, а он (я показал на «сёрфингиста», который шевелился на земле и еле слышно хрипел) — нет, он — это другое дело, он выжил.

Она бросила на «сёрфингиста» взгляд хищницы — зверя, который гнушается попробовать недостаточно хороший для него кусок мяса.

— Он даже не заслуживает того, чтобы оставить его в живых, этот наемный Beach Boy…[76] Он бы не колеблясь прирезал нас, более того, эти засранцы изнасиловали бы меня, ты же знаешь…

Карен пыталась выкрутиться по-хорошему, давя на жалость. Мне нельзя было свалять дурака.

— Он не скажет, — произнес я.

— Что?

— Он не скажет.

— Ага, как же, а у политиков есть мозги.

— Говорю тебе, он не скажет.

Она освободилась резким рывком:

— Отпусти. Мне больно, и мы теряем время.

— Ты мне позволишь сделать по-моему?

— Что?

— Ты мне позволишь сделать по-моему. Гарантирую: он ничего не скажет, ни полсловечка, ничегошеньки.

— Ты что, попик, тебе платят за раздачу пустых обещаний?

— Я не дам тебе совершить хладнокровное убийство, Карен, так что соглашайся с моим решением.

— Или что?

— Я не говорил, что существует какое-либо «или».

— Если это «или наши пути здесь разойдутся», я готова примириться с последним вариантом.

— Пока что тебе ни с чем не придется примиряться, и мы действительно теряем время, ты позволишь мне поступить по-моему, и на этом всё, точка.

Мы принялись сверлить друг друга взглядами, и мне нельзя было дать слабину.

Карен почувствовала, что больше ничего не сможет от меня добиться.

— Да пошел ты, — выругалась она, и только.

Девушка направилась к краю пристани. Проходя мимо меня, она излучала холод, достойный хорошей морозильной камеры.

Я подошел к «сёрфингисту». Он уже перевернулся на спину, не переставая стонать, и пытался встать, помогая себе локтями, но я действительно здорово его оглушил.

Я встал на колени возле него — в той позе ложного сострадания, которую часто можно видеть в фильмах; в руке я небрежно держал чертову свинцовую трубу. Конец ее я упер ему в грудь. Затем поставил ногу ему на руку — думаю, ту самую, сломанную моими стараниями; она лежала под странноватым углом.

Взял наркоторговца за щеку — в том месте, куда угодила мощная затрещина, там все уже было синее, — он заворчал от боли.

— Слышишь меня, балбес? — спросил я.

Он поспешил согласиться, что-то бормоча сквозь зубы, — это означало «да».

— Тогда слушай хорошенько: ты вляпался по самое не могу, мы ишачим на ивуарийское государство, ясно? Нам платит южноафриканское агентство по подбору наемников, которое в данный момент находится на службе у чернокожего правительства этой страны, усек?

Белобрысый вновь выразил согласие бормотанием, ведь я не отпускал его щеку.

— Мы здесь на задании, и соплякам вроде тебя не стоит ставить нам палки в колеса, я понятно выражаюсь?

Он промедлил с реакцией, и я немного дернул его за щеку и стукнул головой о бетон:

— Я не слышу ответа, балбес.

— Д-да, д-да, — пробормотал он сквозь дырки от выбитых зубов, изо рта текла кровь.

— Так вот, сейчас я объясню тебе суть нашей сделки. Вам чертовски повезло уже с тем, что мы не укокошили вас прямо на месте, но на этом задании у нас есть определенные правила: никакого огнестрельного оружия, так что нам придется придумать другой выход. Твой кореш вон там, ты сейчас сделаешь ему славный укол, введешь большую дозу дури, от которой ему станет плохо, смертельно плохо, ты меня понял?

Этот придурок ничего не ответил — опять; я почувствовал, что он перестал реагировать на мои слова.

Я сильно дернул его за щеку и прижал к земле, положив трубу поперек шеи:

— Послушай меня хорошенько, дубина, ты измарал в дерьме

всех нас, в том числе и своего кореша, но я обещаю тебе, если ты сейчас не подчинишься или если завтра я узнаю, что ты разболтал что бы то ни было портовым цыпочкам, или твоим дружкам, или собаке твоей консьержки, клянусь тебе — успеваешь за моей мыслью? — обещаю тебе, что аккуратные парни из эскадрона смерти придут, чтобы отрезать тебе яйца. Для начала они пожарят их в масле прямо на твоих глазах, а затем станут строгать их кружками, и эта операция продлится всю ночь, улавливаешь?

Он промямлил что-то неразборчивое, кивнув. Это означало «да».

— У местных парней, — сказал я ему, — у высокопоставленных мерзавцев из министерства, а также у наших ребят, не говоря уже о нас, есть крутые покровительницы, смекаешь, балбес?

Я перекрыл ему доступ воздуха при помощи трубы, выкручивая истерзанную щеку: нужно, чтобы моя мысль молниеносно добралась до его черепушки.

— Д-да, д-да, — произнес он — значит, до него дошло.

Я ослабил давление.

Я видел, что он приходит в себя, и очень быстро.

— У тебя есть «Steribox»? — спросил я.

Он утвердительно кивнул головой.

— У тебя есть «Striker»?

«Striker» — это новый и очень мощный синтетический «крэк».

Секундная заминка. Затем новый утвердительный кивок.

— Тогда ты сейчас пойдешь с нами, — сухо приказал наркоторговцу я.

Я выпрямился, твердо встав на ноги; в руке я крепко держал импровизированную дубинку — нужно было, чтобы белобрысый ни на секунду не заблуждался относительно того, кто здесь командует.

Ему потребовалось добрая минута на то, чтобы подняться и принять устойчивое вертикальное положение.

Мы направились к телу мавра; проходя мимо, я велел Карен идти за нами. Она двинулась еще медленнее, чем «сёрфингист», шатавшийся как человек, который сильно перебрал спиртного. Карен вновь надела очки.

Я поставил «сёрфингиста» на колени возле мавра. Увидев состояние своего кореша, белобрысый ничего не сказал, лишь поднял на меня недоуменный взгляд, в котором звучала немая мольба: «Не убивайте меня, пожалуйста».

Я подождал, пока Карен подойдет к нам вплотную, но она остановилась в нескольких метрах.

— Иди сюда, — сказал я.

— И что я должна буду сделать?

— А как ты сама думаешь, спеть арию из оперы? Ты провернешь штуку, о которой говорила, пока мы вколем ему дозу, пока вот этот господин вколет дозу.

Я погладил «сёрфингиста» трубой по макушке: если я хочу, чтобы он сдержал слово, мне нужно играть роль беспощадного злодея до конца, я непременно должен запугать его до чертиков.

Копы африканского континента пользуются той еще репутацией; где бы вы ни оказались — в Абиджане или Лагосе, в Киншасе или Ломе, — простое упоминание слов «Министерство внутренних дел» вызывает устойчивое чувство тревоги у любого мало-мальски сознательного гражданина. А трюк с южноафриканским агентством я выудил из какой-то газеты: «EXECUTIVES OUTCOMES»[77] — частная компания из ЮАР, занимающаяся подбором наемников, работала на многие правительства этого региона планеты, в том числе и власти Кот-д'Ивуара. Из прочитанного мной следовало, что во время апартеида эти парни сражались против АНК[78] в Натале и негритянских гетто, против СВАПО[79] в Намибии и марксистского режима МПЛА[80] в Анголе, но после прихода Нельсона Манделы к власти переключились на выполнение частных заказов. В середине 90-х годов они предоставляли свои услуги вчерашнему врагу — марксистскому режиму Луанды и помогли ему уничтожить их бывшего союзника — организацию УНИТА[81] Жонаса Савимби. Они тоже пользовались той еще репутацией, о них знали в любой точке Африки, а также на всем пространстве от Кабула до Йемена, от перуанских Анд до Зондских островов… Недавно я слышал, будто русские солдаты, ранее служившие в Советской армии, только что открыли собственное агентство, вдохновленные примером южноафриканцев…

Я состряпал этот план за несколько секунд. Слова Карен были совсем неглупы, но она совершила серьезнейшую ошибку, с головой бросившись в дерьмо вместо того, чтобы хладнокровно проанализировать ситуацию. Моя подруга подверглась жестокому испытанию, которого я бы ей никогда не пожелал.

Однако я ухватился за ее идею вколоть мавру смертельную дозу наркотика. Теперь, когда я переварил тот факт, что Карен способна вновь запустить его сердце на время, необходимое для инъекции, я понял, как найти решение головоломки. «Сёрфингист» гораздо лучше послужит нам живым, чем мертвым, поскольку возьмет на себя роль козла отпущения. Конечно, я тихий и в общем-то благовоспитанный парень, но у всего есть

предел: белобрысый мог бы благословить меня за одно только то, что я не стану его убивать.

— Доставай свой «Steribox»… — скомандовал я.

Наркоторговец тотчас повиновался, действуя здоровой рукой, тогда как другая безвольно висела вдоль тела так, что сломанное запястье оказывалось лежащим на его бедре.

Но тут в моей голове возникла новая идея — еще одна штучка, характерная для копа.

— Погоди-ка, у твоего кореша был еще один?

«Сёрфингист» повернулся ко мне:

— «Steribox»? Угу… ясное дело.

Мне нужно было как можно скорее принять решение. Достойная копа мысль, которая пришла мне на ум, формулировалась следующим образом: почему мавр не воспользовался собственным «Steribox», чтобы сделать себе смертельную инъекцию наркотика? Таким вопросом обязательно задался бы любой маломальский профессиональный полицейский, наткнувшийся на тело мавра с лежащим рядом «Steribox» «сёрфингиста». Ага, ага, одно предположение вытекало из другого, достаточно стремительно, потоком неуловимых идей. Итак, если мавр не прибегнул к собственному «Steribox», значит, последний был либо пустым, либо недействующим по причине X или Y, и рядом нашелся какой-то другой человек, который сделал ему укол при помощи своего «оборудования» — кто-то, чьи отпечатки пальцев найдутся на шприце. «Годится, — подумал я, приходя в еще большее возбуждение. — Это подходит».

Я вытащил из кармана пару хирургических перчаток из тонкоизмельченного латекса — стандартная модель, штука из тех, что мы каждый день носим с собой, — и надел их.

— Вытащи «Steribox» твоего кореша и дай мне, — велел я. — Вытаскивай очень осторожно.

«Сёрфингист» повиновался, он вдруг стал очень благоразумным. Он вынул из кожаной сумки массивную серо-белую коробку — «Steribox», в полной комплектации, с бонусом.

Я взял коробку из белого полистирола и аккуратно открыл ее.

Внутри находились пистолет для инъекций последней модели, с небольшим поршнем, работающем на сжатом воздухе, — профессиональная штучка, — а также десяток пустых ампул, полдесятка полных и медицинский жгут из неолатекса производства компании «Dupont de Nemours».[82]

На размышления у меня ушла пара секунд. Ага.

Я взял пять-шесть пока что полных ампул и швырнул их в море — все, кроме одной, — подпольная продукция, смесь, изготовленная в кустарных условиях. Я узнал два вещества, четко

отличающиеся друг от друга по цвету. Их разделяла непроницаемая промасленная мембрана, из тех, что в наши дни можно засунуть внутрь ампулы, располагая минимальным набором инструментов. Мне были знакомы сероватый оттенок жидкости и белесые хлопья суспензии — раствор под названием «White Trash»,[83] мощнейший амфетамин; а также розоватые светящиеся блики, мерцающие в недрах второго вещества — модного психотропного препарата, известного как «Nerzac».

Из того, что я знал о подобного рода «лекарственных средствах», следовал вывод: данная смесь более чем противопоказана к применению одновременно с «мета-крэком» типа «Striker». Я сунул ампулу в карман и отдал коробку «сёрфингисту», приказав вернуть ее туда, откуда он ее взял.

После чего легонько погладил белобрысого металлической трубой по макушке.

— Ну, — произнес я, — отвернись и несколько мгновений полюбуйся красотами порта.

Он поднял на меня вопрошающий взгляд.

— Просто слушайся меня, и с тобой ничего не случится.

Я повернулся к Карен: механизм запущен, и она больше не вправе отказываться от участия в игре.

Подруга поняла меня без всяких слов. Она опустилась на корточки возле мавра, пока «сёрфингист» осторожно разворачивался, не вставая с колен.

— Готовь укол, — холодно сказал ему я. — Дозу «Striker».

Пока белобрысый открывал свой «Steribox» и брал маленький пистолет для инъекций, пальцы наркоторговца дрожали. Дрожь усилилась, когда он, действуя единственной здоровой рукой, поместил ампулу в углубление для поршня на сжатом воздухе.

Затем «сёрфингист» взялся за алюминиевую рукоятку. Большим пальцем руки включил крохотный механизм. Я услышал щелчок. Пистолет был готов к инъекции.

— Даже не думай об этом, — с угрозой проговорил я, перехватив его косой взгляд, направленный в мою сторону.

Я держался на расстоянии не менее метра от него, труба была наготове, я сбил бы хитреца с ног прежде, чем он успел бы глазом моргнуть; по крайней мере, я делал все для того, чтобы сохранить в нем уверенность именно в таком варианте развития событий.

Карен уже успела положить ладони на грудь мавра, на то место, под которым находилось сердце покойника. УФ-свет мерцал за стеклами ее зеркальных очков, у нее больше не было сил на убийство, но она могла запустить сердечную мышцу на десять-двадцать секунд — я учел данную способность при составлении плана, как бы ни был поражен ею.

— Ты не должен видеть ничего из того, что мы станем делать, — объяснил я «сёрфингисту», — потому что это сверхсекретная штука. Один тот факт, что ты при этом присутствуешь, даже не понимая ничего из происходящего, — смертный приговор для тебя, вынесенный самыми кровавыми спецслужбами планеты, усек? Всё, что ты увидишь после, — лишь верхушка айсберга, но забыть и это — в твоих интересах.

Я должен был гарантировать его молчание, обязательно, пусть даже рискуя слегка перегнуть палку.

Звук дыхания Карен изменился, она открыла рот.

На этот раз не раздалось никакого неприятного шума, как это было в Рабате, в случае с Месаудом. Я уловил лишь что-то вроде волны — чрезвычайно правильную синусоиду, на самом дне которой слышался перелив призрачных струн, что-то вроде арфы, небольшая звонкая вариация, — и все опять смолкло.

Руки Карен по-прежнему лежали на груди покойника, над сердцем. Изо рта девушки капала пена.

Подруга повернула в мою сторону зеркальные стекла очков.

— Давай, — сказала Карен бесстрастно.

Я окликнул «сёрфингиста»:

— Повернись.

Он подчинился — и тут же застыл при виде неожиданного зрелища. Нельзя было терять ни секунды.

Я как следует огрел его трубой по лопаткам:

— Шевелись. Накладывай жгут.

«Сёрфингист» положил пистолет для инъекций на колени и обмотал ленту из латекса вокруг обнаженной руки своего приятеля. Белобрысый со священным ужасом взирал на зеркальные стекла очков Карен, за которыми кружилось несколько ярких фиолетовых пятнышек. Впрочем, парень не обратил на это внимания, он смотрел на Карен и ее руки — ладони, прижатые к груди его мертвого кореша, его дружка-мавра. И эта грудная клетка опустилась один раз, затем поднялась. Чудо. Затем движение повторилось…

«Сёрфингист» не понимал, как такое возможно, а главное, он не врубался, зачем мы так хлопочем над оживлением мертвеца — только на время, необходимое для того, чтобы вколоть ему дозу наркотика. Но до белобрысого это скоро дойдет.

— Затяни жгут, балбес, — выругался я. — Пошевеливайся.

Он перетянул жгутом руку над локтем покойника.

На всё про всё нам потребуется немного времени — десять секунд, самое большее — пятнадцать. Достаточно, чтобы наполнить вену кровью, а затем ввести туда все это дерьмо; еще два-три сердцебиения, чтобы снадобье добралось до самого

дальнего уголка организма, — и судмедэксперты ни хрена не поймут.

— Делай ему укол, — сказал я, чтобы немного придать белобрысому бодрости.

Содержимое ампулы было впрыснуто в кровеносную систему, после чего послышалось шипение сжатого воздуха, и использованная капсула вылетела из гнезда пистолета. Все это время со стороны полумертвеца не наблюдалось никакой особой реакции.

«Сёрфингист» приготовился снять жгут еще до моей команды — он, без сомнения, старался зарекомендовать себя с лучшей стороны. Однако я тут же остановил его:

— Подожди. Дай-ка мне твою штуку.

Я протянул руку, чтобы забрать у него маленькое алюминиевое устройство для инъекций. Белобрысый повиновался. Я вставил ампулу с запрещенной кустарной смесью в обойму и вернул шприц владельцу. Я увеличивал имеющуюся у нас фору, а ведь каждый час для нас был на вес золота.

— Делай ему укол, — повторил я, демонстрируя «сёрфингисту» импровизированную дубинку.

Он сделал инъекцию. Без какой-либо заминки. Тот парень уже мертв, разве нет?

Я посмотрел на Карен так, как командир воздушного судна смотрит на второго пилота, взглядом спрашивая у него о положении дел.

Девушка сделала короткий знак головой, показывая, что все в порядке.

Она по-прежнему не отнимала ладоней от грудной клетки мавра.

— Ослабь жгут, — сказал я после того, как раздалось очередное шипение сжатого воздуха.

«Сёрфингист» размотал ленту из латекса.

Две-три секунды ничего не происходило, а затем труп мавра сотрясла сильнейшая судорога.

Его конечности утратили гибкость. Карен все еще не убирала рук с груди негра, но сама вдруг окоченела, а рот скорчился в достаточно жуткой ухмылке.

Тело покойника замерло, на этот раз окончательно.

Руки Карен по-прежнему оставались на грудной клетке мавра, который за пять минут умер дважды.

Когда Карен наконец оторвалась от тела покойника, как бы против воли, я понял, что она вымоталась до предела. Но расслабляться не следовало, мы еще только выкручивались из

создавшейся ситуации, и я должен был обеспечить успешное окончание начатой операции. Я не видел выражения лица Карен за этими проклятыми зеркальными очками, но подозревал, что она обессилела и вот-вот свалится.

Я обошел труп кругом и помог Карен встать. Она с трудом поднялась на ноги, судорожно ловя ртом воздух, и несколько мгновений качалась из стороны в сторону, прежде чем обрела хоть какое-то подобие равновесия.

«Сёрфингист» смотрел на все это с таким видом, будто находится во сне, в данном случае — в кошмарном.

Оборудование для инъекций валялось возле наркоторговца, а сам он находился в состоянии шока — весьма удачный момент.

— Спихни его в море, — произнес я, указывая на мертвеца концом трубы. — Шевелись.

Он изловчился как мог со своей единственной здоровой рукой — и докатил труп до края пристани.

Когда тело мавра упало в сильно загрязненную воду порта, как раз между баржей и причалом, раздался тихий, деликатный плеск. Я долю секунды задавался вопросом, достойна ли столь гнусная смерть человека, предки которого пережили другую эпоху — время, когда кочевники царили в пустыне, прежде чем явились мы, чтобы уничтожить их ракетными ударами с вертолетов. Я даже сделал попытку произнести про себя молитву за этого парня из Сахары, закончившего свои дни в водах Атлантического океана, за воина песков, сгинувшего в мире, где для него не нашлось места.

Но нам следовало продолжать операцию. До конца было еще далеко.

Телефонная будка — я помнил, что мы натолкнулись на нее при входе в порт, в пустынном месте.

Я хотел, чтобы ивуарийские копы нашли «Steribox» с отпечатками пальцев «сёрфингиста». Какую бы версию событий они ни предпочли — несчастный случай или убийство, — им следовало знать, что именно белобрысый наркоторговец сделал укол.

Кроме того, я не желал, чтобы «сёрфингист» при первой же возможности вернулся на пристань и избавился от всех улик, которые я нарочно там оставил.

Ну и, наконец, в мои намерения не входило оставлять собственный голос, пусть даже измененный, на полицейской аудиозаписи.

Так что выбор у меня был невелик, даже если мои последующие действия подпортят механизм, который я собирал,

импровизируя по мере необходимости.

Я зашел в кабинку вместе с белобрысым и набрал номер экстренного вызова полиции.

После чего протянул трубку наркоторговцу:

— Говоришь только, что в порту возле баржи есть труп, и всё. После чего тут же отсоединяешься. Уловил?

Он утвердительно кивнул, принимая трубку.

Когда мы вышли из кабинки, Карен находилась примерно в двадцати метрах от нас, высматривая то, что еще можно было разглядеть на пристани.

«Рехнуться можно, — подумал я. — Мне почти удалось привыкнуть к этому парню. Не то чтобы я находил его присутствие приятным, но, в конце концов, оно кажется мне вполне сносным».

Но я не был действующим лицом какого-нибудь дурацкого романа, в котором два типа, только что совершившие нечто подобное нашей драке, падают друг другу в объятия, разыгрывая мужественных бойцов, глубоко уважающих своего соперника.

Нужно, чтобы этот парень сыграл свою роль. Он не умер, потому что у него другое предназначение — послужить нам и пустить свору легавых по ложному следу.

— Сейчас я опишу тебе положение дел. Через десять минут сюда нагрянут копы. Через двадцать они обнаружат тело твоего кореша и «Steribox» с твоими отпечатками. Что касается нас, старик, знай, нас здесь вообще нет, мы не существуем. Только заикнись о нас — и ты кончишь жизнь в пасти крокодила, перед этим тебя еще живьем нашинкуют на мелкие кусочки. Только намекни на то, что ты видел этой ночью, — и ты исчезнешь с лица этой планеты, как будто вообще никогда не рождался. Понял меня?

Во взгляде его голубых глаз читалась тоска торчка, яростная, убийственная тоска, за которой я смог также распознать настоящий страх. Я почувствовал, что он купился на все мои россказни.

Наркоторговец кивнул головой, медленно.

— Собирай свои манатки и мотай из города, — добавил я. — Уезжай из страны. Уезжай из Африки. Ляг на дно где-нибудь на Аляске. И молись, чтобы никто и никогда не узнал, что произошло здесь этой ночью.

Мы дождались, пока он исчезнет во тьме, чтобы двинуться в противоположном направлении. Сирены полицейских машин уже слышались на другом конце порта.

Занималась утренняя заря. Когда мы, Карен и я, вернулись в

отель, красно-оранжевый шар солнца показался из-за городского горизонта.

Мы потихоньку прокрались к себе в номер через задний двор.

Оказавшись в комнате, Карен бросилась к холодильнику и залпом выпила полулитровую упаковку фруктового сока, затем вскрыла дозу «эпсилона».

— Мне нужно поспать, — только и сказала моя подруга.

Я же направился в ванную и принялся промывать порезы на ладони и гематомы, обнаружившиеся почти по всему телу.

Я взглянул на отражение своей рожи в зеркале.

— Боксер, только что покинувший ринг. Неброский и элегантный, что идеально подходит для проведения международных банковских операций, — сказал я себе с иронией.

После чего вздохнул и откупорил пузырек с девяностоградусным медицинским спиртом.

Я приложил все силы к тому, чтобы как можно лучше завершить самую длинную ночь в моей жизни.

But don't step on my blue suede shoes… [84]

По возвращении в «Люксор» каждый из нас принял душ два раза подряд. Притом на обратном пути мы наскоро почистились под хилым, полусломанным краном водяного насоса для бездомных. Этого хватило для того, чтобы старый араб, спящий за стойкой, не обратил на нас внимания.

Находясь в ванной во второй раз (с нас лишние десять долларов за десять минут обливания водой сверх ежедневной нормы), я услышал, как Карен включает телевизор, принимающий спутниковые каналы. Я уловил только фоновый шум, в котором трудно было что-нибудь различить, а также шуршание помех и что-то вроде эха, как в бетонном колодце, от музыки, напоминавшей спиричуэлс, какие транслируют из Лос-Аламоса.

Когда я, еще влажный от брызг воды (что недавно орошали мое тело с интенсивностью в час по чайной ложке), вышел из совмещенного санузла, Карен в своем алом халате лежала на кровати. Глаза девушки по-прежнему лучились УФ-светом, характерным для фазы обострения вируса. Она была чертовски прекрасна, а напротив нее, на экране телевизора мелькали кадры, изображавшие станцию «Мир», всю в штриховке помех, напряженные и осунувшиеся лица космонавтов, которые по-английски говорили с Землей, слышавшей лишь жалкие обрывки их слов.

— Станции — крышка, — сказала Карен, — если только Альберту не удастся ее спасти.

— При помощи саксофона? Он оснащен антигравитационным двигателем?

Карен одарила меня грозным взглядом:

— Ты сам не знаешь, что говоришь, не знаешь, о чем болтаешь.

— А ты? О чем ты говоришь?

— Я говорю тебе о музыке сфер, я говорю тебе об искуплении грехов, я говорю тебе об убийстве Альберта Эйлера в тысяча девятьсот семидесятом году.

— Убийстве, правда? Ты уверена? Если мне не изменяет память, речь всегда шла о следах наркотика в его крови и несчастном случае — падении в воду в нью-йоркском порту. Признаюсь, я не специалист, но в любом случае не вижу здесь связи.

— Какой связи?

— Той самой, черт возьми. Связи между нами, станцией «Мир» и твоим саксофонистом…

Карен улыбнулась:

— Как ты думаешь, зачем он дал мне средство избавить нас от коррумпированного полицейского и двух паршивых хулиганов?

— Из безмерного уважения к закону и порядку, полагаю.

Я смутно помнил, что Эйлер поддерживал Партию черных пантер[85] в ходе событий конца 60-х годов.

— Хватит разыгрывать из себя идиота, а то как бы я в конце концов не поверила, что ты таков на самом деле. Он дал мне это в обмен.

— В обмен? В обмен на что?

— В обмен на выход из лимба,[86] из вод Ист-Ривер или с этой падающей станции, что для него означает восстановление равновесия, Баланса Справедливости, если угодно.

— Я ни черта не понимаю из того, о чем ты рассказываешь. Что это за штука с обменом? Это символический обмен? Играешь в психоанализ?

— Нет, в Откровение. Не хватает всего одного элемента, чтобы собрать всю головоломку, и тогда Альберт Эйлер сольется с бесконечностью. Мы собрали почти все, необходимое для этого фокуса.

— Фокуса? Бог теперь устраивает фокусы? Он — иллюзионист из цирка «Barnum»?[87]

Улыбка Карен становилась все шире, но глаза по-прежнему смотрели куда-то внутрь, настроившись на несущую частоту ее ДНК.

— Тем вечером, в тысяча девятьсот семидесятом, Альберт дал убить себя двум мерзавцам-наркоторговцам которым он очень много задолжал. Мрачная история. Они избили его, вкололи ему смертельную дозу наркотика и бросили в воду в порту.

Я молчал на протяжении доброй минуты. События минувшей ночи вновь прошли перед моим мысленным взором.

Два человека впрыснули Эйлеру смертельную дозу наркотика, а затем швырнули в Ист-Ривер. Мы тоже убили мужчину подобным образом — на другом краю океана, прямо посреди торгового порта. Между этими двумя действиями явно имелась какая-то взаимосвязь, некая метка, функциональная асимметрия, нечто бесконечно таинственное.

— Но… А коп? Какую роль во всем этом играл Месауд?

— Один коррумпированный коп из NYPD[88] обнаружил, а затем скрыл правду об убийстве, он сцапал обоих наркоторговцев, но заставил их платить ему за молчание, и так продолжалось

долгие годы. Этот мерзавец досрочно вышел на пенсию, и Отдел внутренних расследований не успел схватить его за руку. Они все преспокойненько скончались от старости, за исключением одного из наркоторговцев, который до сих пор жив. Полагаю, он обретается где-то в Северной Каролине. Видишь, все сходится, каждый элемент оказывается на своем месте. Все синхронизировано.

Несколько секунд я размышлял над услышанным.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я же тебе говорила: я принимаю все переговоры со станции. Альберт знает, как он умер, но в данном случае он абсолютно одинок. Если он хочет сбежать из лимба, ему нужны сначала жертвы, а затем снятие покрова с Тайны. Жертвы мы ему обеспечили, а снятие покрова с Тайны… именно для этого, собственно, и нужна станция «Мир». Альберт должен суметь передать оттуда сигнал на всех радиочастотах мира, вновь сыграть самые великие свои произведения.

— Почему же он до сих пор этого не сделал? Ведь у него наверняка достаточно сил, не так ли?

— Да, но в таком случае экипаж «Мира» погибнет, а станция распадется на атомы в верхних слоях атмосферы.

Ах да. Очевидно, если Богу угодно максимально усложнить и без того невозможное…

— И что же Альберт предусмотрел в качестве запасного варианта, sweetheart?[89]

Она очень ласково взглянула на меня, с мягкой, нежной улыбкой на бледно-бледно-розовых губах цвета морских кораллов. Впрочем, ее глаза по-прежнему были обращены куда-то в бесконечность внутри нее.

— Запасной вариант — это мы, дорогой.

— Мы?!

— Да, конечно, прежде всего я, но и ты тоже. Вот увидишь, ты еще сыграешь свою роль.

— А сейчас я опять прошу тебя выражаться предельно ясно: каким образом мы можем служить запасным вариантом, заменой станции?

— Если он хочет спасти космонавтов и, тем не менее, вырваться из лимба, ему понадобится заместитель на станции. Я еще не говорила тебе, что Откровение относительно смерти Альберта Эйлера может явиться только во время взрыва в верхних слоях атмосферы. Это момент выброса сверхмощной энергии. Именно по этой причине станция сместилась с орбиты в сторону Земли. «Мир» должен погибнуть, если мы хотим, чтобы Откровение произошло.

У меня чуть было не случился серьезный нервный срыв.

— Мы. Вот уже третий раз я задаю тебе этот вопрос. Мы какого рожна делаем в этой истории?

Улыбка на губах Карен вспыхнула сильнее, и, насколько возможно, взгляд стал более пристальным.

— Ну как же, любимый, мы — антенны.

Я смотрел кадры телевизионной трансляции со станции. Крупный план — лицо одного из космонавтов, пытающегося вести диалог с Землей, — в облаке электромагнитных помех. Два других космонавта за его спиной старались с грехом пополам наладить важнейшие системы орбитального комплекса.

Судя по всему, у них это не слишком-то получалось.

И музыка вместо звукового фона — звонкая, удивительно четкая и в то же время такая мрачная, происходящая из божественного источника и, вместе с тем, порожденная жизнью смертных людей; логичное соединение мелодий, основанных на западном фольклоре так же, как и на негритянских спиричуэл. И все это, вместе взятое, затем как будто пропустили через что-то вроде машины для создания звуковых эффектов. Откуда бралась эта музыка? Она постоянно накладывалась на голос космонавта и на помехи, которые его прерывали.

Сверхмощная энергия. Мы приближались к роковой черте, точке невозврата, мгновению всепоглощающего воспламенения. Это действительно был звездный час для саксофона Альберта Эйлера.

— Само собой разумеется, существует определенный риск, — отважилась вставить Карен.

— Риск? Не знаю почему, но мне очень не нравится, когда ты произносишь это слово.

— Однако я единственная, кому предназначено его произнести, дорогой. Итак, существует риск.

— Слушаю тебя.

— Мы — антенны, но у наших возможностей есть физические пределы. Вопрос в том, соответствуют ли они пределам станции «Мир» или нет.

— Риск, Карен.

— Риск? О, риск состоит в том, что мы внезапно умрем, зажаренные электрическим током в буквальном смысле этого слова. Согласно имеющимся у меня данным, это больше всего будет походить на спонтанное и очень мощное самовозгорание.

— Таким образом, мы рискуем умереть как трое космонавтов станции. В этом суть «фокуса»?

Карен нахмурилась, ее глаза были по-прежнему «настроены» на собственный биофотонный канал. Она казалась мне все более красивой.

— Да, ставка именно такая. Принцип обратного действия. Если мы сумеем превзойти собственные пределы, мы их спасем; если нет — мы все сгорим заживо, а Альберт Эйлер еще долго будет блуждать как призрак над водами Ист-Ривер.

До новой космической станции, падающей на Землю.

Эйлер помог нам, даже если у него самого в этом деле тоже имелась очевидная выгода. Но он позволил нам спастись как от Месауда, так и от жуликов в абиджанском порту. Быть может, он смог создать и собрать воедино все элементы соответствующей ситуации, чтобы предоставить нам способы выбраться из нее, но все это само по себе мало что значило, ведь он снабдил нас нейровирусным оружием, нести которое были способны только наши мозги, а использовать, без сомнения, — только мозг Карен.

Мы никак не можем удрать. Самое страшное, что я полностью отдавал себе в этом отчет. Карен ни к чему было давать мне детальные объяснения: ангел (пусть даже полуангел, заблудшая душа вроде Эйлера) наверняка мог изменять ход событий по собственной воле. Если мы откажемся участвовать в его затее, то, более чем вероятно, не пройдет и двадцати минут, как полиция Абиджана нагрянет в наш номер.

— Что произойдет? — спросил я невинным голосом.

Помехи перекрыли почти все изображение на экране телевизора. Станция «Мир» встретилась с первыми молекулами газа в радиационном поясе Ван Аллена. Вскоре поверхность орбитального комплекса должна была раскалиться по-настоящему. Звуки саксофона — смешение огня и стали — сопровождали падение как единственный саундтрек, достойный размаха этой катастрофы.

Карен нежно улыбнулась мне и взяла за руку, свечение ее глаз достигло небывалой доселе силы.

— Мы — антенны. Мы принимаем. Мы излучаем. Мы передаем.

— Это я знаю. Но что именно мы передаем в данном конкретном случае и для кого?

Ее улыбка могла бы взорвать мир, впрочем, не этим ли она и занималась в данный момент?

— Код нашей собственной ДНК. Всё, что она в себе таит в виде усиленных биофотонов, весь хлам, все ретротранспозоны,[90] всё.

— Давай начистоту, это все равно что сказать — самих себя.

Куда? Прямо на станцию, полагаю?

Ее улыбка была подобна вспышке, которая могла бы пронзить сознание всех людей мира одним молниеносным ударом.

— Речь идет о гораздо большем, нежели просто «передача самих себя». И если целью сигнала оказалась станция, так получилось потому, что она находится в точке пересечения скрытых измерений Вселенной, которые возникают из черной материи, или из dark energy.[91] Мы способны воспринять и поставить эти измерения под контроль только при помощи нашего живого, мета-кортикального, биологического света.

— Поставить под контроль, ты в этом уверена?

— Боюсь, ты не понимаешь суть эволюционной телеологии, воплощающейся в жизнь в синдроме Широна-Олдиса.

— Не надо принимать меня за младенца, я прекрасно понимаю: то, что одни считают нейровирусом, для других — успешная генетическая мутация.

— Да, согласна, но какова цель этой мутации? Только не говори мне, что ты веришь в эту чушь о случайности и необходимости.

— Я верю только в то, что вижу, ты должна бы это знать. Так что объясни мне.

— Мы — навигаторы, honey.[92] Наши мозги устроены так, чтобы путешествовать в бесконечности или скорее во всех бесконечностях, число которых, вероятно, неисчислимо.

— Навигаторы?

— Как ты думаешь, почему мы тратим наше время на бегство, на путь к постоянному изгнанию? От Альберта не укрылся в том числе и этот знак. Вот потому-то он нас и выбрал.

— Выбрал! Мне нужно будет задуматься над тем, как его отблагодарить. Ведь право умереть из простой любви к искусству — это честь.

— Прекрати, а то как бы ты не пробудил во мне чувство жалости. Неужели ты не понял, что мы на определенный срок — самое крошечное мгновение и одновременно вечность — зависнем между жизнью и смертью… или даже за пределами и той, и другой?

Из телевизора доносилось непрерывное бульканье, а космонавтов почти совсем не было видно за стеной помех.

И только саксофон Альберта Эйлера возвышал свой голос над шумом разворачивающейся катастрофы. Да, несомненно, это был саксофонист, который идеально подходил для данной ситуации, джазмен, созданный специально для падающей станции «Мир».

Карен посмотрела на меня, одарив улыбкой, чья поражающая

мощь равнялась силе атомного взрыва.

— Пришел наш черед. Нам пора вступить в игру.

— Знаю, — ответил я. — Почему-то мне не кажется, будто у меня на руках все козыри. Может, мне взять другие карты?

— У тебя есть все нужные тебе козыри. Просто будь готов.

— Готов к чему?

— Готов к огню, — сказала Карен.

Она была живым доказательством того, что нейровирус — это больше чем какая-то болезнь. Слова в ней не довольствовались ролью обычных определений, обозначений для тех или иных понятий. Нарекая именем, они даровали жизнь, насильно приводили разные существа и явления в пространство существования.

Мы очутились на станции, которая начинала разваливаться.

И в то же время мы по-прежнему оставались в нашем номере в отеле «Люксор».

Станция вошла в верхние слои ионосферы. Вместе с тем она парила над Ист-Ривер и одновременно пролетала над черными водами абиджанского порта. Она была в огне, она находилась над водой — своего рода план-чертеж Сотворения мира.

Трое космонавтов на станции не оставались в одиночестве. Альберт Эйлер, одетый в оранжевый скафандр, прилепился к одной из переборок и без конца дул в свой саксофон. Космонавты уже привыкли к тому, что он здесь, хотя его видели только они и мы. Члены экипажа поняли, что это их ангел-хранитель, а также, полагаю, догадывались о том, кто мы такие. По крайней мере, знали о роли, которую нам предопределено было сыграть для их спасения. Для спасения всех нас.

Сначала мое сознание прошло через процесс мультиплексирования.[93]

Первый слой: вместе с Карен мы образовали что-то вроде двойной стяжки, двойной спирали, аналогичной той, что содержится в каждом из нас. Мы с Карен сформировали нечто вроде станции, предназначенной только для нас, — телесное и духовное судно, способное пройти сквозь все измерения; мы были машиной: я — двигателем, генератором энергии, Карен — навигационным оборудованием, системой управления.

Второй слой: я находился в гостиничном номере космической станции вместе с экипажем. Я — синяя ультрафиолетовая тень, стрела из плоти и крови, накаленная до предела внутри шара из кобальтового огня. Вокруг нас все было оранжевым — цвета пылающих звезд, цвета солнечного ядра. В то же самое время я мог видеть нас со стороны, из точки, расположенной за пределами моего тела; я находился внутри себя, но, судя по

всему, это означало, что я был внутри каждой вещи и особенно — в центре — черной дыре целой Вселенной.

Станция должна погибнуть с минуты на минуту. В этом не оставалось ни малейших сомнений. У нас ничего не получится. Да и что мы могли бы сделать, объективно говоря? Я непременно должен отдать Карен приказ: заставить ее признать спасательную операцию провалившейся. Все-таки мы не пожарные из НАСА…

В это самое мгновение интенсивность свечения тела-души Карен увеличилась на порядок, затем — еще и еще на один порядок, образуя последовательность световых фаз, отделенных друг от друга так же четко, как массивы чисел в цифровом коде.

Я понял, что она собирается сделать. Я понял, что она намерена идти до конца.

Любой ценой.

Однако, когда дело заходит о цене, я — очень требовательный парень.

— Карен, не делай этого.

— Не волнуйся, я знаю, что делаю.

— Именно это меня и беспокоит. Не делай этого. Не стоит жертвовать собственными жизнями ради уже умершего типа, пусть и гениального, а также трех других людей, пусть и превосходных космонавтов, которые станут покойниками в ближайшем будущем.

— В этом слое реальности не умрет никто, кроме Альберта, — ответила она.

— Это означает, что в другом слое реальности мы погибнем, вот повеселила.

— Мы не умрем, sweet love,[94] мы уже мертвы.

Комната отеля вросла в станцию, летевшую над Ист-Ривер и одновременно — над абиджанским портом. Вот где мы есть, вот что мы такое, вот кто мы такие. Погибшие космонавты, заблудший призрак джазмена, двое мутантов, потерянные для нормального человеческого общества.

Афро-американская связь между всеми звездами галактики. Станция — шар пламени, вращающийся вокруг планеты-матери, которая тоже вращается, динамо-машина огненно-оранжевого цвета над лазурно-синим магнитом. И музыка джазмена, проходящая сквозь любое вещество, вцепляется в электромагнитные волны в сфере притяжения Земли, встраивается в каждого из нас подобно фонограмме его исступленного тела, становится частью ударной волны, которая вызывает крушение станции. Все взаимосвязано, все упорядочено, все происходит синхронно. Карен права.

Трое космонавтов вокруг нас застыли в пространственно-

временном стазисе. Лишь Альберт Эйлер, судя по всему, способен, как и мы, соответствовать конфигурациям этого измерения.

Он продолжает играть как ни в чем не бывало, его инструмент излучает серебряное сияние, отливающие металлом завитки которого развеиваются в остатках искусственной атмосферы станции.

Саксофон звучит на длине волны, очень близкой к частоте нашей ДНК, я внезапно понимаю, что это — инструментальное отображение Космического Змея, что это на самом деле гармонический строй ДНК Альберта Эйлера.

Это дверь. Дверь для Карен. Она задает параметры наших генетических кодов, чтобы сделать из них метацентр бесконечности, и наш головной мозг приноравливается к динамике процесса. Она — головка самонаведения, тогда как мы — всего лишь реактивные двигатели баллистической ракеты. Она прокладывает путь через все бесконечности и переключается на то измерение параллельной реальности, которое ей подходит. Она чувствует себя здесь так же удобно, как животное в естественной среде обитания.

Уникальная манера игры Эйлера основана на систематическом использовании духовых инструментов с очень жестким язычком. Музыка божественная, духовная и вместе с тем колдовская, взрывная, демоническая, — она служит выражением любой эпохи, как той, в которой мы живем, так и той, в которой жили наши родители, — еще до фабрик по клонированию. Эйлер умеет сочетать дадаистские переработки музыкальных тем, далеко выходящих за рамки джаза, поднимающихся к его истокам, но также к корням других стилей — всюду, всюду, где звук обретает силу Слова. Монотонная протяжная мелодия с акцентами рапсодии внезапно обрывается, сменяясь marchin' band[95] Нового Орлеана или ритмической фигурой исконного кантри, насквозь пропитанного южным виски «бурбон» стиля Delta Blues.[96] Ноктюрны-госпелы нанизываются на додекафонические гармонические секвенции, а затем внезапно отправляются в литургическую стратосферу, где продолжают отбивать такт как контрапункт к пульсации R'n'B.[97] Хоралы вуду, негритянские ритмы, индустриальная музыка мегаполисов, оригинальная трактовка джаза в стиле «кул», неоклассический хард-боп[98] — все это попадает в машину ультраджаза, все оказывается в огненном саксофоне, все используется на благо Внука-Терминатора, by all means necessary.[99] Эйлер был виртуозом, самым проклятым среди всех джазменов — еще хуже, гораздо хуже Орнетта Коулмана. И если бы той ноябрьской ночью

1970 года он не был убит двумя наркоторговцами, то, вероятно, погиб бы от насмешек и даже от высокомерного безразличия, которое его окружало.

Тут не о чем говорить: это действительно человек, подходящий для данной ситуации.

Суть навигационной стратегии Карен можно было выразить несколькими словами: она тоже стремилась воспользоваться мгновением выброса сверхмощной энергии. Коль скоро мы достигли предела собственных сил, за которым нас ждало уничтожение или возрождение, другой альтернативы нам не оставалось. Карен перевела на себя всю потенциальную энергию станции «Мир». Мы снова оказались прямо на орбитальной станции в самый момент ее взрыва — но в ином измерении, ином плане, отличном от обычного пространственно-временного континуума. Пиротехнический опыт. Уничтожение, OFF,[100] возникновение в абсолютно нестабильном, вибрационном мире, ON,[101] мы — квант энергии, предназначенной только для самих себя, я предчувствовал, что мы вот-вот сделаем нечто. Нечто, что наверняка позволит нам выиграть это безумное пари.

Действие, которое мы намеревались осуществить, — это прорыв сквозь саму оболочку бесконечного. Мы стали квантовыми сингулярностями, мы несли в себе весь потенциал Вселенной, мы были двумя, оставаясь при этом единым целым, и тремя, вместе с Альбертом Эйлером и станцией, превратившейся в протез его саксофона, который для джазмена служил не чем иным, как одним из органов — или, точнее, гармонической репликацией его тела в целом.

В том измерении, где находилась комната отеля, я мог следить за изображением станции по телевизору. Притом я видел нас там в компании космонавтов и джазмена. В ту же секунду я осознал, что именно с этой «картинки» сейчас не сводят глаз несколько миллиардов телезрителей.

В измерении станции «Мир» обострение метакризиса Карен превзошло любые рамки, какие мы были в состоянии себе представить. Она стала измененным состоянием психики космоса, она — это раскаленная станция «Мир», падающая над афро-американскими водами Ист-Ривер, что протекают посреди абиджанского порта.

Благодаря всему этому Карен создала условия для возникновения явления, которое в буквальном смысле слова накачало мой мозг почти всей имеющейся энергией высокого напряжения.

Господин Генератор, Мадам Кокпит — чета года, как это

бывает среди определенных особей, принадлежащих к земным биологическим видам, — ну-ка догадайтесь, кто кого здесь питает?

Этой ноябрьской ночью 1970 года мы шагаем по берегу Ист-Ривер. Наполовину сгоревшая станция летит над проливом рядом с нами. Нами — Карен и мной, а также Эйлером и тремя космонавтами.

Последние четверо одеты в скафандры. Все мы шагаем в ультрафиолетовом свете, который излучают наши тела.

— Именно здесь находится точка, в которой вот-вот произойдет разделение измерений… навсегда, — говорит Карен. — Точка отсчета, которая также является финальной точкой. Например, для станции, находящейся в свободном падении к Земле.

Никто из нас не знал, как на это ответить. Эйлер ограничился тем, что перестал дуть в свой инструмент; он медленно оторвал мундштук саксофона от своих распухших, почти синих губ и взглянул на станцию, которая сгорала дотла над местом его смерти, случившейся несколькими десятилетиями ранее.

— Я — Древо Сефирот,[102] — говорит Карен, — поднимите глаза выше меня, и вы узрите Кетер,[103] Верховную Корону, первый лик Невидимого в Сотворенном Мире.

Мы все одинаковым движением посмотрели на шар золотого света, который только что появился над головой Карен. Наши органы чувств воспринимали и голубое ультрафиолетовое свечение, исходившее от ее тела, однако его сила не шла ни в какое сравнение с яркостью миниатюрного звездного скопления, озарявшего все окружающее подобно восходящему солнцу.

— Я распределю жертвы, я восстановлю гармонию. И тем не менее я должна буду вызвать хаос.

Полагаю, мы и в самом деле терпеливо ждали, когда ее слова воплотятся в жизнь, когда они породят новые феномены и новые сущности, когда они зададут структуру для ситуаций и явлений. Мне кажется, все мы прекрасно поняли, что именно возникало в ту самую секунду. Карен указала нам на это рукой, протянутой с края пристани в сторону постепенно распадающейся станции «Мир».

— Сейчас, в тот самый момент, когда я говорю с вами, я и мой спутник находимся внутри этой станции — там, над Ист-Ривер. И мы будем там до самого конца, пока наши тела не сгорят дотла. Посредством антенны, которую мы образуем, эта реальность напрямую связана с другой — со станцией, что летает по орбите вокруг Земли. Когда эта станция полностью прекратит свое существование здесь, в дело вступит принцип обратного

действия. Во мне возникнет точка пересечения бесконечностей, я сведу воедино куски разных пространственно-временных континуумов, которые я сейчас протягиваю через все существующие бесконечности. Станция, где мы заживо сгораем сейчас, содержит в себе три плана бесконечности — три синхронных, синтетически разобщенных, не пересекающихся слоя, имеющих одну и ту же связь со всеми измерениями Вселенной. И каждая бесконечность открывается нам в соответствии с характером распределения жертв. Реальность Альберта в 1970 году, наш собственный слой бесконечности, коль скоро наша физическая смерть удостоверена в этом отдельно взятом измерении, оторванном от Космоса, и ваш план, господа.

На этот раз люди заволновались. Люди всегда начинают волноваться, когда речь заходит об их выживании, даже если уже слишком поздно.

— Что вы хотите этим сказать? Нам не суждено выжить в ходе выполнения миссии? — выдохнул один из мужчин, облаченных в оранжевые скафандры.

Тому, кто никогда не слышал смеха Карен, не понять, что значит быть парализованным радостью исключительной чистоты — прозрачной, как кристалл, и прочной, как сплав титана с метеоритным железом; что значит столкнуться с этим весельем, приводящим вас в состояние, близкое к отупению, к гипнотическому трансу.

— Ну конечно, вы выживете, — сказала девушка, широко улыбнувшись, — иначе зачем бы я согласилась принести в жертву саму себя?

— Вы жертвуете собой в параллельном измерении, но при этом без тени сожаления собираетесь послать нас в реальную Вселенную — туда, где нас ждет верная гибель.

— Все вселенные реальны, но некоторые из них не оказались в числе избранных, вот и все.

— Что вы с нами сделаете? — с большей тревогой в голосе спросил второй космонавт.

Альберт Эйлер с умеренным интересом следил за ходом беседы, он не сводил глаз с горящей станции, он не сводил глаз с места своей смерти, он нацелил мозг на мгновение своей смерти.

— Вы будете принесены в жертву, как и каждый из нас, а вы на что надеялись? Только ваша жертва будет заключаться в том, что вы выживете в катастрофе, станция уцелеет, вы вернетесь на Землю, вы станете там героями.

— Ты говоришь о жертве, — сказал я. — О широкомасштабном Искуплении, а нет ли у тебя в запасе еще одного искупления — для меня?

Мое замечание не заставило Карен насторожиться, ее глаза — сосуды пламени — были устремлены на трех космонавтов, стоявших у края пристани.

— Считайте, что вам повезло, когда Эйлер пожалел вас и призвал нас — на свой лад, — чтобы мы сыграли роль физических заступников. Вы выживете, вы вернетесь героями, но вашей заслуги в том не будет ни капли, и вы никогда не сможете объяснить, откуда взялись странные кадры, которые увидят по телевизору миллиарды людей. Вы вернетесь, но будете вынуждены лгать или молчать. Такова цена, которую вы должны заплатить. Согласитесь, она не слишком велика в сравнении с тем, что очень скоро предстоит вынести нам.

Я подумал только: «На этот раз точно, шутки в сторону — мы сейчас умрем, сгорим заживо».

Я совсем не был уверен в том, что сумею оценить данную перспективу по достоинству.

Перемещение оказалось столь же отчетливым, сколь и внезапным. Квантовый переход. Прыжок на орбиту. Разрыв в цифровом коде.

Мы больше не находились в лимбической зоне, которую мозг Карен создал, смешав различные куски Вселенной; станция продолжала гореть, но теперь она уже не летела над Ист-Ривер, она погружалась в верхние слои атмосферы со скоростью около 28 000 километров в час, а мы находились внутри этого орбитального комплекса.

Мультиплексирование: OFF.

Мы находимся на станции. ON. Один путь, один мир, одна жизнь, одна смерть. Сейчас мы сгорим, сейчас мы погибнем.

Карен повернулась ко мне:

— Жертвоприношение окажется бессмысленным, если мы на самом деле его не переживем. Впрочем, я должна признаться тебе, что наши настоящие телесные структуры виртуально горят в космическом корабле, летящем над Ист-Ривер.

Хорошенькое утешение. Мы все-таки подохнем в раскаленном газе и плазме.

— Не бойся, — сказала мне Карен, — как я тебе только что объяснила, нам нечего страшиться, ведь мы и так уже мертвы.

Вот так я и умер в верхних слоях атмосферы, чтобы космонавты могли выжить, а убитый саксофонист — отыскать дорогу в горний мир. Мне в голову пришла следующая мысль: в последние мгновения нашей «второй жизни», прямо перед тем, как все вокруг вспыхнуло, достигнув температуры в 5000

градусов по Цельсию, Карен хотела сказать именно о том, что мы мертвы уже давно. Давно умерли для людей, для мира и, без сомнения, для самих себя.

Мы умерли. Мы свершили то, ради чего были созданы. И если серьезно, нам больше не оставалось ничего другого, кроме как жить.

Когда мы вновь очутились в гостиничном номере, изображения, передаваемые по телевизору, без сомнения, выглядели гораздо более четкими: станция возвращалась на свою орбиту, на экране почти не осталось электромагнитных помех, а музыка саксофона-тенора продолжала звучать. Разве что мелодия доносилась не из динамиков телеприемника. Скорее это больше походило на своего рода эхо.

Эйлер сидел на кровати рядом с нами, музыкальный инструмент цвета тусклого золота торчал из его рта подобно какому-нибудь светящемуся животному.

На улице в воды абиджанского порта падали последние частицы пепла и остатков станции «Мир», мы могли любоваться этим зрелищем через окно комнаты. Благодаря нашему дару — способности становиться биологическими антеннами — в радиоэфире всего мира прозвучало каждое из произведений джазмена, а правда об обстоятельствах его смерти, как говорили, потоком хлынула в редакции СМИ.

Теперь наконец он имел возможность уйти — воссоединиться с бесконечной сущностью, которую мы называем Богом. Эйлер повернулся к нам, прервав монотонную протяжную мелодию, в которой чувствовалось странное влияние аллюзий на ирландско-шотландскую музыку.

— Мы все еще пребываем в одном из отделов коры моего головного мозга, — объяснила Карен. — Мы находимся на обратной стороне точек начала и конца вашей смерти. Именно здесь благодаря мощи нейровируса я смогла добиться абсолютной обратимости. Именно здесь сошлись воедино все жертвы. Вы умерли в Нью-Йорке, но ваша музыка родилась здесь, в Африке. Вы жили в Нью-Йорке, но именно отсюда вы наконец сможете по-настоящему выйти за пределы смерти.

Проклятый саксофонист поочередно посмотрел на каждого из нас, в его взгляде сквозила неподдельная грусть. Саксофон действительно был самым непосредственным продолжением всего его существа, и вам не удалось бы представить себе что-либо, лучше выражающее суть джазмена.

— Что ж, я пойду, — сказал музыкант.

— Да, ваши произведения теперь прозвучали opera mundi.[104] Правда о вашей смерти в ближайшие часы будет опубликована в

СМИ, выходящих на всем протяжении Восточного побережья США. Вы вырветесь из лимба Ист-Ривер. Когда вы будете осуществлять переход, поблагодарите «Мир» и советские технологии.

— Полагаю, бесполезно спрашивать у вас о том, как это произойдет? Ведь именно вам ведомы все решения, все ключи и замочные скважины.

— Ничего не произойдет, — только и ответила Карен. — На самом деле все уже случилось. Вы уже ушли, Альберт. Счастливого пути.

Теперь он был всего лишь эхом. Подобно изображениям на экране телевизора, мы, Карен и я, по косой приближались к линии «нормального» течения времени, если только такая существует.

Эйлер успел сделать последнее движение — своим саксофоном. Однако джазмен не поднес инструмент ко рту и не взял его с собой, как мы ожидали, а протянул его в нашу сторону, так что мне не оставалось ничего другого, как схватить этот подарок, тогда как сам даритель обернулся ворохом вспышек, которые постепенно рассеялись в жарком воздухе отеля.

Я взглянул на Карен — она была потрясающе красива. Саксофон блестел в моих руках, изображение на телеэкране стало идеально четким, а бегущая строка в нижней его части уведомляла зрителей о том, что «Мир» вернулся на заданную орбиту и весь экипаж спасся от гибели.

Принцип обратного действия сработал. Карен удалось выполнить поручение мертвого джазмена, а мне удалось последовать за ней гораздо дальше той черты, которую я полагал пределом возможного.

То, что совершенно точно возможно, оказывается до странного неинтересным — так мне почему-то подумалось.

Мы покинули гостиницу через день — отныне нам ни к чему было спешить как бешеным. Мы сдвинули все, что нужно, во времени и пространстве. В нашем новом прошлом мы не проезжали через те города, в которых побывали до «опыта» со станцией, а все сколько-нибудь важные даты больше не соответствовали хронологии нашего «первого» путешествия.

Карен изменила психическое состояние Космоса, по крайней мере — в этой части Солнечной системы.

У нас имелись билеты на самолет, на вечер следующего дня. Нас ждала серия промежуточных посадок по всему миру, после чего мы должны были оказаться в конечном пункте назначения.

Не знаю почему, но мне вздумалось сменить гостиницу —

виной тому отзвук, реминисценция присущей мне паранойи. К тому же мне ни капельки не хотелось искушать судьбу. Пришла пора убраться подальше от абиджанского порта, окрестных трущоб и ночных кафе, пользующихся дурной репутацией, и переехать в более цивилизованные места в центре города.

Стоянка такси находилась примерно в пятистах метрах от отеля.

Почему бы немного не пройтись пешком?

У меня инстинктивное чутье на неприятности, которому смело можно доверять. Я нес рюкзак за спиной и саксофон — в руках. У Карен тоже был ее ультрасовременный рюкзак и дамская сумочка «Vuitton».

Перед нами возникла вывеска кабаре. Я обратил внимание на парней, торчавших перед входом. Некоторым из них компанию составляли местные шлюхи. И сразу же понял, что нам стоило бы выбрать другую дорогу, но уже было слишком поздно: спустя считаные секунды мы очутились посреди толпы людей, сновавших по тротуару во все стороны.

Ну и излишне говорить, что дальнейшие события разворачивались очень быстро. Слишком быстро.

Это оказался один из ночных клубов, которые охотно принимают белых и их бабки. Но белые завсегдатаи этого заведения, откровенно говоря, ничем не лучше негров, которые с ними здесь гуляют.

Я чувствовал это. Я это предчувствовал.

Угроза возникла почти со всех сторон одновременно, но особенно опасными оказались два парня.

«О нет, — подумал я. — Только не сейчас».

Но события выходят у вас из-под контроля именно в тот момент, когда вы пытаетесь не допустить этого.

Один из типов отпустил какое-то похотливое замечание в адрес Карен, другой — принялся издеваться над моей рожей и моим саксофоном.

Мы продолжили путь, но эти придурки от нас не отстали, распаляясь все сильнее.

Номер первый — рыжеволосый чувак в полинявшей от морской воды гавайской рубашке преимущественно желтоватых оттенков — встал перед Карен эдаким истуканом и сказал ей весьма банальную непристойность, которая, с его точки зрения, была чудо какой оригинальной. Карен, храня надменное молчание, попыталась обогнуть его, но парень продолжал упорствовать. Есть такая манера настаивать.

Есть такая манера настаивать чуть больше, чем следует.

Что ж. Ладно.

Номер второй — жирный подонок, чье пузо едва прикрывала пропитанная потом белая рубашка с короткими рукавами и джинсы сверхбольшого размера, — приблизился ко мне.

— Твоя подружка? — спросил он у меня.

— А тебе зачем? — ответил я. — Ты что, из полиции, жирная свинья?

Подобные слова всегда должны сопровождаться определенными действиями, а еще лучше, когда такие действия предвосхищают вербальную угрозу. В этом я представляю собой прямую противоположность Карен, своего рода брата-близнеца наоборот. Ведь, по-моему, вовсе не Слово производит действие, но тот или иной поступок порождает определенный смысл. С глухим звуком кулаков, ломающих кости.

Не стоит предоставлять противнику ни малейшего шанса, все-таки подобный вариант — гораздо лучше.

Так что я немедленно перешел к действиям: слитным движением левая нога и таз выдвигаются вперед, а левый кулак мчится прямо к подбородку наглеца. Но таким образом обеспечивается всего лишь технический нокаут. Я же хотел большего. Вот почему вверх взметнулась моя правая рука, и вывернутый кулак обрушился на висок жирдяя всеми фалангами пальцев — удар сбоку, ушу.

В общем, сотрясение головного мозга гарантировано.

Затем я атаковал дебила в гавайской рубашке — он напомнил мне одного из двух придурков из порта (нет, решительно, у меня такая особая карма — сталкиваться с дуэтами кретинов). Этому типу я без затей врезал по башке, добив его ногами после того, как он уже свалился на землю. Я всегда бью лежащего. Так гораздо надежнее.

Никто из окружающих не вмешался. У каждого своих проблем хватает. А это дело белых.

В полицию не станут даже звонить, чтобы не портить репутацию заведения. И оба придурка, скорее всего, очнутся в муниципальной сточной канаве, раздетыми догола.

Я посмотрел на парня, которому только что расквасил рожу. Он тихонько попискивал, ползая по асфальту.

— Этим вечером ты, ублюдок, выучишь два урока. Первое: ты никогда не посмеешь насмехаться над умершими саксофонистами, о которых ничего не знаешь. Когда очухаешься, попытайся разок послушать настоящую музыку. Второе: запомни хорошенько припев вот этой песни: You can do anything, but don't step on my blue suede shoes,[105] — ты, даун из клуба отдыха.

Вот уже второй раз за сутки я шептал слова из песни Карла Перкинса типу, которому я только что безжалостно раскроил

башку. Это не имело никакого отношения к Альберту Эйлеру, зато совершенно напрямую было связано с моей юностью, прошедшей на окраине крупного города. Бывают такие уроды, которым по-настоящему не везет, даже в самой середке Африки: им приходит в голову хитрить с парнем, выросшим в регионе, что позже получил название Валь-де-Марн.

Я совершил путешествие по ту сторону физических пределов Вселенной, но я происходил из нулевого километра мегаполиса. Вот два понятия, которые я вбил в голову этого идиота как основополагающие положения.

Потому я добавил: «Это тайна принципа обратного действия, объясненная на доступном тебе уровне, мононейронная амеба: не наступай на мои ботинки, ведь в противном случае они наступят на горло тебе». И я тут же подтвердил этот тезис практическим примером, так что парень не мог бы пожаловаться на нехватку тщательности в педагогическом процессе с моей стороны.

Я добил подонка ударами пятки в солнечное сплетение и по гортани. Этому микроцефалу-бездельнику понадобится время, чтобы полностью поправиться, и он получит все возможности спокойно поразмыслить над моими советами.

Вокруг нас смеялись негры, возбужденные видом крови, а я должен признать, что ее пролилось чертовски много.

Карен взглянула на меня с таким видом, как будто хотела сказать: «Ты никогда не изменишься».

Я мимоходом последний раз пнул парня по роже — таким ударом посылают в сетку футбольный мяч.

Наоборот, я сильно изменился. Оба эти кретина остались в живых.

Мы оставили абиджанский порт за спиной, сели в первое попавшееся такси и провели нашу последнюю африканскую ночь в роскошном отеле в центре города.

Припоминаю, что, сидя на постели queen size[106] «Шератона» перед телевизором с отключенным звуком, я сунул мундштук саксофона в губы и долго дул в инструмент, так и не сумев произвести с его помощью хотя бы писк.

У меня возникло предчувствие, что если кому-нибудь из моих современников удастся извлечь из этого механизма мало-мальски гармоничный звук, такой человек, вероятно, станет неоспоримым виртуозом в игре на саксофоне.

«Появится ли однажды новый Альберт Эйлер?» — спросил я сам себя, перед тем как заснуть мертвецким сном.

Ответ возник почти тут же — в гуще сновидения.

Нет. Эйлер был уникален, что он наглядно доказал нам на станции. Саксофон — это больше чем сувенир, вещественный

остаток или след. Этот инструмент — аналогия того, чем был Альберт Эйлер, и на самом деле он по-настоящему звучал внутри нас.

Реально и живо то, что распространилось по радиоэфиру всей планеты, реальна и жива музыка сфер, которая иногда подчиняет себе отдельно взятый мозг.

Двести пятьдесят тысяч долларов — в стране вроде Кот-д'Ивуара эта сумма сопоставима с годовым бюджетом какого-нибудь города. Сотрудники банка проявили отменную предупредительность, особенно когда я поведал им историю о том, как попал в ДТП на мотоцикле и лежал парализованным дни напролет, хотя с нетерпением ждал поступления этих денег, чтобы осуществить инвестиционную операцию в регионе.

Я предъявил список банков и стран, куда желал перевести свои кровные — на расчетные счета с процентом по вкладам до востребования. Наличка должна быть доступна в любой момент — эту реплику я повторил многократно. В мои планы якобы входит объехать регион, прежде чем я приму решение об окончательном размещении средств. «Я должен иметь возможность остановиться, где только захочу, и в ту же секунду иметь все деньги в полном распоряжении, — говорил я, уточняя: — Такова моя манера планировать дела».

Часть бабок останется в абиджанском филиале — следовало бросить им кость. Вслух же я дал понять, что эта сумма якобы послужит плацдармом для моих будущих инвестиций. При этом у меня возникло твердое впечатление, будто я — один из «миссионеров» МВФ.

«Конечно, господин, безусловно»; «Сию же минуту, господин»; «Всё будет сделано так, как вы хотите, господин».

Я разжился целой кучей кредитных карточек, действительных где угодно, вплоть до самого глухого уголка Папуа — Новой Гвинеи. Я распределил три четверти нашего бабла вдоль пути до Кейптауна, а остальное верну при случае.

Выйдя из банка, я купил утренних газет. Труп, обнаруженный в порту, в них даже не упоминался. В доступной здесь французской прессе писали только о падающей станции «Мир», о мощных бурях, обрушившихся за два дня до этого на юго-восточные районы страны, об участившихся случаях рождения животных-мутантов в окрестностях атомной электростанции Сен-Лоран-дез-О.

Апокалиптические знаки явно обретали все более зримую форму в гуще человеческой массы, которая продолжала делать вид, будто ничего не знает о своей грядущей участи.

Коэн-Солаль однажды объяснил мне, в чем суть заблуждения

умов, связанного с достаточно простыми словами.

Апокалипсис означает вовсе не конец света, всеобщую катастрофу и т. п., а наоборот — Откровение о Божественном присутствии в мире. Данная стадия, наоборот, подразумевает конец предшествующей эпохи, той, в которой мы живем, эры, которую древние индусы называли Кали Юга, времени разрушения, то есть изменения, времени необратимых мутаций. В китайском языке «кризис» и «изменение» — это одно и то же понятие, а древние греки также предчувствовали, что любые эволюционные процессы находят свое выражение в цепочке резких и мучительных скачков. Всякий сознательный человек прекрасно понимает, что насилие и зло — необходимые элементы любого акта творения, идет ли речь о природе, обществе или искусстве. Но всякий сознательный человек при этом осознает, что те же самые жизненно важные элементы регулярно превращаются в смертельно опасные факторы, если угодно — в радиоактивные изотопы, и что цель игры как раз и состоит в том, чтобы ослабить их воздействие, вознестись над ними и не стать их рабами в силу своего невежества или самовлюбленности.

«В Библии постоянно повторяется мысль о том, что человеку на роду написано быть преходящим и переходным существом», — говорил Коэн-Солаль. Именно он надоумил меня познакомиться с сочинениями Ибн Араби и Руми, работами евреев-каббалистов и Отцов церкви. Я не успел серьезно вникнуть в суть прочитанного, но четко уяснил одну вещь: мы вступили в заключительную стадию библейского цикла времен. Армагеддон уже начался. Учитывая, сколько времени нам, Карен и мне, осталось, мы решили прожить отмеренный нам срок на морском пляже в субтропиках, с телевизором под рукой, чтобы ничего не пропустить. И с саксофоном Альберта Эйлера, джазмена с падающей станции «Мир»; — саксофоном, воплощающим в себе все, чем он был, все, чем мы теперь стали; музыкальным инструментом, вместе с нами совершившим путешествие за пределы бесконечного, которое теперь не в силах наступить нам на ногу, как бы этого кому-нибудь ни хотелось.

notes

Примечания

1

Раз — из-за денег… *(англ.),* (первая строка песни, написанной и впервые исполненной американским рок-музыкантом К. Перкинсом в 1955 г.; всемирную известность песня получила в исполнении Э. Пресли с 1956 г.). Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примечания переводчика.

2

«PTT», *«Postes, télégraphes et téléphones»,* название государственной почтовой службы Франции в 1921–1991 гг., в просторечии используется до сих пор.

З

«Спид», или «спидуха» (от *англ.* speed, скорость), сленговое название транквилизатора из семейства амфетаминов.

4

«Мет» (от *англ.* meth), или «винт» (от марки препарата «первитин»), сленговое название транквилизатора «метафметамин».

5

Жаргонное название автомобиля «БМВ».

6

Мант-ла-Жоли, городок в 57 км к западу от Парижа.

7

Эйлер Альберт (1936–1970), американский саксофонист и композитор.

8

Имеется в виду так называемый ковер из Байё, памятник средневекового искусства, иллюстрирующий высадку Вильгельма Завоевателя в Англии.

9

Иль-де-Франс, регион Франции, куда входит Париж с предместьями.

10

Здесь: информационная система правоохранительных органов Франции.

11

ОСП, околосмертные переживания (*англ.* NDE, Near death experience), особое состояние психики, связанное с близостью клинической смерти.

12

Термин из информатики: выполнение программой определенных операций без уведомления пользователя.

13

Андеграундное братство *(англ.)*.

14

Депрессант, здесь: вещество, действие которого обратно действию транквилизатора.

15

TGV, французская сеть высокоскоростных электропоездов.

16

Инфокэш (*англ.* Infocash), система моментальных электронных микроплатежей.

17

«Команда „А“», популярный комедийно-приключенческий сериал производства США.

18

Сквид (от *англ.* SQUID, Superconducting Quantum Interference Device — сверхпроводящий квантовый интерферометр), сверхчувствительный магнетометр, используется для измерения очень слабых магнитных полей.

19

Нейромедиатор, здесь: биологически активное химическое вещество, посредством которого осуществляется передача электрического импульса между нейронами.

20

Стек, участок компьютерной памяти для временного хранения информации; при записывании новых данных самый ранний из хранящихся в нем файлов стирается.

21

Общее название принявших ислам в VII в. коренных жителей Северной Африки, от Египта на востоке до Атлантического океана на западе и от Судана на юге до Средиземного моря на севере. — *Примеч. ред.*

22

Сканк, от *англ.* skunk, скунс, жаргонное название сортов конопли, обладающих сильным наркотическим эффектом.

23

Кто вы? *(англ.)*.

24

Стэн Лорел (1890–1965), британский комедийный актер, входил в знаменитый кинодуэт Лорел и Харди (худенький коротышка и крепкий высокий толстяк).

25

Всемирная организация здравоохранения.

26

Два — ради шоу *(англ.),* вторая строка песни К. Перкинса, 1955 г.

27

Одна из торговых марок ацетилсалициловой кислоты, в данном случае так называемый шипучий, растворимый в воде аспирин.

28

Забивать косяк *(жарг.),* сворачивать самокрутку с наркотиком внутри.

29

УПК, установка для перемещения космонавта.

30

Нарби Джереми, антрополог из Стэнфордского университета, автор исследования, посвященного ДНК, когнитивным процессам и их связи с шаманскими обрядами.

31

Напиток, оказывающий психоактивный эффект, изготовляемый местными жителями бассейна Амазонки, а также лиана Banisteriopsis caapi, служащая основным компонентом этого напитка. — *Примеч. ред.*

32

Известное французское издательство, специализирующееся по выпуску путеводителей по ресторанам.

33

Национальный центр космических исследований.

НАСА *(NASA),* Национальное агентство по аэронавтике и исследованию космического пространства (США).

35

Бешеная собака *(англ.)*.

«Мир на земле», «Мир на землю» *(англ.)*.

37

Карточная игра.

38

Мегаполис, образованный в результате слияния нескольких соседних городов.

39

Фашистский концлагерь в земле Нижняя Саксония.

40

Особая воздушная служба (Special Air Service), подразделение спецназа Великобритании; имеется в виду высадка союзников в Нормандии 6 июня 1944 г.

Имеется в виду «Боинг-757».

42

Сокращение от *фр.:* Recherche, Assistance, Intervention, Dissuasion, элитное подразделение французского спецназа, занимающееся борьбой с терроризмом и оргпреступностью.

43

Три — приготовься, котик; ну, пошел, пошел… *(англ.),* третья строка песни К. Перкинса, 1955 г.

44

«SyQuest Technology», или «SYQT», американская компания, производитель съемных и переносных жестких дисков для компьютеров.

45

Легкая фронтовая авиация (Aviation légère de I'armée de terre), во французской армии — авиационное соединение, занимающееся поддержкой операций наземных войск, в частности освещением зоны передвижения войск в ночных условиях, подсветкой вражеских целей, эвакуацией бойцов; в основном состоит из легких вертолетов.

46

Искусственный интеллект.

Международный валютный фонд.

K7, торговое название «Athlon», микропроцессор седьмого поколения, выпускаемый компанией AMD.

Нет… Я из Берлина *(нем.)*.

50

Героин, как правило, в форме, предназначенной для инъекций *(жарг.)*.

51

Героин в порошкообразной форме, предназначенный для жевания *(жарг.)*.

52

Марихуана *(жарг.)*.

53

Кокаин в порошкообразной форме, предназначенный для курения *(жарг.)*.

54

Синтетический наркотик в форме таблеток *(жарг.)*.

Наркоман *(жарг.)*.

Кокаин *(жарг.)*.

Здесь: вид китайской оздоровительной гимнастики.

Здесь: цифровой телесигнал высокой четкости.

59

Арабская одежда, халат без рукавов.

Лесбиянка *(жарг.)*.

61

Армия Израиля.

62

Принятое в Израиле название Первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг.

63

Суэцкий кризис, или Суэцкая война, принятое в Израиле название Второй арабо-израильской войны 1956–1957 гг.

«Апокалипсис сегодня» *(англ.)*.

65

Здесь: танцевальное движение, короткий мах ногой.

66

Термин из китайской философии: жизненная энергия, психическая сила.

67

Пивная на Диком Западе.

68

Короткий боковой удар рукой.

69

Голубые замшевые туфли *(англ.),* аллюзия на песню К. Перкинса; см. примечание к заглавию последней главы.

Колышек для крепления швартовых.

71

Торговое название широко распространенного во Франции и бывших французских колониях набора для инъекций.

72

Доза наркотика, превышающая безопасный уровень *(жарг.)*.

Сделано во Франции *(англ.)*.

Нож *(жарг.)*.

Наркотики *(жарг.)*.

76

Здесь: член рок-группы «Beach Boys», которая популяризировала музыку сёрфингистов.

77

Прототипом для описываемой структуры, вероятно, послужила реально существовавшая компания со схожим названием: «Executive Outcomes». Основана в 1989 г. в ЮАР, официально распущена в декабре 1998 г.

78

Африканский национальный конгресс, политическая организация чернокожего населения ЮАР, с 1994 г. — правящая партия страны.

79

SWAPO, South-West African People's Organisation *(англ.),* Организация народов Юго-Западной Африки, леворадикальная негритянская организация, которая в 1960–1980-х гг. вела партизанскую войну против войск ЮАР на территории Намибии.

MPLA, Movimento Popular de Libertação de Angola *(порт.),* Народное движение за освобождение Анголы, политическая партия Анголы, правящая партия с 1975 г.

81

UNITA, Uniäo Nacional para a Independência Total de Angola *(порт.),* Национальный союз за полную независимость Анголы, повстанческая группировка, принимавшая участие в гражданской войне 1975–2002 гг.

82

Американская химическая компания, держатель патентов на многие инновационные химические соединения.

83

Досл.: «Белая дрянь» *(англ.)*.

84

Только не наступай на мои голубые замшевые туфли… *(англ.),* четвертая строка песни К. Перкинса, 1955 г.

85

Партия черных пантер, радикальная негритянская организация, боровшаяся за права чернокожего населения в США в 1960–1970-е гг.

Здесь: часть чистилища, местопребывание душ праведников, ожидающих искупления.

«Barnum», полное название «Ringling Bros, and Barnum & Bailey Circus», одна из старейших и известнейших цирковых компаний США.

New York City Police Department, *(англ.),* Департамент полиции Нью-Йорка.

Дорогая *(англ.)*.

90

Ретротранспозон, тип генетического элемента.

91

Темная энергия *(англ.),* в физике — гипотетическая форма энергии, которая пронизывает все сущее и увеличивает скорость расширения Вселенной.

Милый *(англ.)*.

93

Мультиплексирование, в информационных технологиях — объединение нескольких потоков данных (виртуальных каналов или каналов связи) в один.

Здесь: любовь моя *(англ.)*.

95

Здесь: марш, обычно исполняемый духовым оркестром *(англ.)*.

Блюз Дельты, один из самых ранних стилей блюза *(англ.)*.

97

От англ.: Rhythm and blues, жанр поп-музыки, возникший на основе сочетания джаза, блюза и госпела.

Стиль джаза.

Всеми необходимыми средствами *(англ.)*.

Здесь: ОТКЛЮЧЕНИЕ ОТ СЕТИ *(англ.)*.

101

Здесь: ВКЛЮЧЕНИЕ В СЕТЬ *(англ.)*.

102

Древо сефирот, или сфирот, Древо жизни в учении каббалы, состоящее из десяти сфирот, эманаций мироздания.

103

Кетер («корона», или «венец»), в каббале: первая из десяти сфирот.

Здесь: на весь мир *(лат.)*.

105

Можешь делать что угодно, только не наступай на мои голубые замшевые туфли *(англ.),* цитата из песни К. Перкинса, 1955 г.

Королевского размера *(англ.)*.